

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Шабалин Аркадий Дмитриевич

**СРЕДСТВА КРОССМЕДИЙНОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ПРОЕКТАХ:
ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СМИ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Карпухина Виктория Николаевна

Барнаул – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КРОССМЕДИЙНАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ МЕДИАРЕЧИ. МЕДИАОБРАЗ, МЕДИАЛЕКТ, МЕДИАТЕКСТ	17
1.1. Язык новых медиа: медиалект	17
1.2. Условия функционирования медиалекта: сценарии конвергентности	22
1.3. Соотношение понятий «медиаобраз» – «медиалект» – «медиатекст»	26
Выводы по Главе 1	35
ГЛАВА 2. ЭКОЛОГИЧНОСТЬ МЕДИАЛЕКТА: ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ	37
2.1. Медиалингвистика и лингвоэкология: точки пересечения	37
2.2. Медиалект: лингвоэкологическая специфика	41
2.3. Лингвоэкологические факторы риска функционирования медиалекта и критерии их выделения	51
2.3.1. Структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи: лингвоастенизмы, лингвоперверсивы, лингвотоксины	51
2.3.2. Нормативно-стилистический аспект экологичности медиаречи	61
2.3.3. Коммуникативно-прагматический аспект экологичности медиаречи	69
Выводы по Главе 2	79
ГЛАВА 3. ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ПРОЕКТОВ	82
3.1. Цифровой диалог и сценарии конвергентности. Лингвоэкологический потенциал медиавысказывания	82
3.2. Макростратегия контроля цифровой коммуникации: аксиологические критерии экологичности медиаречи	92
3.3. Макростратегия прогнозирования цифровой коммуникации: прагматические критерии экологичности медиаречи	101
Выводы по Главе 3	111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	113
БИБЛИОГРАФИЯ	119
ИСТОЧНИКИ АНАЛИЗИРУЕМОГО МАТЕРИАЛА	163
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ДИССЕРТАЦИИ ТЕРМИНОВ	171
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.	175

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено функционированию средств кроссмедийной выразительности в русскоязычных и англоязычных (британских и американских) СМИ с лингвоэкологической точки зрения. Именно такой ракурс изучения медиасреды позволяет не только описать риски, характерные для современной цифровой коммуникации, но и выявить четкие критерии ее экологичности. Они зависят от контекстуальных индикаторов, средств кроссмедийной выразительности медиаречи, которые формируют медиалект – не столько языковой, сколько бытующий в медиа и детерминированный ими цифровой объект; результат вербализации медиаобраза, где под «медиаобразом» понимается форма существования массового сознания в медиакommunikации» [Галинская 2013, с. 91]. Помимо аксиологической, информативной, культууроформирующей и других функций, медиаобраз выполняет функцию языковой селекции: отбора вербальных и невербальных средств в зависимости от канала трансляции отдельно взятого СМИ. Согласно отечественной исследовательской традиции, «“медиа” и “СМИ” обозначают различные объекты. “Медиа” относится к широкой совокупности технологических средств коммуникации. “СМИ” понимаются как формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием, т. е. это весьма ограниченный круг медиа» [Медиалингвистика 2018, с. 406].

Основная специфика медиалекта как результата речевого воплощения массового сознания в медиакommunikации заключается в его способности адаптироваться к различным каналам трансляции. Эта адаптация зависит от сценариев конвергенции, то есть определенных вариантов общения в цифровой среде, что обуславливает необходимость введения в теорию языка связанного с феноменом конвергентности и его сценариями понятия «кроссмедийная выразительность медиаречи», которое устанавливает связь между определенным каналом трансляции и теми языковыми средствами, которые используются коммуникантами на этом канале. Под кроссмедийной выразительностью

медиа́речи понимается «использование вербальных, иконических, аудиальных средств в зависимости от пропускной способности канала трансляции и с определенной коммуникативной целью» [Шабалин 2020d]. В связи с этим именно медиа́лект, точнее, результаты его функционирования в зависимости от сценариев конвергенции, служат точкой пересечения для таких, казалось бы, различных исследовательских направлений, как медиа́лингвистика и лингвоэкология.

Актуальность темы исследования обусловлена растущим интересом антропоцентрически ориентированной лингвистики к изучению цифровой коммуникации в новых медиа, в том числе в сетевых СМИ. Учитывая повышенный интерес специалистов в области медиа́лингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики к экологическому статусу пространства цифровой коммуникации, представляется необходимым обратиться к изучению языка новых медиа, т. е. медиа́лекта. Формирование медиа́лекта – новейшего подстиля публицистического стиля, функционирующего в новых медиа, происходит в условиях глобальной цифровой коммуникации, где речевая норма, как показывает медийная практика, регламентирована в меньшей степени, чем норма языковая. В связи с этим на узуральность начинают претендовать окказиональные и периферийные лексемы, что, безусловно, требует лингвоэкологической оценки.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы по медиа́лингвистике, лингвоэкологии, стилистике языка и речи, когнитивистике, анализу дискурса, корпусной лингвистике.

Обзор научной литературы по теме диссертации выявил, что в первую очередь медиа́лект с разных гуманитарных позиций осмысливают ведущие российские теоретики языка Е. Н. Басовская, Е. Л. Вартанова, И. А. Вещикова, Л. Р. Дускаева, М. А. Марусенко, А. В. Полонский, Н. Н. Трошина и др. Первые же упоминания термина «медиа́лект» в отечественном научном дискурсе встречаются после 2008 года. В частности, в статье Л. Ю. Щипициной [Щипицина 2009], рассуждающей о стилистико-языковом и жанровом подходах к изучению компьютерно-опосредованной коммуникации, в диссертации В. М. Смокотина

[Смокотин 2011], который рассматривает это понятие в связи с англицизацией глобальной культуры через СМИ, цитируя автора этого термина – датского ученого С. Хьярварда. Стоит заметить, что С. Хьярвард заговорил о медиалекте еще в 2004 году, отмечая, что «любой анализ все более опосредованного языка обществом должен также учитывать языковые варианты, возникающие в конкретных медиа. Это то, что я решил назвать медиалектами» [Hjarvard 2004] (перевод здесь и далее наш. – А. Ш.). Дальнейшие исследования в этой области показали: медиалект можно рассматривать как сетевой лингва франка [McIntosh 2010], языковой вариант отдельно взятого медиа [Miliūnaitė 2012], лингвогибрид [Lee 2013] и т. д.

Рассматривать лингвистические темы с экологических позиций начал американский лингвист Э. Хауген, который ввел понятие «лингвоэкология», считая язык 1) инструментом, который использует общество, а также 2) средой, в которой существует это самое общество [Haugen 2001]. Затем возникла «инвайроментальная лингвистика», ее главная задача: описать связь между языком и средой обитания его носителей. Стала развиваться философия экологической лингвистики, в частности, благодаря П. Финке [Finke 2017] и В. Трампе [Trampe 2001], которые уверены, что человек живет в системе «язык – мир», а значит, языковые процессы неразрывны с процессами экологическими. На данный момент в зарубежной науке как минимум три центральных направления эколингвистики: экология языка, экологическая лингвистика, лингвоэкология. Экология языка изучает воздействие языков друг на друга, решая тем самым макролингвистическую проблему языкового, а, следовательно, и этнокультурного разнообразия (Э. Хауген, П. Мюльхойслер, Ф. Криер). В основе экологической лингвистики лежит «метафора экосистемы», то есть анализ языковых и культурных систем (П. Финке, В. Трампе). Лингвистическая (языковая) экология, или лингвоэкология, задается вопросом, может ли язык помогать в решении экологических проблем (М. Халлидей, М. Юнг).

Это диссертационное исследование основывается на отечественной лингвоэкологической традиции, согласно которой термин «лингвоэкология» – не

синоним термину «эколингвистика». Как поясняет А. П. Сковородников, «Термин “лингвоэкология” соотнесен со значением словосочетания “экология языка” и, таким образом, свидетельствует, что в этой науке целью и предметом исследования являются условия существования языка, попросту говоря, забота о здоровье языка... Термин же “эколингвистика” соотнесен со значением словосочетания “язык экологии” и таким образом свидетельствует, что здесь мы имеем дело с лингвистикой экологии, изучающей специфику языка науки экологии, прежде всего ее терминологический аппарат» [Экология русского языка 2017, с. 6].

В настоящее время медиалингвистический ракурс исследований значительно расширился, кроме собственно медийного аспекта (Е. Н. Басовская, А. А. Беловодская, А. В. Болотнов, Е. Л. Вартанова, В. П. Воробьев, И. М. Дзялошинский, Ю. М. Зубарева, В. Д. Мансурова, А. В. Полонский, Л. М. Попкова, Л. В. Рацибурская), он включает лингвистический (И. И. Бакланова, А. В. Дегальцева, Л. М. Гончарова, С. В. ИONOва, Э. А. Китанина, Г. А. Копнина, О. Б. Сиротинина, Н. А. Сребрянская, А. П. Сковородников, З. К. Тедеева, М. Н. Эпштейн), стилистический (В. В. Васильева, В. В. Виноградов, Л. Р. Дускаева, М. Н. Кожина, В. П. Москвин, Г. Я. Солганик, Б. В. Томашевский, Н. С. Цветова), лингвокультурологический (С. В. Друговейко-Должанская, В. С. Елистратов, А. Д. Шмелев), лингвопсихологический (В. В. Латынов, А. Г. Фомин, В. И. Шаховский), лингвофилософский (И. В. Анненкова), переводческий (В. Н. Карпухина, А. В. Колмогорова, З. Г. Прошина, Е. В. Чистова), лингводидактический (Л. И. Богданова, Н. Д. Голев, Т. Г. Рабенко, Е. П. Франко, М. В. Франко), социалингвистический (Н. Г. Аветисян, А. Л. Арефьев, С. И. Богданов, Е. С. Кара–Мурза, Л. Г. Ким, М. А. Марусенко, О. И. Северская, Л. В. Селезнева, Н. Н. Трошина) и другие аспекты.

Когнитивный анализ языка представлен в работах Н. Д. Арутюновой, Л. С. Большаковой, Т. А. ван Дейка, Ю. Н. Караулова, В. В. Красных, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Н. Б. Лебедевой, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, Е. А. Юриной.

Дискурсоведческие исследования, посвященные языку и стилю медиадискурса, включают труды И. В. Анненковой, М. Беднарк, Т. Г. Добросклонской, Л. И. Ермоленкиной, В. А. Каменевой, В. И. Карасика, Х. Кейпл, Н. И. Клушиной, В. В. Латынова, Н. В. Мельник, Р. В. Патюковой, К. Турлоу, Т. В. Чернышовой и др.

Методология корпусной лингвистики изложена в работах С. Ю. Богдановой, В. П. Захарова, О. Н. Ляшевской и др.

Объектом исследования выступает медиалект как подъязык публицистического стиля в мультимедийных проектах современных СМИ.

Предметом исследования являются средства кроссмедийной выразительности в медиалекте, рассматриваемые с позиций лингвоэкологии.

Научная гипотеза исследования заключается в предположении, что в медиалекте формируются средства кроссмедийной выразительности медиаречи, которые в рамках лингвоэкологии можно рассматривать в двух аспектах: нормативно-стилистическом и коммуникативно-прагматическом.

Цель исследования: изучить средства кроссмедийной выразительности, функционирующие в медиалекте, в двух аспектах: нормативно-стилистическом и коммуникативно-прагматическом, взяв за основу лингвоэкологический подход.

Поставленная цель определила следующие **задачи исследования:**

- 1) рассмотреть проблему функционирования медиалекта в условиях цифровой коммуникации;
- 2) изучить влияющие на цифровую коммуникацию сценарии конвергенции;
- 3) разработать структурно-семантическую классификацию средств кроссмедийной выразительности в медиалекте с учетом критериев экологичности/неэкологичности медиаречи;
- 4) выявить лингвистические параметры AI-текста, позволяющие отличить роботизированный текст от нероботизированного;
- 5) дать лингвоэкологическую оценку результату вербализации медиаобраза – медиалекту, функционирующему в условиях цифровой

коммуникации, инициируемой ведущими российскими и зарубежными, в частности, британскими и американскими, СМИ.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что впервые:

- введено понятие «средства кроссмедийной выразительности медиаречи»;
- уточнено понятие «медиаобраз» – исследовано в соотношении с понятиями «медиалект» и «медиаатекст» с лингвоэкологической точки зрения, дано лингвоэкологическое обоснование связанным с функционированием в условиях цифровой коммуникации медиалекта проблемам;
- предложена структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи, которая показывает двуединство языка и речи: одни и те же средства могут быть экологичны для языковой системы, но неэкологичны для речевой системности функционального стиля – и наоборот;
- определены критерии экологичности элементов медиалекта: нормативно-стилистический и коммуникативно-прагматический;
- выявлены категориальные отличия медиаатекста от AI-атекста, тоже функционирующего в цифровой среде.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что:

- существенно дополнены понятия «медиаобраз», «медиалект», «медиаатекст», уточнено их терминологическое соотношение;
- изучен феномен конвергентности, раскрыто влияние сценариев конвергенции на цифровую коммуникацию;
- разработана структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности в медиалекте;
- предложено описание взаимодействия субъектов цифровой коммуникации: адресанта homo interneticus и адресата homo confusus, выявлены порождаемые цифровой коммуникацией лингвоэкологические риски;

- определены критерии разграничения AI-текста и медиатекста как продуктов речевой деятельности, создаваемых в условиях цифровой коммуникации;
- создана процедура комплексной лингвоэкологической диагностики цифровой коммуникации, в том числе алгоритм лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта;
- намечены перспективы развития отечественной лингвоэкологической традиции с учетом ее междисциплинарного, в том числе медиалингвистического, потенциала.

Практическая значимость исследования заключается в результатах, полученных во время проведения лингвоэкологической диагностики ведущих СМИ. Полученные результаты можно использовать для разработки академических курсов по экологии языка, медиалингвистике, лингвостилистике. Они могут быть полезны и в профессиональной деятельности журналистов, лингвистов, филологов, переводчиков, литературоведов и всех тех, кого интересует состояние родного языка. Более того, эмпирические данные можно использовать для создания «лингвоэкологического кадастра»: систематизированного свода экологических проблем языка и речи с их краткой характеристикой и лингвоэкологическими рекомендациями.

Методология диссертационного исследования базируется на антропоцентрической научной парадигме в языкознании [Кубрякова 1994], что дает возможность выйти за рамки структурной лингвистики, наметив междисциплинарный горизонт лингвистического знания, в частности, взаимосвязь медиалингвистики и лингвоэкологии.

Методической основой исследования выступают описательный метод исследования языка, метод контекстного анализа, метод функционально-коммуникативного анализа, структурный, конструктивный, социалингвистический, лингвопрагматический, лингвоэкологический методы. Используемая в диссертации структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи позволила установить корреляцию

между наблюдаемым лингвоэкологическим процессом и его конкретным результатом. С целью поиска и отбора наиболее релевантного цели и задачам исследования материала применен метод корпусного анализа текста.

Методика лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта представляет из себя следующий алгоритм:

1. Выделить коммуникативный фрагмент медиаречи: предложение, абзац, текст.

2. Отметить требующие лингвоэкологической оценки элементы медиалекта.

3. Определить аспект лингвоэкологической оценки: нормативно-стилистический и/или коммуникативно-прагматический.

4. В случае с нормативно-стилистическим аспектом лингвоэкологической оценки необходимо с помощью словарей установить языковую узуальность диагностируемых элементов медиалекта, учитывая их структурно-семантическую функциональность (см. Таблицу № 1. Структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи в лингвоэкологическом ключе). Общий критерий экологичности: соблюдение норм правописания/произношения или стилистических норм.

5. Если в нормативно-стилистическом аспекте лингвоэкологической оценки элемент медиалекта экологичен, то перейти к следующему элементу медиалекта. Если неэкологичен или амбивалентен, тогда необходимо спрогнозировать вызываемый им языковой негативный эффект, который может влиять на лингвоэкологический потенциал медиавысказывания. Среди возможных негативных языковых эффектов: институализация антинормы, семантическая аберрация, нарушение языковой узуальности, лексико-семантическая конверсия.

6. В случае с коммуникативно-прагматическим аспектом лингвоэкологической оценки необходимо с помощью контекста установить стилевую (речевую) узуальность диагностируемых элементов медиалекта, учитывая их структурно-семантическую функциональность (см. Таблицу № 1. Структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи в лингвоэкологическом ключе). Общий критерий

экологичности: соблюдение принципа Кооперации (в терминологии П. Грайса) и принципа Вежливости (в терминологии Р. Лакофф).

7. Если в коммуникативно-прагматическом аспекте лингвоэкологической оценки элемент медиалекта экологичен, то перейти к следующему элементу медиалекта. Если неэкологичен или амбиэкологичен, тогда необходимо спрогнозировать вызываемый им речевой негативный эффект, который может влиять на лингвоэкологический потенциал медиавысказывания. Среди возможных негативных речевых эффектов: деперсонализация коммуникации, конфликтогенность коммуникации, увеличение информационного шума, доминирование прагматической функции общения в ущерб остальным, коммуникативная редукция.

8. Выявить функции диагностируемых элементов медиалекта в медиатексте, то есть речевые стратегии:

- адаптация/форенизация (бленд, варваризм, неологизм, транслит/транскрипция);
- идеологическая оценка (аксиологический амбивалент, глорификатор, негативатор);
- оповещение (активный линк, маркер разговорной речи, хэштег);
- языковая игра (голофразис, интернет-междометие, интернет-частица, каламбур, мем, несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, никнейм, олбанская конструкция, эмотикон, эпоним, эрратив);
- языковая/речевая редукция (аббревиатура, речевой шаблон – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (экономия языковых усилий).

9. Определить сценарии конвергентности, реализуемые с помощью этих речевых стратегий: мультимедийный, кроссмедийный, трансмедийный.

10. Сделать заключение по итогам лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта.

Эмпирическим материалом исследования послужили 70 медиапроектов современных российских и зарубежных СМИ: «Российская газета», «Парламентская газета», «Известия», «Литературная газета», «РБК», «Огонек», «Эксперт», «Коммерсантъ», «Афиша.Daily», «Труд», «Гол», «Вести», «Arzamas», «Lenta.ru», «Theory&Practice», «The Guardian», «The New York Times». Общий объем эмпирического материала – 470 000 печатных знаков. Кроме того, для корпусного поиска отдельных элементов медиалекта был использован Национальный корпус русского языка – прежде всего его подкорпус «Социальные сети», а также основной и газетный подкорпусы.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Исследование соответствует шифру специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика: 2. Направления современного языкознания и используемые в них методы описания языков. Терминологический аппарат лингвистики. Лингвистические модели. Метаязык современной лингвистики. 7. Социальная вариативность языка. Исследование языковых ситуаций и языковых явлений методами социолингвистики. 9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста. 10. Соотношение вербальной и невербальной деятельности. Лингвистика жестовых языков. Исследование мультимодальной коммуникации. Исследование невербальных систем коммуникации. 23. Корпусная лингвистика. 24. Лингвистическое исследование продуцирования и понимания естественного языка. Лингвистические аспекты искусственного интеллекта. 25. Теоретические проблемы речевого воздействия. Риторика. 26. Теоретические проблемы юрислингвистики, политической лингвистики и языка средств массовой информации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С лингвоэкологических позиций в качестве аспектов исследования средств кроссмедийной выразительности медиаречи могут быть избраны нормативно-стилистический и коммуникативно-прагматический. С нормативно-стилистической точки зрения экологичными могут быть признаны те элементы

медиалекта, которые использованы с учетом общего критерия экологичности – соблюдение норм правописания, а неэкологичными – те, с помощью которых происходит институализация антинормы, семантическая аберрация, нарушение языковой узуальности. С коммуникативно-прагматической точки зрения экологичными могут быть признаны те элементы медиалекта, которые выстроены с учетом общего критерия экологичности – соблюдение коммуникативного равновесия, неэкологичными – те, которые приводят к деперсонализации коммуникации, повышают ее конфликтность, порождают информационный шум.

2. В нормативно-стилистическом аспекте под экологичностью следует понимать отвечающее языковой норме, стилистически оправданное словоупотребление, основанное, прежде всего, на кодифицированном написании или произношении в соответствии с Русским орфографическим словарем (если слово находится на стадии кодификации, тогда представляется целесообразным учитывать тот факт, образовано ли оно согласно деривационным моделям русского языка) или в соответствии с Большим орфоэпическим словарем русского языка. При исследовании экологичности медиаречи в нормативно-стилистическом аспекте в качестве общего критерия предлагается избрать критерий соблюдения норм правописания/произношения или стилистических норм. Нарушение этого критерия ведет к неэкологичности средства кроссмедийной выразительности медиаречи. Следствиями этого нарушения являются институализация антинормы, семантическая аберрация, нарушение языковой узуальности, лексико-семантическая конверсия.

3. В коммуникативно-прагматическом аспекте под экологичностью следует понимать отвечающее речевой норме, контекстуально оправданное словоупотребление, основанное, прежде всего, на стремлении к коммуникативному равновесию. Поэтому при исследовании медиаречи в коммуникативно-прагматическом аспекте общим критерием экологичности предлагается избрать критерий соблюдения двух основополагающих принципов любой коммуникации – принципа Кооперации (в терминологии П. Грайса) и

принципа Вежливости (в терминологии Р. Лакофф). Нарушение этого критерия ведет к неэкологичности средства кроссмедийной выразительности медиаречи. Следствиями этого нарушения являются деперсонализация коммуникации, конфликтогенность коммуникации, увеличение информационного шума, доминирование прагматической функции общения в ущерб остальным, коммуникативная редукция.

4. В функционировании медиалекта как цифрового объекта в современном коммуникационном пространстве ключевую роль играют сценарии конвергентности: мультимедийный, кроссмедийный, трансмедийный. Мультимедийный конвергентный сценарий ориентирован на реализацию полилога с использованием разных коммуникативных кодов, но одного канала трансляции. Кроссмедийный конвергентный сценарий ориентирован на реализацию полилога с охватом как можно большего числа медиаплатформ, которые могут выступать посредниками цифровой коммуникации. Трансмедийный конвергентный сценарий ориентирован на реализацию многоканальной полилогической коммуникации с интерактивным включением всех субъектов медиаречи.

5. По сравнению с медиатекстом у AI-текста отсутствуют ярко выраженные медийные свойства: массовость, ориентация на конкретную целевую аудиторию, соответствие профессиональным, в том числе редакционным, стандартам. Он также имеет ряд характерных коммуникативных маркеров, которые ставят под сомнение его дефиниционный статус медиатекста: автокоммуникация, нарративный (недискурсивный) способ изложения материала, относительность категории автора. AI-текст – искусственный нарратив, компиляция, т. е. умело выстроенное изложение, в основе которого лежит символическая функция: текст ради текста, а не воздействия на адресата.

Апробация результатов исследования. Материал диссертации обсуждался на следующих конференциях: X международная научно-практическая конференция НАММИ «Актуальные проблемы медиаисследований–2020» (Москва, МГУ, 2020 г.), Алтаеведческая научная ассамблея Алтайского государственного университета «Алтай: Terra scimus» («Алтай – земля, которую

мы познаем»» (Барнаул, АлтГУ, 2020), Всероссийский научно-практический семинар кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ «Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании» (Барнаул, АлтГУ, 2020), Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Понимание в коммуникации-9. Чтения памяти Г. И. Богина» (Тверь, ТверГУ, 2021), XI международная научно-практическая конференция «Языки и литература в поликультурном пространстве» (Барнаул, АлтГУ, 2021), VII региональная молодежная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов «Мой выбор – наука!» (Барнаул, АлтГУ, 2021), VIII (XXII) международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, ТГУ, 2021), IX международная научно-практическая конференция «Алтайский текст в русской культуре» (Барнаул, АлтГУ, 2021), Всероссийский научно-практический семинар кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ «Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании» (Барнаул, АлтГУ, 2021), VI Международная научная конференция «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2022), XVII (XLIX) Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (Кемерово, КемГУ, 2022), Международная научная конференция памяти доктора филологических наук, профессора Л. А. Араевой «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения» (Кемерово, КемГУ, 2022), Всероссийский научно-практический семинар кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ «Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании» (Барнаул, АлтГУ, 2022), XI международная научно-практическая конференция «Культура в фокусе научных парадигм» (Донецк, Донецкий национальный университет. 2023), I Всероссийский с международным участием онлайн-форум «Диалогическая речь: семантика и прагматика» (Барнаул, АлтГПУ, 2023), VII Международная конференция «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2023), VII Международная научно-

практическая конференция «Журналистика в поисках моделей развития» (Томск, ТомГУ, 2023), Всероссийский научно-практический семинар кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ «Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании» (Барнаул, АлтГУ, 2023).

По теме диссертации опубликовано 27 статей, в том числе 4 статьи в рецензируемых изданиях из Перечня ВАК при Минобрнауки РФ.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 491 наименование на русском и иностранных языках, в том числе список использованных словарей и энциклопедий, одной таблицы, пяти диаграмм, одного приложения. Общий объем работы – 194 страницы.

ГЛАВА 1. КРОССМЕДИЙНАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ МЕДИАРЕЧИ. МЕДИАОБРАЗ, МЕДИАЛЕКТ, МЕДИАТЕКСТ

1.1. Язык новых медиа: медиалект

Следствие глобализации – новые медиа существенно влияют на язык и речь. «Сегодня на сдвиги в языковой ситуации ключевое влияние оказывают новые медиа, а также складывающиеся и обретающие характер речевых паттернов практики активного “освоения” этих новых медиа носителями языков» [Пивоварчик 2022, с. 189]. Именно практики «активного освоения» обуславливают проблему динамики речевой нормы в цифровой коммуникации, в частности, проблему функционирования языка в медиасреде. Наряду с диалектом и социолектом теперь уместно говорить и об электронном диалекте, или медиалекте, который, в отличие от диалекта, не зависит от территориальной общности, и который, в отличие от социолекта, не выступает языком какой-то одной социальной группы.

Планом выражения медиалекта, на наш взгляд, выступают средства кроссмедийной выразительности медиаречи. Их функционирование зависит от медиа, или от канала трансляции. Языковая (в широком смысле) специфика медиалекта прежде всего заключается в способности адаптироваться к определенной медиасреде, к определенному каналу трансляции, что, по выражению Э. Косериу, «указывает не на вариативность в пространстве или в обществе, а на вариативность в коммуникативной ситуации» [Косериу 1963, с. 165], точнее – дискурсивную вариативность. Как пишет Т. А. Пивоварчик, «и все-таки наиболее значимым видится иной тип вариативности – дискурсивный, ведь медиалекты формируются в дискурсах, вырастающих в процессе совместного использования носителями языков цифровых медиаплатформ» [Пивоварчик 2022, с. 191]. В связи с этим медиалект можно рассматривать как язык всех жителей «глобальной деревни» (М. Маклюэн), который напрямую зависит от канала

трансляции и «быстро усваивается в медиатизированном обществе» [Клушина 2018а, с. 68].

Другими словами, в условиях цифровой эпохи, основанной на медиатизации культурных процессов, оформляется новейший подстиль публицистического стиля, медиалект, который обслуживает медийную, или цифровую, сферу общения. Медиалект служит индикатором тех интегративных языковых и – шире – речевых изменений, которые происходят в условиях глобальной цифровой коммуникации в отдельно взятом языке.

Если говорить о русском языке, то в нем все чаще используются общекультурные номинации, причем, как правило, на английском языке, заимствования и т. п. Письмо, особенно в мессенджерах, приобретает ярко выраженные черты устной речи, среди которых аграмматизм, некодифицированность, спонтанность, и тем самым остается письменным только по форме. Упрощается содержание: сочетая вербальные и невербальные элементы, а также игнорируя стилистические нормы, медиаречь напоминает макароническую, в достаточной мере варваризированную и, что самое интересное, стандартизованную, т. к. цифровая коммуникация предъявляет свой регламент к оформлению сообщений и текстов вообще. В результате медиаречь, утрачивая кодифицированные черты, становится все менее литературной.

На практике эта утрата выражается еще и в том, что «расширяется “псевдокультурное” поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. А это... является наименее содержательной, если можно так сказать, наименее культурной частью культуры» [Миронов 2006а, с. 39]. Именно поэтому «важно исследовать то, как такие акты социального общения «оказываются технологически включенными и закодированными в медиаобъектах, каким образом они оформляются для того, чтобы распространяться и продвигаться на платформах» [Зверева 2019, с. 167]. Такой, не лишенный экологического подхода взгляд на медиалект, когда в фокусе внимания оказывается не только он сам, но и среда его обитания, увязывает понятие медиалекта с понятием «массовой

культуры: типично низовой, но значительно усиленной новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования» [Миронов 2006а, с. 41]. Медиалект «творим народом» в том смысле, что его создатели и носители – именно пользователи новых медиа, которые активно осваивают цифровое пространство. Можно даже метафорично заметить, что медиалект представляет собой некую попытку «достроить Вавилонскую башню», но уже в электронном виде: выработав единый код, который бы объединял людей независимо от их происхождения, социального статуса и т. д., что в полной мере укладывается в концепцию информационного общества.

Несмотря на различные подходы к описанию медиалекта, это понятие еще не обрело терминологических границ. Прежде всего, по той причине, что медийные практики непрестанно меняются, а вместе с ними меняется и медийный вариант литературного языка. Как отмечает А. В. Полонский, «медиалекты привязаны к определенному типу медиа и к объединяемому им сообществу, которое отличается своими социальными, культурными, профессиональными, мировоззренческими, возрастными, гендерными, досуговыми и другими параметрами» [Полонский 2018, с. 238]. Чтобы зафиксировать динамику изменения этой стремительно оформляющейся нормы усредненного языка медиа, необходимо также учитывать, что, как в свое время писал Б. В. Томашевский, «твердой границы между речью практической и литературой нет. Часто мы фиксируем свою практическую речь, имеющую случайный и временный характер, по условиям ее передачи собеседнику» [Томашевский 2023, с. 23]. В данном случае условиями, то есть каналом трансляции, выступает медиасреда, от которой зависит использование языкового инструментария субъектами цифровой коммуникации. Заметим: во многом именно эти субъекты влияют на кодификацию интернет-языка, определяя, что допустимо и недопустимо писать (говорить) на том или ином канале трансляции.

В этом, на наш взгляд, заключается лингвистический парадокс: если раньше нормативный характер литературному языку – «основной, наддиалектной форме существования языка, характеризующейся большей или меньшей

обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации» [Языкознание. БЭС 1998, с. 270–271] – задавала литературоцентричность русской культуры, то сейчас уместнее говорить о ее медиацентричном характере, а, следовательно, и медиацентричном характере языковой нормы в современных СМИ. «Норма – это не чисто языковая, и даже не собственно социолингвистическая категория, а социопсихоллингвистический феномен, обусловленный 1) языковой системой, которой пользуется данный коллектив; 2) социальной средой, в которой функционирует данная языковая система; 3) оценкой средств этой языковой системы ее носителями, т. е. психологическим, субъективным фактором» [Ерофеева 2011, с. 61].

Когда язык понимается в сосюрском смысле, то есть как система единиц и отношений между ними [Сосюр 1999], возникает следующая проблема, о которой в свое время писал В. З. Панфилов: «...если язык есть продукт внутрисистемных отношений языковых единиц, то, следовательно, никакие экстралингвистические факторы, т.е. общество и мышление, не оказывают какого-либо воздействия на язык...» [Панфилов 1974, с. 17]. Однако стиль по сравнению с другими аспектами языка, как замечает М. Н. Кожина, «особенно тесно и глубоко связан с экстралингвистикой. Это и понятно: стиль формируется в результате функционирования языка в конкретном высказывании под воздействием экстралингвистических факторов» [Кожина 2008, с. 121]. Отсюда обращение к коммуникативно-функциональному аспекту языка – речеведческому; стремление изучить, как язык функционирует в речи.

В связи с такой постановкой вопроса, при которой акцент делается именно на функционировании языка, уместно говорить о речевой системности функционального стиля, где за основу взят не структурно-функциональный, а коммуникативно-функциональный принцип. Поэтому понятие «речевая системность» не совпадает с понятием «языковая система»; под ней понимается «взаимосвязь языковых средств в конкретной речевой разновидности (как внутри каждого языкового уровня, так и между уровнями), а также текстовых единиц на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, обусловленного

экстралингвистической основой данной речевой разновидности» [Кожина 2008, с. 100]. При этом традиционное разграничение языка как системы знаков (*la langue*) и речи (*la parole*) как конкретных высказываний сводится к их двуединству, что указывает на двойственную природу языка, который можно изучать «в отвлечении от жизни и в своей в нее погруженности» [Арутюнова 1988, с. 4]. По этой аналогии предложено рассматривать функциональные стили и «в качестве абстракции, то есть существующих в сознании людей принципов отбора и сочетания языковых средств в разных сферах общения» [Кожина 2008, с. 112], и в качестве воплощения этих принципов в речи, то есть реально существующих.

Как следствие, стоит разграничивать понятие узуса в языке и речи. Говоря о факторах, определяющих узуальность в языке, Т. В. Чернышова выделяет: «1) распространенность языковых элементов; 2) продуктивность соответствующей модели; 3) осуществленную или осуществляемую нормативность; 4) наличие или отсутствие экспрессии у языковых элементов. В речи: 1) существование закономерности употребления фактов языка, отмеченных стилистически, их эмоциональную и функциональную оправданность; 2) критерии нормативности и употребительности стилистически отмеченных элементов языка; 3) условия языкового общения» [Чернышова 2020, с. 10].

И языковая, и речевая узуальность должна быть ориентирована на норму, однако на практике кодифицированным оказывается только язык, но не речь, что способствует обновлению языковой системы. Как в свое время заметила Н. Д. Арутюнова, «ненормативное явление озадачивает. В ответной реплике причина выясняется, и это снимает удивление. Объяснить причину часто значит свести ненормативное явление к норме или открыть нечто дотоле неизвестное (новую норму)» [Арутюнова 1988, с. 301]. Нормативный подход к речи (в том числе к медиаречи) подразумевает описание 1) специфики речевой деятельности, 2) программ и процедур коммуникативного поведения, 3) грамматики эффективных речевых действий [Дускаева 2019с, с. 20]. Рассмотрение медиалекта в нормативном аспекте может помочь в фиксации его стилевых особенностей, его, выражаясь словами М. М. Бахтина, полифонической сути. Однако надо понимать, что если

«живой литературный язык не должен быть “вполне нормативным и не быть неправильным”» [Степанов 1997, с. 718], то медиалект тем более не может поддаваться однозначной классификации. Тем не менее, учитывая тот факт, что «функционально-стилевое расслоение речи не сводится к шести основным стилям» [Кожина 2008, с. 125], есть основания предполагать, что медиалект является подъязыком публицистического стиля, функционирующего в новых медиа, тем более что публицистический стиль, по замечанию М. Н. Кожинной, «оказывается особенно сложным и разветвленным, с многочисленными переходными (межстилевыми) явлениями» [Кожина 2008, с. 129]. Согласно классическому определению, публицистический стиль рассматривается как «стиль сообщений о текущих событиях», стиль «фактологического содержания», используемый в СМИ, к которым принято относить прессу, радио и телевидение [Рождественский 1997, с. 474–475], а также как «ораторская речь, близкая ему по функции, а соответственно и по своему строению» [Шмелев 1977, с. 64].

Между тем новые медиа – понятие гораздо более широкое, чем традиционные СМИ, включающее все средства массовой коммуникации, главным образом цифровые. Закономерный вопрос: как соотносятся понятия медиастиль и медиалекта? Понятие «медиастиль» используется в значении «стиль медиатекста», что уже само по себе указывает на его равнозначность понятию «стиль» и по сути является терминологическим дублетом. Понятие медиалекта, напротив, можно этимологически соотнести с такими понятиями, как «диалект», «социолект» (именно этимологически – не функционально), которые указывают на некий «лект», то есть на речь, используемую в определенных условиях.

1.2. Условия функционирования медиалекта: сценарии конвергентности

Итак, медиалект – новейший подъязык публицистического стиля. В связи с этим необходимо рассмотреть, в каких условиях он функционирует и в чем заключается его полифоническая суть. Остановимся в первую очередь на феномене

конвергентности, оказавшем сильное влияние на развитие цифровой коммуникации.

Феномен конвергентности был вызван западными медиа, когда в 1980-е «под предлогом растущей диверсификации вещательных организаций в США (а затем и в странах ЕС) все большее распространение получают идеи дерегулирования СМИ» [Дускаева 2018, с. 42]. Таким образом, конвергенция «зародилась на экономико-политической почве, а уже затем, в 1990-е годы, стала массовым явлением благодаря развитию IT-технологий и переходу к цифровым носителям информации (хотя изначально термин “конвергенция” обозначал сближение неблизкородственных групп организмов в ходе естественного отбора, то есть применялся в сугубо биологическом смысле). Исследователи медиа развили это понятие до «слияния традиционных и новых СМИ, происходящее на базе Интернета, в результате которого преобразуются мономедийные информационные продукты в мультимедийные, формируя таким образом многоцелевые порталы СМИ» [Шабалин 2020d, с. 15]. «Следствия конвергенции: 1) слияние традиционных и новых СМИ на базе Интернета, 2) преобразование мономедийного информационного продукта в мультимедийный, 3) формирование многоцелевых порталов СМИ» [Шабалин 2020d, с. 16].

С понятием конвергентности связано понятие сценария конвергенции, то есть определенного коммуникативного поведения в цифровой коммуникации. В нашей работе выделяется три основных сценария конвергенции: мультимедийный, кроссмедийный, трансмедийный.

При использовании мультимедийного сценария происходит интеграция различных форм представления информации (текст, звук, графика, видео, анимация) на одном канале трансляции. Мультимедийность – свойство цифровой коммуникации, расширяющее ее гипермедийный функционал: возможность нелинейного взаимодействия. Термин «мультимедийность» стали употреблять в 1960-х гг. применительно к театрализованным представлениям (цветная музыка) [Медиалингвистика 2018, с. 399–400], в 1990-х понятие обрело терминологические границы в теории медиа, теории журналистики, теории языка. Благодаря этому

сценарию субъекты цифровой коммуникации могут взаимодействовать с помощью вербальных и невербальных средств, но лишь на отдельно взятом участке медиасреды. Например, в результате использования мультимедийного сценария, то есть интеграции языковых и параязыковых элементов на одном канале трансляции, был создан первый в истории новых медиа лонгрид «Snow Fall», опубликованный The New York Times в 2012 году.

При использовании кроссмедийного сценария задействуются все возможные каналы трансляции одного и того же издания, что повышает вовлеченность субъектов в цифровую коммуникацию; кроссмедийность – феномен многоканальности. Благодаря этому сценарию субъекты цифровой коммуникации могут взаимодействовать с помощью вербальных и невербальных средств на наиболее комфортном для них участке медиасреды. Например, в результате использования кроссмедийного сценария, то есть развития каналов трансляции одного и того же издания, была создана цифровая экосреда просветительского медиа «Арзамас», включающая курсы, журнал, спецпроекты, лекторий, радио, а также соцсети.

Если «мультимедийность» и «кроссмедийность» знаменуют разные подходы к медиаречевой деятельности – акцент на форму или канал трансляции, то трансмедийность объединяет их. Трансмедийный сценарий нацелен на развитие цифровой коммуникации во всей медиасистеме всеми доступными средствами. Благодаря этому сценарию субъекты цифровой коммуникации могут не только взаимодействовать в наиболее комфортном для них участке медиасреды с помощью вербальных и невербальных средств, но и переходить в другую, смежную медиасреду. Например, в результате использования трансмедийного сценария, то есть интеграции языковых и параязыковых элементов на разных каналах трансляции одного и того же издания, был создан ориентированный на непрерывное образование медиапроект «Theory&Practice», который помогает в личностном развитии благодаря грантовой поддержке, партнерским материалам, тематическим статьям, подкастам и тестам.

Таким образом, виртуальное общение развивается под влиянием как минимум трех сценариев конвергенции, мультимедийного, кроссмедийного и трансмедийного, которые влияют на отбор допустимых в той или иной медиасистеме элементов медиалекта: средств кроссмедийной выразительности медиаречи. Каждый из этих сценариев задает субъектам цифровой коммуникации соответствующую модель коммуникативного поведения, подсказывая или указывая, что нужно делать (поэтому обозначенные сценарии можно рассматривать и как «оцифрованные речевые акты»).

Говоря о полифонической сути медиалекта, заметим, что вариативность цифровой коммуникации, то есть сценарии конвергенции, порождает семиотическую разноголосицу, регламентируя различные способы общения: текстовый, иконический, аудиальный. Другими словами, взаимосвязь различных каналов трансляции образует медиасреду, основанную на переводе одной знаковой системы в другую. Эту проблему рассматривает Е. А. Кожемякин, выделяя два типа воспроизводства смысловой структуры: интрасемиотическую трансдукцию и интерсемиотическую трансдукцию [Кожемякин 2019, с. 166].

При интрасемиотической трансдукции код сообщения не меняется, при «интерсемиотической трансдукции возможны следующие варианты: 1) использование невербальных средств как вербальных (схема); 2) использование вербальных средств как невербальных (инфографика); 3) использование мультимодальных средств (вербальные + невербальные) как вербальных (подкаст)» [Шабалин 2020d, с. 18–19]. О том же самом писал и Р. О. Якобсон, говоря о внутри- и межязыковом типе перевода [Jacobson 1959]. На это обращал внимание И. Э. Клюканов [Клюканов 1983], рассматривая параграфемные элементы. Это подметил и Г. Кресс, описав феномен трансмодального семиозиса [Kress 2010]. Ученые отмечали: ресурсы языка многочисленны и необъятны, они всегда – нечто больше, чем языковой код.

Это наблюдение, по всей видимости, можно отнести и к медиалекту. Так как медиалект зависит от канала трансляции, то, на наш взгляд, в теорию медиалингвистики уместно ввести связанную с феноменом конвергентности и его

сценариями категорию «кроссмедийная выразительность медиаречи», которая устанавливает связь между отдельно взятым медиа и подязыком, используемым в нем. Эта связь устанавливается через субъекта медиаречи, когда он вступает в цифровую коммуникацию.

1.3. Соотношение понятий «медиаобраз» – «медиалект» – «медiateкст»

В процессе текстопорождения у субъекта медиаречи возникает медиаобраз, затем результат его вербализации – медиалект, с помощью которого создается медiateкст. Все вместе это входит в понятие «медиаречь» («медиадискурс»).

Как замечает Ю. В. Белоусова, «еще со времен Платона образ не считался достоверным отражением действительности, но в современном обществе роль визуального образа кардинально изменилась, с чем связываются эпохальные изменения в истории; основной характеристикой общества является информация, а ее важнейшая часть – это визуальный образ, его производство и потребление, а также симуляции реальности, возникновение подмены реальности образами, когда образы переходят в нас и мы начинаем видеть ими» [Белоусова 2015, с. 41]. Иными словами, автором констатируется «иконический переворот» (Г. Бём), или то, что в англоязычном научном дискурсе называется *iconic turn*: «редукция “глубины символического” к плоскому знаку, к образу» [Там же, с. 42].

Эти и другие следствия подмены слова образом анализируются в рамках имагологии (Х. Дизеринк): научной дисциплины, предмет изучения которой – образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта. «Имагология не только раскрывает образ “чужого”, но также, в связи с процессами рецепции и оценки, характеризует и сам воспринимающий субъект, т. е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей» [Папилова 2011, с. 31]. Повышенный научный интерес к образу как таковому вызван тем, что «литература и искусство сейчас

сдают свои позиции в рецепции и репрезентации “других” культур, в то же время усиливается тенденция к огрублению, ужесточению стереотипов, что затрудняет международный диалог и приводит к непониманию и конфликтам» [Земсков 2011, с. 22].

В результате iconic turn человек «окружает себя образами, “экранирует” реальность, он общается и думает образами, забывая о лингвистическом характере реальности, часто доверяя не тексту, а именно визуальному образу» [Белоусова 2015, с. 42]. В попытке объяснить свое через чужое и тем самым нивелировать межкультурную границу исследователи образов взяли за основу бахтинскую концепцию диалога культур, в частности, его мысль о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [Бахтин 1979, с. 335]. Такой сопоставительный, основанный на сравнении визуальных репрезентаций как минимум двух культур подход дает возможность зафиксировать сущностные культурологические характеристики рассматриваемых образов. Как отмечает О. А. Полякова, «отечественная имагология как научное направление сформировалась в рамках сравнительного литературоведения, которое в России имеет большую и содержательную историю начиная со второй половины XIX в.» [Полякова 2016].

Однако в случае более комплексного анализа, выходящего за рамки культурологической интерпретации, надо понимать, что «образы невозможно анализировать вне их связи с дискурсивными формациями, и любые исследования визуального должны быть вписаны в более широкий контекст – контекст анализа властных структур и дискурсивных практик» [Белоусова 2015, с. 43]. Образ изучают, используя сравнительно-исторический анализ [Шевцова 2015], коммуникативный анализ [Загидуллина 2017], эстетический анализ [Бережная 2018], комплексный анализ [Симакова 2020а, 2020b] и другие. Методологический подход к образу как метафоре впервые был представлен в труде ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live By» [Lakoff, Johnson 1980], где образ рассмотрен как инструмент познания мира. При этом образ понимается как: 1) денотат (объективная реальность), 2) коннотат (субъективная реальность), 3)

знак (фрагмент реальности) [Аванесов 2013, с. 71-72]. Другими словами, «проблема интерпретации образа сводится к прагматике – дисциплине, изучающей отношения знаков к их интерпретаторам» [Степанов 1983, с. 51, 54, 62].

Медийный образ в широком значении трактуется как «конструкт, произведенный массмедиа» [Белоусова 2015, с. 41]; он не отражает, а репрезентирует действительность в зависимости от коммуникативной цели адресанта. В связи с этим медиаобраз невозможно рассматривать в аспекте классической гносеологии: это самореферентная детерминированная медиа реальность. Медиаобраз поверхностен, трансферабелен и доступен. В течение его декодирования срабатывают определенные когнитивные установки: социальные, классовые, идейные и др. Медиаобраз следует отличать от симулякра, который «принципиально несоотносим с реальностью напрямую, он – знак, максимально эмансипированный от референта, и это – его фундаментальное свойство. Образ, чтобы стать симулякром, проходит ряд последовательных стадий (процесс симуляции): отражение глубинной реальности сменяется ее деформацией, затем – маскировкой ее отсутствия, и, наконец, – утратой связи с реальностью, заменой смысла анаграммой, реального мира – условными знаками, когда смешивается различие между реальным и воображаемым. В результате формируется гиперреальность – особый мир моделей и симулякров, не соотносимых с реальностью» [Там же, с. 50].

Подчеркнем: медиаобраз является центральным понятием категории кроссмедийной выразительности медиаречи, так как именно он формирует медиалект, используемый в медиатексте. Таким образом, медиалект выступает связующим понятием в системе «медиаобраз – медиатекст». «В этой системе медиаобразу (1) соответствует этап кодирования, предполагающий создание медиатекста как продукта медиаречи, в котором содержится аксиологически детерминированный фрагмент вторичной реальности. Медиатекст является результатом функционирования медиаобраза (1) и источником формирования медиаобраза (2). Этот процесс можно представить в виде формулы: «медиаобраз (1) – медиатекст – медиаобраз (2)» [Драчева 2019, с. 137]. Причем «медиаобраз» (1)

понимается как «образ в медиа», т. е. образ, конструируемый в медиапространстве, а «медиаобраз» (2) как «образ через медиа», т. е. образ, воспринимаемый через медиасферу» [Драчева 2019, с. 136].

Обратимся к самому медиатексту, среде, в которой функционирует медиалект. Т. Г. Добросклонская дает такое определение медиатексту: «актуализованное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [Добросклонская 2020, с. 26]. Заострим внимание на том факте, что преимущественно внеязыковая, паралингвистическая сущность медиатекста наделяет его полноправным дефиниционным статусом, позволяя говорить о медиатексте как об отличном от текста понятии (ср. креолизованный текст). Другими словами, медиатекст и текст – понятия, находящиеся в бинарной оппозиции: если для первого характерна фрагментарная, встраиваемая в разные медийные обстоятельства структура [Засурский 2005], то для второго – цельная и связная.

Примечательно, что, как было обнаружено в одном из наших исследований, «развитие искусственного интеллекта (англ. Artificial intelligence, AI), в частности, чат-ботов, актуализировало проблему еще одной терминологической границы – границы между понятиями “медиатекст” и “AI-текст”» [Шабалин 2023а, с. 802]. AI-текст априори понимается как один из видов медиатекста, в то же время есть основания предположить, что роботизированный текст нельзя рассматривать только с позиций медиалингвистики, он также, на наш взгляд, требует лингвоэкологической оценки из-за возможного – прямого или косвенного – влияния на экологический статус пространства цифровой коммуникации.

«С одной стороны, AI-текст, или текст, созданный алгоритмом, имеет признаки медиатекста: медийность, интертекстуальную открытость и семиотическую интегративность» [Казак 2014]. С другой стороны, AI-текст имеет ряд характерных коммуникативных маркеров, которые ставят под сомнение его дефиниционный статус медиатекста (если не текста вообще). Прежде всего – это автокоммуникация в понимании Ю. М. Лотмана, когда субъект медиаречи фактически обращается к себе же, формируя коммуникативный запрос нейросети,

алгоритмы которой тоже созданы человеком и ответы которой, как правило, лишены ярко выраженных эвристических черт. Кроме того, таким маркером может служить нарративный (недискурсивный) способ изложения материала, когда не полностью учитываются дискурсивные, то есть ситуативно-речевые признаки текстопорождения (в частности, реакция собеседника), а также относительность категории автора.

Ряд ученых, например К. В. Киуру, пытается нормировать жанровые схемы и формы речевого взаимодействия, основанные на AI, выделяя digital-жанры массовой коммуникации и типы современного медиаконтента, среди которых «продукт, создаваемый искусственным интеллектом, то есть роботами» [Киуру 2016, с. 39]» [Шабалин 2023а, с. 802–803]. Между тем продукты AI-коммуникации, в частности, AI-тексты, имеют одну существенную проблему: отсутствие дискурсивных признаков медиатекста, в том числе «дискурсивной глубины» [Басовская 2020]. Причем стоит заметить, что о глубине текста (дискурсивной полифонии) одним из первых заговорил В. И. Карасик [Карасик 2000, с. 5].

С нашей точки зрения, AI-текст являет собой пример удачной компиляции, тогда как медиатекст подразумевает более выстроенные, упорядоченные и логические речевые связи. Кроме того, несмотря на то, что основанные на глубоком обучении нейросети (ChatGPT, CigaChat, Wordify, YandexGPT2, Apihost, «Нейротекстер» и т.д.) демонстрируют удовлетворительный результат, сгенерированные ими тексты не перестают быть компиляцией, т.е. сочинительством на основе чужих, как правило, написанных человеком текстов. Потому неизбежно встает вопрос об авторском стиле AI-текста: нейросеть генерирует только то, что изучила до этого, и ни о каком ее эвристическом подходе к созданию текста речи (пока) не идет. Проблема идиостиля выводит на более глобальную проблему категории автора, которая отсутствует в тексте, сгенерированном искусственным алгоритмом. Следовательно, не может быть и интенций говорящего, а значит, и риторической составляющей AI-текста. Если отсутствует категория автора, то отсутствует и основной дискурсивный признак: категория субъекта. Согласно А. Г. Пастухову, «обретая свою “материальную

оболочку” через фиксацию в тексте, стиль характеризуется как когнитивно-коммуникативное событие, погруженное в жизнь языковой личности или всего общества, т. е. как дискурс» [Пастухов 2019, с. 217].

AI-текст сложно рассматривать как самостоятельное дискурсивное явление, как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 2002, с. 137]. Скорее, наоборот: это высказывание сиюминутное, оторванное от жизни, а потому лишенное одной из ключевых дискурсивных категорий – когерентности, или основанной на авторском замысле понятийно-смысловой целостности текста. Наконец, самый главный недостаток AI-текста, если оценивать его с медиалингвистических позиций: отсутствие ярко выраженных медийных свойств, какими обладает газетный, радиный или телевизионный текст. «Большинство исследователей сходятся во мнении, что уровень массовой коммуникации придает понятию “текст” новые смысловые оттенки, обусловленные медийными свойствами того или иного средства массовой информации» [Хамидова 2018, с. 296]. Это, прежде всего, массовость, ориентация на конкретную целевую аудиторию, соответствие профессиональным, в т.ч. редакционным, стандартам. Но даже безупречно сгенерированный алгоритмом текст остается, выражаясь словами Р. Барта, текстом-наслаждением, то есть текстом процессуальным, напоминающим текст лишь по форме, по сути же лишенным всякого смысла. Философское осмысление AI-текста, главным образом постмодернистское, невыраженность его медийных свойств в очередной раз ставит под сомнение автономность самого этого понятия и его синонимичность понятию «медiateкст». На наш взгляд, AI-текст – искусственный нарратив, т. е. умело выстроенное изложение, в основе которого лежит символическая функция: текст ради текста, а не воздействия на адресата.

Если говорить собственно о медиалекте, то «статус медиалекта – языка в формате медиа – выходит за рамки СМИ» [Полонский 2018, с. 235]. В связи с этим вопрос, что именно можно считать медиалектом, как его выделять и описывать, перекликается с названием работы Г. Я. Солганика «Место языка СМИ в литературном языке. Перспективы развития» [Солганик 2008]. Как и язык СМИ, медиалект, с нашей точки зрения, является подязыком публицистического стиля

с той разницей, что он, в отличие от языка СМИ, задействует не только литературный язык, а его медийный, то есть функционирующий в медиа, вариант. Это означает, что медиалект неизбежно приобретает экстралингвистические признаки (см. цифровой объект) и влияет на уровни микро- и макроорганизации медиатекста. Сам язык СМИ, основанный на культурно-исторических макроконтекстах, вытесняется медиалектом – массовым электронным наречием – в силу того, что «номинации медиа, новые медиа, вытесняют на периферию номинацию СМИ» [Коньков 2021, с. 420], понижая статус профессиональной журналистской речи и меняя тем самым ее лингвопраксиологические нормы. В связи с этим отдельные исследователи, например В. В. Антропова и В. В. Федоров, анализируют, какие ценностные доминанты и как именно влияют на развитие цифровой коммуникации, в частности, на язык регионального медиадискурса [Антропова, Федотов 2021]. Более того, предпринимаются попытки описать грамматику слушающего и семантическое представление намерения говорящего [Борисова 2021a, 2021b], что указывает на живой научный интерес не только к частным, происходящим с языком в условиях цифровой коммуникации изменениям, но и к его универсальным законам, которые могут помочь в изучении в том числе медиалекта.

Процесс языковых изменений связан и с дискурсивной конвергенцией, которая «представляет собой объединение разных типов дискурса. Такое объединение объясняется сложностью и многомерностью дискурса как коммуникативного феномена. Можно выделить несколько направлений интердискурсивного моделирования институционального общения: 1) популярная адаптация, 2) теоретическое углубление, 3) эволюция и инволюция, 4) экспансия» [Карасик 2022, с. 38]. Полагаем, что именно экспансия медиадискурса вызывает необратимые языковые процессы в новых медиа, где и происходит становление новейшей разновидности функционального стиля медиаречи. Основной лингвоэкологический риск функционирования элементов медиалекта в медиасреде заключается в том, что цифровая коммуникация становится более роботизированной. Это главная коммуникативная потеря при переходе от

«общения» к «передаче информации» [Северская 2019]. В результате медиатекст как осмысленное фразовое единство заменяется текстингом¹: коммуникативным симулякром, когда «преобладает вектор центробежного дискурса: сообщая какую-то информацию или отвечая на информационный запрос, адресант не слишком заинтересован в адресате, который превращается в “виртуальный персонаж”» [Северская 2017, с. 100].

Этот лингвоэкологический риск обусловлен и тем, что «виртуальность... отнимает у современного человека ответственность перед Другим, свойственную реальному общению, глубину понимания Другого и сопереживания ему, принося качество общения в жертву количеству контактов» [Баева 2014, с. 6]. «В жертву» приносится и качество самого письма: желая сэкономить языковые усилия, адресант прибегает к визуальным средствам, что приводит к языковой диффузии медиатекста, к его аграмматической и/или эмотивной форме. «Например, исчезновение из переписки двоеточия и точки с запятой объясняется, во-первых, их меньшей доступностью на виртуальной клавиатуре (они требуют перехода на вторую ее страницу, где находятся также восклицательный и вопросительный знаки; на первой же странице доступны лишь точка и запятая; а во-вторых, тем, что знаки эти напоминают недорисованные смайлики “:)” и “;)”». Точка и запятая нередко заменяются подходящими по смыслу эмотиконами, которые легко замещают и “эмоциональные” знаки препинания “?”, “!”, “?!”; а скобки, напротив, начинают использоваться исключительно как знаки эмоциональности: “(((” и “)))”» [Северская 2019, с. 332]. Пунктуационный знак становится эмоциогенным фактором как отдельного высказывания, так и всей медиаречи [Карпухина 2021].

Следствия текстинга выражаются в потере самим медиатекстом базовых категорий, прежде всего когезии и когерентности, в упрощении и сокращении речевых формул, в шаблонизации общения [Там же, с. 97], в коммуникативном «копипейсте» [Кронгауз 2013, с. 357], в форсированной открытости нестрогому отбору языковых средств, а также в сниженных лексике и фразеологизмах

¹Термин «текстинг» начал использоваться в русскоязычных лингвистических исследованиях еще до массового распространения новых медиа [Мешкова 2012].

[Полонский, Глушкова, с. 293], и, что важнее всего, в нарушении максим Грайса (от заинтересованности в коммуникации до способности говорящего варьировать способ языкового представления) [Грайс 1985, с. 217-237]. В результате цифровая коммуникация становится неэкологичной: нарушается коммуникативное равновесие между адресантом и адресатом медиаречи, что приводит к дисгармонизации общения.

Выводы по Главе 1

В Главе 1 рассмотрены ключевые термины, использующиеся в современной медиалингвистике для описания и интерпретации основных функциональных элементов медиасреды: медиаобраз, медиалект, медиатекст. При этом медиалект понимается как подъязык публицистического стиля, в достаточной степени стандартизированный и быстро усваиваемый всеми пользователями новых медиа.

Медиалект не зависит от территориальной или социальной общности; его языковая специфика заключается, прежде всего, в способности адаптироваться к цифровым носителям. Зависимость медиалекта от канала трансляции показывает категория кроссмедийной выразительности медиаречи. Она устанавливает связь между отдельно взятым медиа и подъязыком, используемым в нем. Медиаобраз – центральное понятие категории кроссмедийной выразительности медиаречи. Субъект цифровой коммуникации вербализует медиаобраз, который формирует медиалект как средство создания медиатекста. Все вместе это входит в понятие «медиаречь» («медиадискурс»).

Понятие медиалекта можно этимологически соотнести с такими понятиями, как «диалект», «социолект» (именно этимологически – не функционально), которые указывают на некий «лект», то есть на речь, используемую в определенных условиях.

В функционировании медиалекта в мультимедийных проектах современных СМИ ключевую роль играют сценарии конвергенции: мультимедийный, кроссмедийный, трансмедийный. Мультимедийный конвергентный сценарий ориентирован на реализацию модели диалогической коммуникации с использованием разных коммуникативных кодов, но одного канала передачи медиаконтента. Кроссмедийный конвергентный сценарий ориентирован на многоканальность медиа. Данный тип сценария способствует реализации многоканальной модели диалогической медиакommunikации. Трансмедийный конвергентный сценарий ориентирован на реализацию полилогической

многоканальной коммуникации с интерактивным включением в коммуникационное пространство не только адресата, но и адресанта медиатекста.

AI-текст априори понимается как вид медиатекста. Однако его рассмотрение с лингвоэкологической точки зрения, помимо медиалингвистической, дает возможность оценить степень влияния отдельных средств медиалекта на экологический статус пространства цифровой коммуникации.

ГЛАВА 2. ЭКОЛОГИЧНОСТЬ МЕДИАЛЕКТА: ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ

2.1. Медиалингвистика и лингвоэкология: точки пересечения

Междисциплинарный подход к проблемам гуманитарного знания дает возможность наметить эффективные способы их решения. Одна из таких проблем, связанных с языком, вызвана глобализацией. Основанная на английском языке, обслуживающем международные социальные институты, глобализация неизбежно влечет за собой такие лингвистические следствия, как сокращение языкового разнообразия, размывание национального культурного ландшафта и другие. Причем сами языки приобретают в этом случае консьюмеристские свойства: освоение языка зависит прежде всего от его востребованности, а не от эстетических или других факторов.

Выступая в качестве базиса информационного общества, глобализация ведет к унификации всех социально значимых, в первую очередь, речевых процессов. В связи с этим медиалект как, с одной стороны, подъязык новых медиа, а с другой стороны, следствие языковой унификации, находится в фокусе внимания и медиалингвистов, и лингвоэкологов. Именно медиалект, точнее, результаты его функционирования, является точкой пересечения медиалингвистики и лингвоэкологии.

Если медиалингвистику интересует язык, функционирующий в медиасреде, то предмет лингвоэкологии – «состояние языка и среды его обитания; факторы, влияющие негативно или позитивно на состояние и развитие языка, языковое сознание социума и его речевую культуру; средства защиты языка от негативных влияний, а также нахождение путей и способов обогащения языка и улучшения условий его оптимального развития» [Сковородников 2017, с. 5]. Лингвоэкологическая оценка предполагает учет исторических условий и тенденций развития анализируемого языка, она содержит критерии

социокультурного, политико-экономического, идеологического, этического и эстетического порядка. «Допуская некоторое упрощение, можно сказать, что лингвоэкология берет у лингвистики объект, а у экологии – идеологию и методологически-понятийный инструментарий» [Там же].

Рассмотрение языка в широком социальном контексте, учитывающем влияние экстралингвистических факторов на становление и развитие языковой системы, роднит лингвоэкологию с лингвокультурой и культурой вообще. Одним из первых на тот факт, что у всякого культурного явления, в том числе языка, есть, помимо прочих, и экологическое измерение, обратил внимание Д. С. Лихачев, говоря об экологии культуры: «Экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим... Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой» [Лихачев 1982, с. 22].

Более предметно, уже об экологии слова, писал В. С. Миловатский, замечая, что «экология слова обнаруживает много родственного в биоэкологии и даже черпает оттуда “заготовки” для своих терминов, например таких: “лингвоцид”, “лексическая эрозия”, “языковая аллергия”» [Миловатский 2001]. А. Т. Липатов размышлял о лингвоэкологическом потенциале языка СМИ: «При активном воздействии средств массовой информации неуклонно падает культура русского слова, вытравливаются интерес и любовь к родному языку. Оруэлловский новояз, тысячекратно повторяясь на страницах ежедневной и периодической печати, на теле- и киноэкранах... разрушает самобытность и мыслимость русской речи, порождая поток слов-пустоцветов. Оттесняется на периферию, делается “окраинным” язык Пушкина и Толстого, Чехова и Шолохова» [Липатов 2007].

На западе институализация лингвоэкологии началась с Э. Хаугена. Он ввел это понятие, рассматривая язык в двух аспектах: как код, или инструмент, и как

среду, в которой этот код используется [Naugen 2001]. Появилась «инвайроментальная лингвистика». Развивается философия экологической лингвистики, в частности, благодаря П. Финке и В. Трампе, которые уверены, что человек живет в «культурной экосистеме» или системе «язык–мир», а значит, языковые процессы неразрывны с процессами экологическими. Стоит заметить, что на данный момент в зарубежной науке существует как минимум три основных направления эколлингвистики: экология языка, экологическая лингвистика, лингвоэкология. Экология языка изучает воздействие языков друг на друга, решая тем самым макролингвистическую проблему языкового, а, следовательно, и этнокультурного разнообразия (Э. Хауген, П. Мюльхойслер, Ф. Криер). В основе экологической лингвистики лежит «метафора экосистемы», или анализ языковых и культурных систем (П. Финке, В. Трампе). Лингвистическая (языковая) экология, то есть лингвоэкология, задается вопросом, как с помощью языка можно решить экологические проблемы (М. Халлидей, М. Юнг).

В этом диссертационном исследовании мы придерживаемся отечественной традиции, согласно которой термин «лингвоэкология» – не синоним термину «эколлингвистика». Как поясняет А. П. Сковородников, «эти термины, каждый из которых имеет в отечественной и зарубежной науке набор неоднозначных определений, в нашей концепции разграничиваются следующим образом. Термин “лингвоэкология” соотнесен со значением словосочетания “экология языка” и, таким образом, свидетельствует, что в этой науке целью и предметом исследования являются условия существования языка, попросту говоря, забота о здоровье языка... Термин же “эколлингвистика” соотнесен со значением словосочетания “язык экологии” и таким образом свидетельствует, что здесь мы имеем дело с лингвистикой экологии, изучающей специфику языка науки экологии, прежде всего ее терминологический аппарат» [Экология русского языка 2017, с. 6].

Междисциплинарный статус лингвоэкологии, с одной стороны, утверждает ее в ряду молодых наук, понятийно-методологический аппарат которой, как и сама лингвоэкологическая проблематика, находится на стадии верификации. На это указывает понятие «антилингвоэкологизм». Зафиксированное в словаре «Экология

русского языка» [Там же, с. 13], оно знаменует принципиально иной, отличный от лингвоэкологической установки подход к языку как к саморегулирующейся и самоочищающейся системе. Однако «ситуация с русским языком конца XX – начала XXI в., степень экологического по своей сути теоретического осмысления этой ситуации лингвистами дает основание “констатировать, что сегодня уже не остается сомнений в том, что лингвоэкология оформилась в самостоятельное научное направление” [Шаховский, Штеба 2013: 76]» [Там же]. Об этом говорит не только тот факт, что интерес к лингвоэкологии, как было показано, проявляют исследователи из разных областей гуманитарного знания. Но также и то обстоятельство, что, по замечанию В. фон Гумбольдта, «весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне... Язык при этом не просто переносит какую-то неопределенную массу материальных элементов из природы в нашу душу; он несет в себе еще и то, что предстает нам во всей совокупности бытия как форма» [Гумбольдт 2000, с. 80-81].

Несмотря на универсальный, основанный прежде всего на идеалистических воззрениях подход к языку, лингвоэкология не претендует на, так скажем, абсолютистский статус в ряду других лингвистических направлений. Это одна из научных парадигм, уникальность которой, на наш взгляд, заключается в попытке рассмотреть языковые проблемы строго экологически. В этом случае лингвоэкологическая дискуссия, независимо от частной постановки вопроса, сводится к общей проблеме языка и национальной идентичности, так как в парадигме лингвоэкологии язык понимается как социальный конструкт, способный, в свою очередь, конструировать нации, а, следовательно, задавать национальную, этническую или даже гражданскую идентичность [Марусенко 2015b, с. 42, 69, 171], что приводит не только к этноязыковым конфликтам, но и сказывается на самом языке, затрагивая все его уровни – от фонетического до дискурсивного, и в этом кроется уже не идеалистический, а материалистический потенциал лингвоэкологического знания. Представляет интерес то, что в свое время об этом писал Н. С. Трубецкой, говоря про диалектическое дробление языка и культуры: «... диалектическое дробление языка и культуры настолько

органически связано с самой сущностью социального организма, что попытка уничтожить национальное многообразие привела бы к культурному оскудению и гибели» [Трубецкой 1923, с. 107]. Другими словами, лингвоэкология, на наш взгляд, занимает срединное положение между идеалистическими и материалистическими лингвистическими концепциями, совмещая черты обеих и наследуя антропоцентрической традиции в языкознании. Однако исчерпывающего ответа на то, как должен развиваться язык, она, безусловно, не дает и дать не может: в диахроническом аспекте любой язык – творение истории, во многом стихийное и не поддающееся пониманию в полной мере. Но при синхроническом рассмотрении языка оказывается, что он зависим от того, кто, где и как на нем говорит, и вот на эти вопросы лингвоэкология ответить способна. Учитывая этот факт, можно констатировать, что «лингвоэкология» – понятия более широкое, чем понятия «культура речи», «риторика», «коммуникативистика», и что по своему объекту, предмету и задачам она отличается от перечисленных, отчасти родственных ей направлений.

2.2. Медиалект: лингвоэкологическая специфика

Возникший на границе «массовой и снятой культур» (И. В. Кондаков), медиалект активно используется в цифровой коммуникации. Это обуславливает его «кратковременный успех (в частности, коммерческий) в массовой аудитории», в то же время это же придает медиалекту «смысловую бедность и однозначность своего содержания и выражения» [Кондаков 2017, с. 522]. По замечанию И. В. Кондакова, явления такого рода «в принципе не обращены к элитарной и популярной культуре (в каких-либо аспектах), не связаны с традиционной (народной) культурой ни генетически, ни поэтически, а потому обречены на скорое и необратимое забвение» [Там же, с. 522]. Между тем уже сейчас не только как медиалингвистическое, но и как лингвоэкологическое явление можно описывать распространение отдельно бытующих в медиа средств кроссмедийной

выразительности медиаречи, узуальность которых обусловлена глобализационной спецификой медиадискурса, а также преобладанием в современной цифровой коммуникации инструментальной, если говорить языком Ю. Хабермаса, а не коммуникативной составляющей [Хабермас 2001, с. 70-78].

Обозначенные средства кроссмедийной выразительности медиаречи входят, на наш взгляд, в объем понятия медиалекта, выступая планом его выражения, причем их использование детерминировано в первую очередь самим медиа, то есть каналом трансляции. План же их содержания, как представляется, зависит в большей степени не от канала трансляции, а от стилеобразующей категории автора – только уже не публицистического текста [Солганик 2001], а медиатекста. Таким автором, надо полагать, выступает *homo interneticus* (Б. Тошович), который «вызывает различные стилистические эффекты: интенциональные (стремится к экспрессивности и эмоциональности), лудистские (занимается игрой слов), демонстративные (выражает протест), деструктивные (нарушает языковые нормы), провокационные (использует то, что вызывает отрицательную реакцию)» [Тошович 2017, с. 140]. На основе этих эффектов, подчеркивает исследователь, выделяют две основные части Интернет-языка в Сети: функционально-стилистическую и межстилевую. В последнюю входят «жанровый, изолирующий, феноменологический, лингвоконструктивный, генераторский и др. подтипы. Их предметом являются... стили, полноценно или исключительно функционирующие только онлайн» [Там же].

Учитывая субъект-объект-субъектную модель коммуникации, особенно цифровой, можно предположить, что в условиях медиасреды происходит мена ролей: под воздействием адресанта – стилеобразующей категории автора *homo interneticus* – адресат становится *homo confusus*, а затем, вступая в диалог (полилог), уже адресат становится адресантом – и так далее. «Многokrатно и убедительно показано и доказано на конкретных исследованиях текстов СМИ, что негативные речевые действия имеют особую значимость и тесно связаны с социальным здоровьем нации... Из-за них человек попадает в противоречивое смысловое поле и трансформируется из *homo sapiens* в *homo confusus*. И уже в таком статусе

человек *confusus* оказывается дезориентированным и запутанным неожиданным сознанием противоречивой информации и потому растерянным, неспособным к адекватному восприятию разнообразной новой реальности. Такое психоэмоциональное состояние создает неэкологичную коммуникативную ситуацию, а это в свою очередь вызывает противоречивые мнения, взгляды, суждения, чем успешно пользуется информационная война» [Шаховский 2019, с. 29]. Таким образом реализуется потенциально коммуникативная модель, которая полностью исключает линейность цифровой коммуникации и в которой результат общения зависит от самой потенциально коммуникативной ситуации, неопределенной из-за постоянно меняющихся ролями адресанта и адресата. Стилистические эффекты же, перечисленные Б. Тошовичем, служат модусами цифровой коммуникации, задавая ей тон с помощью определенных средств и тем самым реализуя категорию кроссмедийной выразительности медиаречи.

Следует уточнить, что адресат становится «человеком растерянным» и в результате воздействия средств визуальной риторики², функциональная специфика которых зависит от целей и задач цифровой коммуникации. Каждое из средств визуальной риторики – заголовочный комплекс, иконический код, мем, галерея, колоризация, инфографика, маппинг, 3D-модель, видео 360° – оказывает медиавоздействие на адресата, обусловленное поликодовой спецификой медиасреды. При этом, как правило, цели адресанта и адресата медиаречи соотносятся не напрямую: адресант *homo interneticus* использует максимальное количество средств кроссмедийной выразительности медиаречи, которые адресат по причине тенденции к экономии языковых усилий не может или не хочет воспринимать. Подобное функционирование средств визуальной риторики идет вразрез с правилами, постулирующими модель конструктивного диалога. Если модель цифровой коммуникации базируется на примитивных элементах медиалекта (эратив, речевой шаблон, олбанская конструкция, эмодзи),

²См. лонгрид «Визуальная риторика в арсенале полилога создателей и потребителей медиаконтента на сайте www.iz.ru», где содержится подробная информация о феномене визуальной риторики, ее методах, видах и функциях [Электронный ресурс]. – URL: <http://vitoric.tilda.ws> (дата обращения 30.06.2023).

интернет-частицы, интернет-междометия), то такая модель общения может быть признана неэкологичной из-за примитивизации цифровой коммуникации. Иная модель общения, в основе которой – совершенствование цифровой коммуникации, может быть признана экологичной.

Заметим, что на данном этапе классификации выявленные средства кроссмедийной выразительности медиаречи невозможно причислить только к одному из стилистических эффектов, так как их инструментальная составляющая придает им полифункциональный характер: возможное использование в разных потенциально коммуникативных ситуациях с разным коммуникативным эффектом. Однако само использование этих средств сказывается как на макро-, так и на микроорганизации медиатекста (и текста вообще), изменения в котором можно фиксировать на разных уровнях: «в минимальной коммуникативной единице “предложение-текстема”; в текстовом целом, относительно автономном в синтаксическом, семантическом, когнитивном и функциональном отношении; в сверхфразовом единстве как комплексе текстом; в целостном тексте как комплексе сверхфразовых единств» [Гришаева 2019, с. 60].

Такой подход дает возможность установить зависимость текстовой структуры от используемых в ней языковых единиц, причем в случае с медиатекстом уместно говорить еще и об экстралингвистических компонентах. Возникающая в таком случае проблема разграничения текста и дискурса, характерная для классических лингвистических штудий, в медиалингвистическом аспекте решается следующим образом: медиатекст – это «текст в движении», «текст как социально-коммуникативное действие» [Медиалингвистика 2018, с. 74], который не может существовать без канала массовой трансляции (вне медиа) и активной реакции адресата, то есть это текст с гипертрофированной фатической и – шире – коммуникативной функцией. А медиадискурс – это «тип институционального дискурса, объективирующего в медиаречи журналистской, рекламной и PR-деятельности, ориентированные на массовое воздействие через передачу информации» [Там же, с. 55].

Обозначим сами средства кроссмедийной выразительности медиаречи – результат протекающих в медиасреде лингвистических процессов: транслитерация/транскрипция (*глэмпинг, фейк-ньюз*), варваризм (*fake-news, Science, Yeeze*), бленд (*Оксбридж*), хэштег (*#правда*), эрратив (*аффтар*), аббревиатура (*4G*), эмотикон (эмодзи) (:-), мем (*Окей, бумер*), неологизм (*ламповый*), несистемные формы Pluralia/Singularia tantum (*спасибочки, прогсы, ванильки*), интернет-частицы (*какбэ, нуок, типо, го*), интернет-междометия (*бугага, мимими*), голофразис (*ясчитаю*); негативатор (*финансовые спекулянты*), глорификатор (*технологическая революция*), аксиологический амбивалент (*дешевое сырье*), олбанская конструкция (*пейсатель*), маркер разговорной речи (*хм, ну, а*), речевой шаблон (*следует из, говорится в, речь идет о*), активный линк (*@gramotaru*), каламбур (*серверная «Аврора»*), никнейм (*Accidental genius*), эпоним (*Илоны Маски*) [Овчинникова 2021, Северская 2017, Тошович 2017].

В частности, медиалект издания «Коммерсантъ» характеризуется точностью и лаконичностью изложения, которые выражены речевыми маркерами (*следует из доклада, говорится в документе, речь идет о, уточнили в компании, гендиректор отметил и др.*). В то же время он допускает языковую игру, основанную на каламбуре и варваризмах (*Неделя над пропастью, Хоть всех святых выноси, Навстречу серверной “Авроре”, Пхеньян мутит Kyodo, Нужно три-джи подумать*). Помимо лингвистических средств кроссмедийной выразительности медиаречи имеются и характерные для всех новых медиа экстралингвистические средства: активный линк (*Павел Тарасенко, Анастасия Гаврилюк*), хэштег (*#IT-рынок*), никнейм (*здравый смысл, retal*). В силу особенностей профессиональной коммуникации, в том числе в деловой сфере, «Коммерсантъ» допускает аббревиатуры, бленды и т. д.

На примере медиатекстов Amic.ru, Altapress.ru, Bankfax.ru выявлены неэкологичные элементы медиалекта, связанные с вульгаризацией и варваризацией медиаречи. «Вульгаризация речи и языка – не оправданное чрезвычайными коммуникативными обстоятельствами употребление вульгаризмов» [Экология русского языка 2017, с. 35–36]. Среди выявленных неэкологичных элементов

медиалекта – вульгаризмы *сотка, долежка, пиццешка, легковушка, нарожали, пропесочила, хейт, ноу-хау, рекрутер, кол-центр, мерчендайзер, зоофобы, чайлдфри, таунхаус, бизнесвумен и др.* Они «противоречат законам русского словообразования, являются неблагозвучными и неудобопроизносимыми» [Сковородников 2019а, с. 416–417], в связи с чем их можно классифицировать как языковые аномалии.

Понятие «языковая аномалия» осмыслено как составляющая речевых стратегий и тактик, как языковая игра, главная цель которой – эмфатическое выделение контекстуально значимых речевых единиц. Языковые аномалии подробно изучены на материале художественных текстов (см.: [Джаманова 2013, Писанова 2018, Фещенко 2019, Пучинина 2019, Сидорова 2019]), в последнее время исследователей стал интересовать прагматический³ аспект изучения языковых аномалий в медиасреде (см.: [Новикова 2019]). Именно в цифровой коммуникации языковые аномалии наиболее частотны. Как было замечено в одном из наших исследований, «это объяснимо тем, что скорость цифровой коммуникации преобладает над скоростью коммуникации обычной, поэтому адресанты – *homo interneticus* – не успевают рефлексировать над тем, что и как они говорят, адресаты же – *homo confusus* – над тем, что и в каком виде они получают» [Шабалин 2022d]. Такой коммуникативный сбой особенно показателен в случае с новостными сайтами, где языковые аномалии – следствие, как правило, речевых ошибок и недочетов, а не специально используемой речевой стратегии или тактики. Речевые ошибки – это «немотивированные отступления от норм литературного языка; нарушение правильности литературной речи» [Сковородников 2019а, с. 454], речевые недочеты – «нарушение неимперативных норм; это чаще всего нарушение функционально-речевых закономерностей, несоответствие стилистической окраски высказывания его содержанию» [Там же, с. 468].

³Под прагматической стратегией понимается эффективное речевое действие, направленное на достижение результата, соответствующего профессиональным целям и задачам автора текста [Дускаева 2019, с. 10].

Пограничный статус экологичности имеют, как правило, те элементы медиалекта, которые использованы в медиатекстах политической, экономической и другой сопряженной с экспертной оценкой направленности. Отсюда – негативаторы, глорификаторы и аксиологические амбиваленты, позволяющие четко обозначить идеологическую позицию, а потому относящиеся к языку информационно-политической войны (А. П. Сковородников, Г. А. Копнина). В частности, медиатекст «Выжить в жерновах истории», опубликованный в издании «Известия», содержит такие негативаторы, как *финансовые спекулянты, искусственный хаос, ликвидация образования* и др. Среди глорификаторов встречаются *технологическая революция, политическая доминанта* и др. К аксиологическим амбивалентам относятся *материальные блага, дешевое сырье, дружественные страны* и др.

Конечно, перечень средств кроссмедийной выразительности медиаречи только этим не ограничивается: «по своей общественной природе именно mass-media всегда, а в нашу карнавальную эпоху особенно – это опытная (чаще всего смеховая) лаборатория опробования языка. В ходе экспериментирования неизбежны чудачества, но встречаются и чудеса, которые – не менее, чем художественная литература, – обогащают и общий литературный язык» [Костомаров 2010, с. 144]. Новизна этих средств по большей части вызвана графодеривацией: «необычным графическим оформлением новых языковых единиц или изменением графического облика существующих слов, словосочетаний и предложений, а также графико-словообразовательной и стилистической игрой» [Тошович 2019, с. 27].

Подчеркнем: эти средства кроссмедийной выразительности медиаречи способствуют реализации сценариев конвергентности (мультимедийному, кроссмедийному, трансмедийному):

- Аббревиатура – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (экономия языковых усилий).

- Аксиологический амбивалент – (вербализованное) мультимедийное средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (оценка меняется в зависимости от идеологической позиции автора).
- Активный линк – мультимедийное средство, обеспечивающее тематический кроссмедийный переход как внутри одной медиасистемы, так и между различными медиасистемами.
- Бленд – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (адаптация новых понятий и категорий к принимающему, в частности к русскому, языку).
- Варваризм – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (форенизация новых понятий и категорий).
- Глорификатор – (вербализованное) мультимедийное средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (ярко выраженная идеологическая позитивная оценка).
- Голофразис – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).
- Интернет-междометие – вербализованное мультимедийное средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).
- Интернет-частица – вербализованное мультимедийное средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).
- Каламбур – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).
- Маркер разговорной речи – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (речевой шифт – сигнал переключения с письменной формы речи на устную и наоборот).
- Мем – (вербализованное) мультимедийное средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).

- Негативатор – (вербализованное) мультимедийное средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (ярко выраженная идеологическая негативная оценка).
- Неологизм – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (адаптация новых понятий и категорий к принимающему, в частности к русскому, языку).
- Несистемные формы Pluralia tantum/Singularia tantum – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).
- Никнейм – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив ((де)персонализация субъекта медиаречи).
- Олбанская конструкция – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).
- Речевой шаблон – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (экономия языковых усилий).
- Транслит/транскрипция – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (адаптация новых понятий и категорий к принимающему, в частности к русскому, языку).
- Хэштег – мультимедийное средство, обеспечивающее тематический кроссмедийный переход (кроссмедийность) внутри одного канала трансляции.
- Эмотикон – мультимедийное средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).
- Эпоним – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).
- Эрратив – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (эмоциональная/оценочная реакция).

Обозначенные средства кроссмедийной выразительности медиаречи заслуживают отдельного внимания по двум причинам. Во-первых, они – продукт речемыслительной деятельности пользователей сети Интернет, то есть языковой

личности среднестатистического носителя языка, ориентированной на массовую коммуникацию, что позволяет зафиксировать стилистические тенденции не в литературе, а в медиа, и тем самым описать специфику медиалекта. Во-вторых, что более значимо для данной работы, эти средства дают возможность наметить лингвоэкологические факторы риска, вызванные меной коммуникативных ролей *homo interneticus* – *homo confusus*.

Примечательно, что медиалект изначально «был равен литературному языку традиционной эпохи, когда сайты являлись электронными клонами печатных газет» [Клушина 2018a, с. 54–56]; это язык Web 1.0. Следующий этап развития «медийного варианта литературного языка, характеризующийся его активной визуализацией, – Web 2.0 стал испытывать очень серьезное давление узуса. Неограниченная свобода самовыражения, непрерывный диалог пользователей в Сети (в сообществах, на форумах, в комментариях, чатах) и установка на самопрезентацию приводят к пренебрежению нормами языка, к доминированию разговорно-просторечного стиля (*мимимшинный, себяшки, обнимашки, целовашки*) и намеренному включению модных заимствованных слов (*шоурумы, коучи, тренды, подкасты*), манифестирующих стремительную модернизацию языка цифровой эпохи» [Клушина 2018b]. Наконец, Web 3.0 – дигитальный язык, основанный на интернет-технологиях, ставит лингвоэкологическую проблему дегуманизации как самого языка новых медиа, так и всей цифровой коммуникации, когда наравне с людьми пишут роботы. Такой взгляд обоснован еще и тем фактом, что «в современной медиакультуре роль Пушкина взял на себя Интернет. Именно Интернет произвел не только технологическую, гуттенберговскую революцию, но и стилистическую, пушкинскую революцию, которая радикальным образом отразится на нашем языке» [Клушина 2018a, с. 28–31]. В. Г. Костомаров подчеркивал: «Сегодняшнее “языковое существование” общества не ограничивается личностной (отчасти групповой) и массовой (во многом тоже групповой) коммуникацией. В нем бурно развивается именно сетевое общение, как массовое, так и индивидуальное. Соответственно следует ожидать нового соотношения разговорной и книжной разновидностей литературного языка, и их

взаимодействие и взаимопроникновение (не только в сетевой коммуникации!) уже с очевидностью наблюдается...» [Костомаров 2010, с. 143].

По мнению Ю. М. Зубаревой, специфическая черта медиалекта, благодаря которой можно говорить об особом статусе этого феномена современной массовой коммуникации: «наличие широкой социальной базы, обусловленной доступностью цифровых площадок, отсутствием национальных, территориальных, возрастных, гендерных и финансовых ограничений» [Зубарева 2022, с. 50]. Базовые коммуникативные особенности медиаречи выделяет В. И. Коньков, указывая на ее *утилитарность* (вписанность в общую практическую деятельность общества), *актуальность* (общение здесь и сейчас), *перформативность* (равноценность речевых актов поступкам), *необратимость* (отсутствие интереса к прочитанному), *медийность* (опосредованность разными каналами трансляции) [Коньков 2016, с. 59-63].

Таким образом, учитывая лингвоэкологическую специфику медиалекта, которая заключается в языковой редукции под воздействием медиасреды, в частности, в речевых следствиях мены коммуникативных ролей *homo interneticus* – *homo confusus*, а также в макро- и микротекстовых изменениях, его можно рассматривать как «синтез актуальных речевых тенденций, а не только языковых традиций» [Зубарева 2022, с. 50].

2.3. Лингвоэкологические факторы риска функционирования медиалекта и критерии их выделения

2.3.1. Структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи: лингвоастенизмы, лингвоперверсивы, лингвотоксины

Критерии экологичности слова, по замечанию А. П. Сковородникова, находятся в контексте экологии языка, или его охраны от различных языковых

травм, среди основных: лингвоастенизмы, лингвоперверсивы, лингвотоксины [Экология русского языка 2017, с. 102]. Лингвоастенические явления связаны с истощением языковых ресурсов, обеднением языка, в результате чего из активного словаря выпадают прежде всего книжные слова: от абстрактных понятий до прецедентных имен. Лингвотоксические явления приводят к загрязнению языка и речи, в результате чего он вульгаризируется, бюрократизируется, обесценивается. Лингвоперверсивные явления негативно влияют на национальную языковую картину мира, снижая номинативную и коммуникативную потенции языка и речи, что выражается в десакрализации терминов и символов, в фетишизации слов и словесных оборотов, в стилевой и жанровой диффузии, а также в других, подрывающих историческую память лингвистических процессах [Там же, с. 312–313]. Общий же «критерий экологичности/неэкологичности слова сводится к выполнению базовых языковых функций – номинативной, коммуникативной и когнитивной – при его безусловном соответствии языковым и речевым нормам, этико-эстетическим категориям морали и прекрасного» [Там же, с. 102].

С нашей точки зрения, из-за своей предельно абстрактной формулировки общий критерий экологичности/неэкологичности слова нуждается в уточнении. С учетом того, что на данный момент как общий, так и частные критерии экологичности находятся на этапе методологического развития, для проведения лингвоэкологической диагностики представляется необходимым учитывать как минимум два аспекта: нормативно-стилистический и коммуникативно-прагматический аспект. Это объяснимо тем, что «с точки зрения нормированного литературного языка» [Клушина 2018с, с. 31] дигитальный язык – макаронический, то есть варваризованный и стилистически сниженный, однако «с позиций онтологии языка, то мы осознаем, что дигитальный язык – не испорченный литературный язык, а принципиально новая форма литературного языка» [Клушина 2018b, с. 56], которую надо «корректировать и “встраивать” в историю развития литературного языка, сохраняя основные достижения традиционной культуры» [Там же, с. 56].

В нормативно-стилистическом аспекте под экологичностью, на наш взгляд, следует понимать отвечающее языковой норме, стилистически оправданное словоупотребление, основанное, прежде всего, на кодифицированном написании или произношении в соответствии с Русским орфографическим словарем [Русский орфографический словарь 2023] (если слово находится на стадии кодификации, тогда представляется целесообразным учитывать тот факт, образовано ли оно согласно деривационным моделям русского языка) или в соответствии с Большим орфоэпическим словарем русского языка [Большой орфоэпический словарь русского языка 2023]. Экологичность медиаречи в данном случае исследуется в нормативно-стилистическом аспекте, в качестве общего критерия предлагается избрать критерий соблюдения норм правописания/произношения или стилистических норм. Нарушение этого критерия ведет к неэкологичности средства кроссмедийной выразительности медиаречи. Следствиями этого нарушения являются институализация антинормы, семантическая аберрация, нарушение языковой узуальности, лексико-семантическая конверсия и т. д.

В коммуникативно-прагматическом аспекте под экологичностью, на наш взгляд, следует понимать отвечающее речевой норме, контекстуально оправданное словоупотребление, основанное, прежде всего, на стремлении к коммуникативному равновесию: «возможности предоставления собеседнику в процессе коммуникации роли, которая определяется его социальной ролью и характеризует его представление о собственном достоинстве» [Гольдин 1993, с. 109]. Поэтому при исследовании медиаречи в коммуникативно-прагматическом аспекте общим критерием экологичности предлагается избрать критерий соблюдения двух основополагающих принципов любой коммуникации – принципа Кооперации (в терминологии П. Грайса) и принципа Вежливости (в терминологии Р. Лакофф) [Иссерс 2008, с. 64–69]. Нарушение этого критерия ведет к неэкологичности средства кроссмедийной выразительности медиаречи. Следствиями этого нарушения являются деперсонализация коммуникации, конфликтогенность коммуникации, увеличение информационного шума,

доминирование прагматической функции общения в ущерб остальным, коммуникативная редукция и т. д.

В зависимости от того, имеет ли конкретное средство кроссмедийной выразительности медиаречи лингвоастеническую, лингвотоксическую или лингвоперверсивную составляющую, можно определить статус его экологичности. Чтобы выявить эту составляющую, предлагаем разработанную нами структурно-семантическую классификацию средств кроссмедийной выразительности медиаречи, где под знаком «+» понимается «экологично», под знаком «-» – «неэкологично», под знаком «+/-» – «амбиэкологично» (см. Таблицу № 1). Такая классификация позволяет установить корреляцию между лингвоэкологическим процессом и его конкретным результатом. Заметим, что и в нормативно-стилистическом, и в коммуникативно-прагматическом аспекте экологичности медиаречи обязателен учет ее коммуникативного контекста, позволяющего оценить, действительно ли то или иное словоупотребление неэкологично или перед нами частный случай языковой игры, то есть намеренное нарушение языковой (речевой) нормы.

Таблица № 1. Структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи в лингвоэкологическом ключе

№ п/ п	Средства кроссмедийной выразительности медиаречи	Аспекты экологичности медиаречи	
		Нормативно-стилистический	Коммуникативно-прагматический
Структурно-семантические средства			
1	Хэштег (#книги) #аудиообзор #историяутвоегопорога #краеведческиеиздания #никитинка #отделкраеведенияникитинки #усадыбы #библиотека #книги [НКРЯ 2022]	-	+/-
2	Эрратив (аффтар) «Интересно, а что бы сделал аффтар? », – задался риторическим вопросом министр культуры, продемонстрировав недюжинное знание российской блогосферы и блестящее владение «олбанским» языком [РБК 2012,	-	+/-

	URL: www.rbc.ru/society/01/07/2012/5703f9c89a7947ac81a69942]		
3	Неологизм (спичрайтер, ламповый) <i>90 лет назад, 9 августа 1930 года родился Александр Бовин, самый большой человек советского телевидения. «Известия» в этот день вспоминают своего многолетнего политического обозревателя, а также советника Андропова, спичрайтера Брежнева и первого российского посла в Израиле</i> [Известия 2020, URL: www.iz.ru/1045347/igor-litvinenko/figura-govoreniia-aleksandr-bovin-i-ego-umenie-ubezhdat] <i>Как и песня, ролик наполнен «ламповой» атмосферой английской провинции из клипов 1980-х, за которые мы когда-то и полюбили всех этих исполнителей</i> [Известия 2022, URL: www.iz.ru/1311252/sergei-ivarov/prekrasnoe-nedaleko-diskoteka-1980-kh-arkhivy-ianga-i-vernuvshiesia-placebo]	+/-	+/-
4	Олбанская конструкция (пейсатель) <i>Ну и конечно каждый из них скорее всего пейсатель!</i> [НКРЯ]	-	+/-
5	Каламбур (открой личку) <i>Современное: Гюльчатай, открой личку</i> [ЛГ 2023, www.lgz.ru/article/pro-internet/]	+/-	+/-
6	Бленд (Оксбридж) <i>Интеллектуалы, выпускники Оксбриджей (кроме американца Гиллиама, которого привез из Штатов Эрик Айдл)</i> [Известия 2011, URL: https://iz.ru/news/508317]	+/-	+/-
7	Эпоним (Илоны Маски) <i>«Эту работу просто надо продолжать, это как питательная среда, из которой обязательно родятся там будущие Илоны Маски», – сказал он в ходе ПМЭФ</i> [РБК 2023, URL: www.rbc.ru/politics/13/07/2023/64b009749a79475848866786]	+/-	+/-
8	Несистемные формы Pluralia tantum/Singularia tantum (испуги) <i>Но испуги такого рода уже прошли. Специалисты говорят – не то время. Штрафов никаких к респондентам не будет, даже если скажут переписчику неправду</i> [РБК 2016, URL: www.rt.rbc.ru/tatarstan/21/06/2016/57692f619a794793664c03b1]	-	+/-
9	Речевой шаблон (Доброго времени суток) <i>Рекомендовано отказаться от таких выражений, как «добротная команда», «ваши покорный слуга», «как с гуся вода», «доброе времени суток», «пальма первенства», «зенит славы», «львиная доля», «массированная атака», «не все ладится», «журналистская братия», «попустительство</i>	+/-	-

	защитников», «схлопотать», «на встречных курсах» и ряда других [Lenta.ru 2016, URL: www.lenta.ru/news/2016/09/26/matchtvprohibitedwords/]		
10	Маркер разговорной речи (ну, а, типо, вот так, как бы) Значительная часть как бы бесхозных земель занята садовыми участками, которые в советское время относились к имуществу совхозов и колхозов [Парламентская газета 2021, URL: www.pnp.ru/social/vladelcev-neuchtyonnoy-edvizhimosti-naydut-i-uchtut.html]	+/-	+/-
11	Активный линк («Грамота.ру») «Грамота.ру» – пространство с ответами на любые вопросы об орфографии и пунктуации [ГОЛ 2022, URL: https://gol.ru/materials/18920-gramota-ru]	-	+/-
12	Мем (Окей, бумер) Рингтоны в 2021 году? Окей, бумер [НКРЯ]	+/-	+/-
13	Эмотикон (эмодзи) (; 😊) Дайте-ка угадаю 😊 [НКРЯ]	-	+/-
14	Никнейм (raxsu) Творческий никнейм: raxsu [НКРЯ]	+/-	+/-
15	Варваризм (fake news) Ученые занимаются разработкой методов определения fake news [РБК 2023, URL: www.trends.rbc.ru/trends/industry/64671b8b9a79474e146c2abb]	-	+/-
Структурные средства			
16	Транслит/Транскрипция (фейк-ньюз, кулстори) Инструменты маркирования достоверной информации в качестве ответа на проблему «фейк-ньюз» [РБК 2022, URL: www.trends.rbc.ru/trends/futurology/61b8ae9f9a7947c1acc1f5d1] Кулстори дня: На все мои заверения, что у меня есть планы 50/ 50, и если их и не будет, то мне есть чем заняться, мне ответили ЭТО ВАЖНЕЕ [НКРЯ]	+	-
17	Аббревиатура (ИМНО, АКА) ИМНО , единственные шансы на будущий международный статус сейчас имеют только несущие языки евросоюза АКА Французский и Немецкий [НКРЯ]	+	-
18	Интернет-частица (какбэ, нуок, го) «Нуок, лол», – говорит Билл Гейтс и распускает всех с пресс-конференции, о которой узнал пару минут назад [НКРЯ]	-	+/-
19	Интернет-междометие (бугага, мимими, кек) Кек , она если и упала, то за счёт международных компаний, а не рядовых Ванек-пиратов [НКРЯ]	-	+/-
20	Голофразис (ясчитаю)	-	+/-

	Ясчитаю что любящий человек поймет и примет эти мои пункты, не подлежащие обсуждению, как данность [НКРЯ]		
Семантические средства			
21	Негативатор (<i>фейкометы</i>) <i>«Мы очень рады, что французская аудитория теперь сама узнает и сама увидит, какие мы “фейкометы” и какие мы «рупоры кремлевской пропаганды», или мы на самом деле единственный телеканал во Франции, который показывает им альтернативную точку зрения», – добавила она [Известия 2017, URL: www.iz.ru/685097/2017-12-19/telekanal-rt-zapustil-veshchanie-vo-frantcii]</i>	+/-	+
22	Глорификатор (<i>многополярный мир</i>) <i>Вот тут открывается основное понимание, что такое многополярный мир, про который сейчас так много разговоров [РБК 2023, URL: www.rbc.ru/crypto/news/64ce1c4d9a7947056ead043a]</i>	+/-	+
23	Аксиологический амбивалент (<i>скрепы</i>) <i>Пуристы на Ямайке и вне ее относились к успехам Марли сдержанно: ушел от корней, растерял скрепы. Однако они ошибались [Известия 2020, URL: www.iz.ru/972453/vladislav-krylov/prinesshii-ogon-kak-bob-marli-pochti-ostanovil-grazhdanskuiu-voinu]</i>	+/-	+

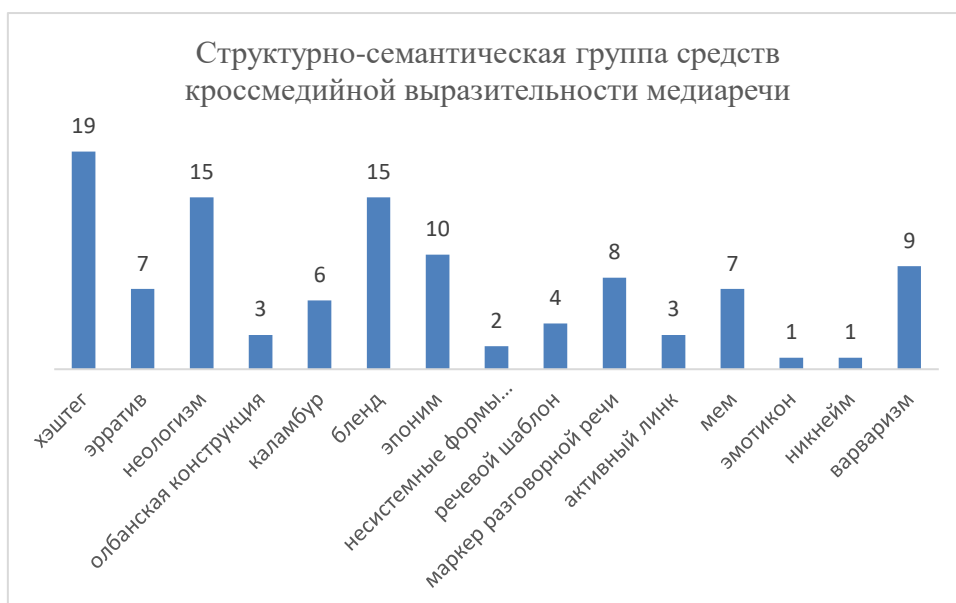
Первая группа средств, структурно-семантическая, связана с лингвотоксическими явлениями в том смысле, что эти средства – результат немотивированного появления в медиасреде экспрессивных языковых (параязыковых) единиц. Токсичность им придает то, что органически чуждые фонетическому, морфемному или лексическому строю русского языка единицы начинают претендовать на узуальный статус.

В частности, лингвотоксином может быть признан варваризм *fake news*: *Ученые занимаются разработкой методов определения **fake news** [РБК 2023, URL: www.trends.rbc.ru/trends/industry/64671b8b9a79474e146c2abb].* В Русском орфографическом словаре эта языковая единица отсутствует, что служит индикатором ее немотивированного с нормативно-стилистической точки зрения написания на английском языке в русскоязычном медиатексте (однако в этом словаре зафиксирована уже ставшая узуальной лексема *фейк*, и приводится рекомендация Справочной службы «Грамота.ру» по возможному написанию слова: *фейк-нюз*); нарушена языковая узуальность. С точки зрения коммуникативно-

прагматической варваризм *fake news* амбиэкологичен. На структурном уровне он также является лингвотоксином, так как в русском языке уже существует его аналогичная транскрибированная словоформа, поэтому латинизированное словоупотребление *fake news* не мотивировано, что повышает информационный шум в медиасреде. На содержательном уровне благодаря вхождению в узус *fake news* лингвотоксином уже не является. По данным НКРЯ, варваризм *fake news* в газетном подкорпусе употреблен 173 раза (первое вхождение – 2003 год), в подкорпусе социальных сетей – 5 раз, один раз в основном корпусе. Эти данные свидетельствуют, что речевая узуализация варваризма *fake news* началась именно с медиатекста и продолжается до сих пор.

В группу структурно-семантических средств входят хэштег, эрратив, неологизм, олбанская конструкция, каламбур, бленд, эпоним, несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, речевой шаблон, маркер разговорной речи, активный линк, мем, эмодикон, никнейм, варваризм (см. Диаграмму № 1, где указано количество примеров каждого из структурно-семантических средств кроссмедийной выразительности в рассмотренных мультимедийных проектах).

Диаграмма № 1. Структурно-семантическая группа средств кроссмедийной выразительности медиаречи

Вторая группа средств, структурная, связана с лингвоастеническими явлениями. Неэкологичность им придает то, что каждое из этих средств заменяет

книжную лексику эрзац-словами, усложняя (*kniga*) или упрощая (*ятаксчитаю*) ее морфемный состав или синтаксический порядок. Это может негативно сказываться на активном вокабуляре, но в случае экологичности или амбиэкологичности обозначенных средств такие языковые и речевые изменения могут оказаться продуктивными, в том числе благодаря закреплению в узусе новых словоформ.

Один из примеров лингвоастенизма – транскрипция *кулстори*: **Кулстори** дня: *На все мои заверения, что у меня есть планы 50/ 50, и если их и не будет, то мне есть чем заняться, мне ответили ЭТО ВАЖНЕЕ* [НКРЯ]. С нормативно-стилистической точки зрения транскрипция *кулстори* экологична, так как при передаче заимствованной из английского языка лексемы сохранен ее фонетический облик, что соответствует общему критерию соблюдения норм правописания/произношения в русском языке. Однако для адресата, не знающего английского языка, эта словоформа является неэкологичной, поэтому ее можно рассматривать в качестве коммуникативной помехи, нарушающей принципы Кооперации и Вежливости. Газетный подкорпус НКРЯ фиксирует только одну коллокацию в СМИ – *Вот еще кулстори* [НКРЯ] – в отличие от русской кальки *прикольная история* [НКРЯ] (шесть коллокаций). В подкорпусе социальных сетей зафиксировано 53 коллокации с лексемой *кулстори* [НКРЯ] и 6 коллокаций со словосочетанием *прикольная история* [НКРЯ]. Эти количественные показатели отображают то, что в данном случае адресанты медиаречи ориентированы на две разных нормы: на языковую в текстах газетного подкорпуса и на речевую в текстах подкорпуса социальных сетей.

В группу структурных средств входят транслит/транскрипция, аббревиатура, интернет-частица, интернет-междометие, голофразис (см. Диаграмму № 2, где указано количество примеров каждого из структурных средств кроссмедийной выразительности в рассмотренных мультимедийных проектах).

Диаграмма № 2. Структурная группа средств кроссмедийной выразительности медиаречи

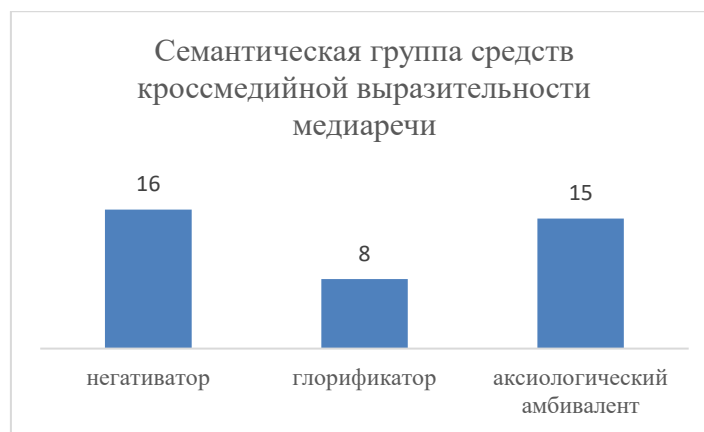
Третья группа средств, семантическая, связана с лингвоперверсивными явлениями. Лингвоперверсивы как языковые (параязыковые) средства информационно-психологической войны (А. П. Сковородников, Г. А. Копнина) изначально являются манипулятивами, то есть средствами выразительности медиаречи с амбиэкологичной семантикой с нормативно-стилистической точки зрения. Однако, учитывая то, что каждое из этих средств функционально, все они выполняют отведенные им коммуникативно-прагматические функции – в этом смысле они экологичны.

В частности, лексема *скрепы* становится аксиологическим амбивалентом в следующем контексте: *Пуристы на Ямайке и вне ее относились к успехам Марли сдержанно: ушел от корней, растерял скрепы. Однако они ошибались* [Известия 2020, URL: www.iz.ru/972453/vladislav-krylov/prinesshii-ogon-kak-bob-marli-pochti-ostanovil-grazhdanskuiu-voynu]. В толковом словаре лексема *скрепы* используется для обозначения того, что «соединяет, сплачивает, скрепляет» [Современный толковый словарь... 2000], то есть обладает положительной коннотацией, например, (духовные) *скрепы*; она экологична с нормативно-стилистической точки зрения. Лексема *скрепы* экологична и в коммуникативно-прагматическом аспекте,

так как выполняет функции и негативатора, и глорификатора одновременно. Негативная (ироническая) коннотация вызвана расширением контекста *ушел от корней, растерял скрепы*, где прием параллелизма становится приемом языковой игры с речевыми штампами *корни, скрепы*.

В группу семантических средств входят негативатор, глорификатор, аксиологический амбивалент (см. Диаграмму № 3, где указано количество примеров каждого из семантических средств кроссмедийной выразительности в рассмотренных мультимедийных проектах).

Диаграмма № 3. Семантическая группа средств кроссмедийной выразительности медиаречи

Предлагаем с лингвоэкологических позиций рассмотреть обозначенные в параграфе 2.2 средства кроссмедийной выразительности медиаречи в двух аспектах: нормативно-стилистическом и коммуникативно-прагматическом. С целью комплексной лингвоэкологической диагностики взяты одни и те же средства кроссмедийной выразительности медиаречи. Проанализируем каждое из них с нормативно-стилистической и коммуникативно-прагматической точки зрения.

2.3.2. Нормативно-стилистический аспект экологичности медиаречи

С точки зрения нормативно-стилистического аспекта:

1. Экологичны транслит/транскрипция, аббревиатура (общий критерий экологичности: соблюдение норм правописания/произношения или стилистических норм).

В частности, лексема *фейк-ньюз* представляет из себя транскрибированную форму английского словосочетания *fake news*. Качественное издание РБК, ориентированное на профессиональный стандарт медиаречи, дает ее в кавычках. Это обозначает, что, во-первых, в русском языке слово еще не кодифицировано, а во-вторых, оно, тем не менее, уже входит в лексический состав русского языка. В отличие от качественных изданий, в социальных сетях вхождение транслитерированных или транскрибированных заимствованных слов дается, как правило, без кавычек. Такое положение дел говорит о следующем: создается иллюзия, что эти слова уже стали частью лексикона носителей русского языка. Однако их осторожное использование качественными СМИ указывает на то, что кодификация находится еще в процессе, а, следовательно, нормы правописания заимствованных из английского языка слов с помощью кириллицы делают эти слова экологичными для носителей русского языка.

Что касается аббревиатур, то их экологичность определяется прежде всего деривационно согласно правилам образования условных сокращений. Причем не важно, на каком языке они написаны (если они общеупотребительны). Так, англоязычные аббревиатуры *ИМНО* и *АКА* экологичны в любом языке, поскольку образованы в соответствии с деривационными правилами английского языка.

2. Неэкологичны хэштег, эрратив, олбанская конструкция, несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, активный линк, эмотикон (эмодзи), варваризм, интернет-частица, интернет-междометие, голофразис (нарушается общий критерий экологичности: соблюдение норм правописания/произношения или стилистических норм).

В частности, при контекстуальном скоплении хэштегов (*#аудиообзор #историяутвоегопорога #краеведческиеиздания #никитинка #отделкраеведениян икитинки #усадыбы #библиотека #книги*) искажается графическая форма лексем: намеренно игнорируются нормы правописания, что может быть проинтерпретировано как тенденция неэкологичная.

Схожее явление наблюдается в ситуации использования голофразиса (ясчитаю), который, с одной стороны, в силу специфики диктует слитное

написание слов и даже предложений. А с другой стороны, сигнализирует тем самым о противоестественном для синтетических языков (в числе которых русский язык) слитном написании раздельнооформленных словосочетаний.

Эрратив, намеренное искажение слов носителями литературной нормы, уже по своей функциональной нагрузке указывает на ненормативность. Причем неэкологическая тенденция заключается в институализации качественными СМИ, как и всеми пользователями новых медиа, этой ненормативности (в цитате из речи министра культуры РФ: «*Интересно, а что бы сделал аффттар?*»).

Олбанская конструкция [Гусейнов 2000; Кронгауз 2013] – разновидность эрратива, где за основу взято ненормативное написание, как правило, общеупотребительных слов (*пейсатель*): *Ну и конечно каждый из них скорее всего пейсатель!* Это антинорма – результат языковой игры, базирующийся на фонетическом принципе русской орфографии. Еще в 2008 году данная языковая игра, задающая тенденцию институализации антинормы, рассматривалась как возможная экологическая угроза русскому языку [Антонов 2008].

Несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*. Формы *Pluralia tantum* – это формы имен существительных, не имеющих единственного числа, формы *Singularia tantum*, напротив, – формы имен существительных, не имеющих множественного числа. Если та или другая форма использована несистемно, то есть вопреки морфологической норме русского языка, это представляется неэкологичным: *Но испуги такого рода уже прошли. Специалисты говорят – не то время. Штрафов никаких к респондентам не будет, даже если скажут перетисчику неправду.*

Активный линк – гиперссылка, то есть скрытая отсылка к другим текстам; это своего рода перформатив, слово-действие. При использовании линка как интерактивного элемента нарушаются кодифицированные правила оформления ссылок, а, кроме того, линк выполняет метаописательную функцию, которая может исказить линейное восприятие текста. Именно эти две особенности линка указывают на его неэкологичность в нормативно-стилистическом аспекте:

«*Грамота.ру*» – пространство с ответами на любые вопросы об орфографии и пунктуации.

Эмотикон (эмодзи), согласно Словарю иностранных слов под редакцией Н. Г. Комлева (2006), – информационная система сокращений и значков (чаще шуточных), используемых в электронной почте (E-Mail) из-за невозможности передать нюансы своего настроения с помощью жестов, мимики или даже почерка: «*Дайте-ка угадаю 😊*» Возникнув как дополнительное средство экспрессии в бытовой электронной коммуникации, эмотикон (эмодзи) стал использоваться во всех коммуникативных жанрах (в том числе в текстах официально-делового стиля). Однако как экстралингвистическое явление он по-прежнему не кодифицирован, что обуславливает, чаще всего, его неоправданное использование. Это представляется неэкологичным, хотя уже существуют эмодзи-перевод («Яндекс.Переводчик»), справочник эмодзи («EmojiAll Русский»), профессиональные эмодзи-стандарты («VC: Как правильно использовать эмодзи»).

Варваризм, согласно Словарю иностранных слов под редакцией Н. Г. Комлева (2006), – заимствованное слово или выражение, не полностью освоенное языком и воспринимаемое как чужеродное (*fake news*): *Ученые занимаются разработкой методов определения fake news*. Неэкологичность варваризма объяснима его неполной адаптацией в языке.

Интернет-частица – не собственно частица с точки зрения традиционной классификации частей речи, а слово (словосочетание), выполняющее, как и частицы, функцию выражения отношения говорящего к сообщаемому: «*Нуок, лол*», – *говорит Билл Гейтс*. Неэкологичность интернет-частиц заключается в том, что они – и графически, и семантически – представляют собой пограничное речевое явление, базирующееся на других неэкологичных с нормативно-стилистической точки зрения явлениях (голофразис, блендинг и др.).

Интернет-междометие – не собственно междометие с точки зрения традиционной классификации частей речи, а слово, служащее для нерасчлененного выражения чувства, ощущения или душевного состояния (*кек*): *Кек, она если и упала, то за счёт международных компаний, а не рядовых Ванек-пиратов*.

Неэкологичность интернет-междометий вызвана тем, что они, будучи заимствованными из английского языка, в русском языке выглядят и звучат чужеродно.

3. Амбиэкологичны в зависимости от общего критерия экологичности (соблюдение норм правописания/произношения или стилистических норм): неологизм, каламбур, бленд, эпоним, речевой шаблон, маркер разговорной речи, мем, никнейм, негативатор, глорификатор, аксиологический амбивалент.

Неологизм – появившееся в языке новое слово или фразеологическое сочетание (*спичрайтер*), а также слово, получившее новое значение (*ламповый*): *«Известия» в этот день вспоминают своего многолетнего политического обозревателя, а также советника Андропова, спичрайтера Брежнева и первого российского посла в Израиле; Как и песня, ролик наполнен «ламповой» атмосферой английской провинции из клипов 1980-х, за которые мы когда-то и полюбили всех этих исполнителей.* В этих примерах лексемы *спичрайтер* и *ламповый* могут быть оценены как экологичные благодаря, во-первых, их соответствию орфографической и орфоэпической нормам русского языка, а во-вторых, – их фиксации в словарях и корпусах.

Каламбур, согласно Словарю иностранных слов под редакцией Н. Г. Комлева (2006), – игра слов, основанная на их звуковом сходстве и смысловом различии: *Гюльчатай, открой личку.* В этом примере намеренно сталкиваются созвучные лексемы *личико* и *личка*; обыгрывается киноцитата. Учитывая сленговый – сниженный характер лексемы *личка*, можно охарактеризовать ее и весь каламбур как амбиэкологичные. Для адресатов «Литературной газеты», из которой взят пример, он, скорее, экологичный, поскольку в нем стилистически сниженная лексема намеренно помещена в известный адресатам «ЛГ» культурный контекст.

Блендинг как способ словообразования более характерен для английского языка, в русском языке он используется в ситуациях слияния двух и более иноязычных основ (*Оксбридж*): *Интеллектуалы, выпускники Оксбриджей* (кроме американца Гиллиама, которого привез из Штатов Эрик Айдл). Однако для русского языка более характерно использование слияния основ с помощью

соединительной гласной (*самолет*). С точки зрения орфоэпии слова-бленды, заимствованные из английского языка, не всегда благозвучны, их бывает сложно произносить, что отчасти вызвано не характерными для русского языка скоплениями согласных (*Оксбридж*). Таким образом, на основании благозвучия, зависящего от морфем, можно установить статус экологичности блендов. Как подчеркивает М. В. Панов, проблема русского литературного произношения тесно связана с морфологией: «Морфологический критерий – и только он! – позволяет установить позиционные изменения звуков, отделить их от фонемных чередований и, в конце концов, определить “диапазон” каждой фонемы» [Труды по общему языкознанию и русскому языку 2004, с. 404]. Учитывая тот факт, что лексема *Оксбридж* – узуальна (зафиксирована в Словаре иностранных слов под редакцией Н. Г. Комлева в 2006 году), ее можно признать экологичной. С другой стороны, неблагозвучие этого бленда позволяет оценивать его как неэкологичное средство кроссмедийной выразительности прежде всего для радиальных, требующих произнесения вслух медиатекстов.

Эпонимизация – лингвистический процесс, в результате которого имя собственное становится именем нарицательным (*Илоны Маски*): «Эту работу просто надо продолжать, это как питательная среда, из которой обязательно родятся там будущие *Илоны Маски*», – сказал он в ходе ПМЭФ. С точки зрения русской орфографии *Илоны Маски* – пример экологичный, так как имена собственные пишутся со строчных букв. Кроме того, прием антономазии – метафорическое использование во множественном числе имени собственного с целью придания ему черт имени нарицательного – делает эпоним *Илоны Маски* стилистически обусловленным в данном контексте (*Илоны Маски* в этом контекстуальном значении – прогрессивные, развивающие мир, приближающие будущее), что экологично. С другой стороны, эпоним *Илоны Маски* указывает на процесс лексико-семантической конверсии имени собственного, на объективацию реального субъекта медиаречи, что можно оценить как средство неэкологичное. Такая амбиэкологичность указывает на то, что лексема *Илоны Маски* все еще находится в процессе эпонимизации.

Речевой шаблон, как определяет его Словарь лингвистических терминов под редакцией Г. В. Жеребило, – общеизвестный, избитый образец, трафарет, которому слепо подражают (*доброго времени суток*): *Рекомендовано отказаться от таких выражений, как «добротная команда», «ваши покорный слуга», «как с гуся вода», «доброго времени суток».* Если оценивать фразу *доброго времени суток* с точки зрения стиля, то формально так написать можно; стоящие подряд в родительном падеже две лексемы указывают на официально-деловой характер высказывания – пример экологичен. Однако его семантическая аберрация – смысловая неопределенность всего словосочетания, вызванная нарушением сочетаемости лексем *время* и *сутки*, а также искажение уже существующих шаблонов *доброго дня/вечера*, – указывают на неэкологичность этого клише.

Маркер разговорной речи указывает на то, что перед нами – устная речь в письменной форме (*как бы*): *Значительная часть как бы бесхозных земель занята садовыми участками, которые в советское время относились к имуществу совхозов и колхозов.* В данном случае частица *как бы* (именно частица, а не союз) обозначает условность высказывания, соотносясь по значению с другой разговорной частицей «будто бы». Именно эта частица, *как бы*, задает высказыванию амбиэкологичность. С одной стороны, перед нами цитата из «Парламентской газеты», ориентированной на высокий профессиональный стандарт, и потому эту цитату можно расценить как неэкологичный пример (смысловую функцию частицы *как бы* могли бы взять на себя кавычки: «бесхозных» земель). С другой стороны, частица *как бы* здесь выступает сигналом письменно оформленной разговорной речи, выполняя метатекстовую функцию и придавая тем самым всему высказыванию экологичный характер.

Мем, согласно автору термина Р. Докинзу [Dawkins 1976], – единица культурной информации, которая выполняет функцию культурной трансмиссии; культурно-языковой феномен (*окей, бумер*): *Рингтоны в 2021 году? Окей, бумер.* Большинство мемов, как и *окей, бумер*, заимствовано из английского языка. Если при этом использована транслитерация или транскрипция, то с нормативно-стилистической точки зрения мем экологичен; если варваризация – то

неэкологичен. В данном случае использована транслитерация, мем *окей, бумер* может быть признан экологичным. При анализе собственно русскоязычных мемов критерий экологичности остается тот же: соответствие нормативной грамматике русского языка.

Никнейм – псевдоним интернет-пользователя (*raxsu*): *Творческий никнейм: raxsu*. Из-за специфики интернет-общения большинство никнеймов пишется на латинице, то есть происходит варваризация русскоязычного сегмента интернета, что с нормативно-стилистической точки зрения неэкологично. Однако никнейм может писаться и на кириллице, тогда его экологичность определяется тем же самым критерием соответствия нормативной грамматике русского языка.

Негативатор, глагофикатор и аксиологический амбивалент составляют группу речевых средств, относящихся к лингвистике информационно-психологической войны. В связи с этим представляется целесообразным ввести единый критерий экологичности этих средств с нормативно-стилистической точки зрения: соответствие речевой единицы ее системным стилистическим характеристикам (высокий стиль, сниженный стиль).

Негативатор – речевое средство, выполняющее «функцию негативной оценки: политические ярлыки, инвективная лексика, террибилитизмы (средства-«страшилки»), симулятизмы (средства-«обманки»), отрицательные коннотаты неярлычного свойства и эвфемизмы» [Копнина 2021с, с. 383]. Пример «*Мы очень рады, что французская аудитория теперь сама узнает и сама увидит, какие мы “фейкометы”*» показывает, что негативатор *фейкометы* относится к лексике сниженного стиля; слово зафиксировано в Словаре современного языка MySlang.ru. Причем его словообразовательная модель указывает: производящая основа, слово *фейк*, активно осваивается носителями русского языка [Dataslov], в частности, негативатор *фейкометы* образован как сложение двух основ (англоязычной и русскоязычной) с помощью соединительной гласной; пример экологичен. Но сама словообразовательная модель, бленд, характерна для английского, а не русского языка; с учетом этого пример не вполне экологичен.

Глорификаторы – речевые средства, выполняющие функцию позитивной оценки; «лексические и фразеологические единицы с положительно-оценочной коннотацией» [Копнина 2021с, с. 392]. Пример *Вот тут открывается основное понимание, что такое многополярный мир, про который сейчас так много разговоров* показывает, что глорификатор *многополярный мир* относится к высокому стилю – словосочетание зафиксировано в Новом дипломатическом словаре [Новый дипломатический словарь 2021]; пример экологичен. Однако значение лексемы *полюс* не вполне соответствует узуальному смыслу геополитической метафоры *многополярный мир*: полюс – одна из двух воображаемых точек пересечения поверхности земли с осью ее вращения, использование его в качестве геополитической метафоры стилистически не оправдано; с учетом этого пример не вполне экологичен.

Аксиологические амбиваленты – слова или словосочетания, имеющие двойную, причем противоположную, аксиологическую коннотацию [Копнина 2021с, с. 393]. Пример *Пуристы на Ямайке и вне ее относились к успехам Марли сдержанно: ушел от корней, растерял скрепы* показывает, что аксиологический амбивалент *скрепы* может быть оценен двояко. С одной стороны, устойчивое выражение *(духовные) скрепы* относится к высокому стилю; пример экологичен. Однако словосочетание *растерял скрепы* указывает на сниженный, иронический характер современного узуального использования этого выражения. В частности, в «Толковом словаре русского языка онлайн» выражение *духовные скрепы* зафиксировано с пометой «ирон.»; с учетом этого пример не вполне экологичен.

2.3.3. Коммуникативно-прагматический аспект экологичности медиа речи

С точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта:

1. Экологичны негативатор, глорификатор, аксиологический амбивалент (общий критерий экологичности: критерий соблюдения двух основополагающих

принципов любой коммуникации – принципа Кооперации (в терминологии П. Грайса) и принципа Вежливости (в терминологии Р. Лакоффа). Каждое из этих средств выполняет строго отведенную ему коммуникативную функцию: контекстуальное приписывание ярко выраженной негативной, позитивной или амбивалентной идеологической оценки, тем самым происходит идентификация «своих» и «чужих» (Ю. М. Лотман) – соблюдается принцип Кооперации, а также соблюдается принцип Вежливости, когда субъекты медиаречи с помощью этих средств дистанцируются или, напротив, включаются в цифровую коммуникацию.

Негативатор, выполняющий функцию негативной идеологической оценки, неминуемо задействует политические ярлыки, инвективную лексику и другие, как правило, табуированные речевые средства. В контексте *«Мы очень рады, что французская аудитория теперь сама узнает и сама увидит, какие мы “фейкометы”»* негативатор *фейкометы* придает высказыванию иронический оттенок, то есть дискредитирует опосредованно цитируемого субъекта медиаречи, за счет чего происходит нейтрализация негативной идеологической оценки в исходном высказывании. В этом контексте негативатор *фейкометы* выступает не только как собственно средство выражения предельно негативной идеологической оценки, но и как речевой нейтрализатор. Поэтому с коммуникативно-прагматической точки зрения негативатор *фейкометы* экологичен.

Глорификатор как манипулятивное речевое средство информационно-психологической войны задает предельно положительную коннотацию словам и словосочетаниям. В частности, выражение *многополярный мир* в медиадискурсе знаменует собой мир открытый, демократический, основанный на плюрализме, что делает его одной из базовых ценностей западного общества: *Вот тут открывается основное понимание, что такое многополярный мир, про который сейчас так много разговоров.* Экологичность глорификатора *многополярный мир* обусловлена соблюдением принципов Кооперации и Вежливости: понятие *многополярный мир* соотносится с нулевым денотатом, но тем не менее используется в дипломатическом медиадискурсе [Новый дипломатический словарь

2021]. Однако в этом контексте на первый план выходит его коннотативное значение, связанное с предельно положительной идеологической оценкой.

Аксиологический амбивалент – речевое средство, которое наделяет лексему дополнительными коннотациями в определенном контексте (как правило, идеологически маркированным): *Пуристы на Ямайке и вне ее относились к успехам Марли сдержанно: ушел от корней, растерял скрепы. Однако они ошибались.* В этом примере аксиологический амбивалент *скрепы*, соотносимый с глаголом *растерял*, приобретает иронический оттенок значения с негативной оценкой, происходит карнавализация медиадискурса: признак языковой игры. Изначально же устойчивое выражение *(духовные) скрепы* употреблялось в метафорическом значении с положительной оценкой в текстах высокого стиля; стилистически обусловленное употребление – признак экологичности. Другими словами, в зависимости от идеологической позиции субъекта медиаречи аксиологический амбивалент может выступать средством выражения как позитивной, так и негативной оценки.

2. Неэкологичны речевой шаблон, транслит/транскрипция, аббревиатура (нарушается общий критерий экологичности: соблюдение двух основополагающих принципов любой коммуникации – принципа Кооперации (в терминологии П. Грайса) и принципа Вежливости (в терминологии Р. Лакофф).

Речевой шаблон, призванный максимально редуцировать информацию, обедняет содержательную сторону коммуникации. Например, в русском языке приветствие принято выражать, используя именительный падеж (*добрый вечер!*), а прощание – родительный (*доброго вечера!*). Фраза *доброго времени суток!* не выражает однозначного смысла, что с коммуникативно-прагматической точки зрения неэкологично, так как не соблюдается принцип Кооперации – в результате использования этого клише меняется тип коммуникации, она становится предельно формализованной, без конкретной адресации; редуцируется фатическая функция.

Транслит/транскрипция как речевое средство адаптации иноязычных слов может быть признано неэкологичным в ситуации неоправданного или избыточного использования заимствований (дублетов), а также когда малоизвестные понятия

затрудняют коммуникацию. В частности, транскрипция *фейк-ньюз* дублирует понятия «ложь», «фальшивка», «газетная утка»: *Инструменты маркирования достоверной информации в качестве ответа на проблему «фейк-ньюз»* [РБК 2022, URL:

www.trends.rbc.ru/trends/futurology/61b8ae9f9a7947c1acc1f5d1]. Нарушен вертикальный принцип коммуникативного равновесия: учет субъектами коммуникации норм общения.

Аббревиатура, сокращая слова, затрудняет коммуникацию, то есть снижает ее коммуникативный эффект; речь становится менее понятной и выразительной, что является признаками ее неэкологичности. В связи с этим аббревиатуры *ИМНО* и *АКА*, пришедшие из сленга геймеров, в русскоязычном медиатексте могут быть признаны неэкологичными из-за речевого шифта, то есть их неуместного прагматического использования: *ИМНО, единственные шансы на будущий международный статус сейчас имеют только несущие языки евросоюза АКА Французский и Немецкий* [НКРЯ]. В этом контексте наблюдается эффект макаронической речи, вызванный игровой вставкой иноязычного коммуникативного фрагмента в русскоязычный медиатекст.

3. Амбиэкологичны в зависимости от общего критерия экологичности (соблюдение двух основополагающих принципов любой коммуникации – принципа Кооперации (в терминологии П. Грайса) и принципа Вежливости (в терминологии Р. Лакоффа): хэштег, эрратив, неологизм, олбанская конструкция, каламбур, бленд, эпоним, несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, маркер разговорной речи, активный линк, мем, эмоджикон (эмодзи), никнейм, варваризм, интернет-частица, интернет-междометие, голофразис.

Хэштег как дискурсивное явление выполняет сразу несколько функций – от эмотивной до поэтической, что с коммуникативно-прагматической точки экологично. Однако в то же время хэштег задает определенный фрейм или сценарий, который может нарушать принципы и горизонтального, и вертикального коммуникативного равновесия; в этом случае хэштег становится неэкологичным. Например, лексема *книга* в качестве хэштега (*#книга*) сужает коммуникативные

рамки до предметно-понятийных: #аудиообзор #историяутвоегопорога #краеведческиеиздания #никитинка #отделкраеведениян икитинки #усадыбы #библиотека #книги [НКРЯ 2022]. Одна из речевых функций, референтивная, становится гипертрофированной – признак неэкологичности. С другой стороны, хэштег #книга параметризирует вертикальный способ коммуникативного равновесия: обозначает тему коммуникации и устанавливает ее соответствующие нормы, что является признаком экологичности.

Эрратив создает особый коммуникативный эффект, который заключается в обесценивании языковых и речевых норм, в намеренной карнавализации в первую очередь книжной лексики (*аффтар*): «Интересно, а что бы сделал **аффтар**?», – задался риторическим вопросом министр культуры, продемонстрировав недюжинное знание российской блогосферы и блестящее владение «олбанским» языком. Подобная ироническая эрративизация может приводить к девиантным речевым практикам [Пивоварчик 2021b], что неэкологично. С другой стороны, эрратив – следствие языковой игры, в данном случае *аффтар* маркирует намеренное отклонение говорящего от речевых норм (о чем свидетельствует комментарий журналиста, в частности, взятое в кавычки «олбанским»); такой пример можно считать экологичным.

Неологизм как единица речи показывает: отдельно взятое, как правило новейшее, явление действительности вошло в узус, стало общеупотребительным (*спичрайтер*): «Ивестия» в этот день вспоминают своего многолетнего политического обозревателя, а также советника Андропова, **спичрайтера** Брежнева и первого российского посла в Израиле. Таким образом, развивается и сохраняется культурная память носителя языка – признак экологичности. Неологизм может быть основан и на семантическом сдвиге, когда уже известное слово приобретает новый смысловой оттенок, что также может указывать на статус его экологичности. Например, лексема *ламповый* стала семантическим неологизмом, пополнив синонимический ряд *приятный, уютный, комфортный*: Как и песня, ролик наполнен «**ламповой**» атмосферой английской провинции из клипов 1980-х, за которые мы когда-то и полюбили всех этих исполнителей. Такое

узуально обусловленное изменение речевой нормы, с учетом подходящего контекста, является экологичным. С другой стороны, неоправданное замещение стилистически нейтрального слова *приятный* стилистически окрашенным словом *ламповый* – неэкологично.

Олбанская конструкция – разновидность интернет-сленгизма, основанного на пренебрежении к литературно правильной речи. Причем эта конструкция парадоксальным образом указывает на то, что те, кто ее используют, литературной нормой речи владеют (так как «олбанский» язык требует намеренного искажения слов и предложений): *Ну и конечно каждый из них скорее всего пейсатель!* Владение литературной нормой речи, а, следовательно, и речевая способность использовать олбанские конструкции (*пейсатель*) – признак экологичности. В то же время олбанская конструкция нарушает как вертикальное, так и горизонтальное коммуникативное равновесие – признак неэкологичности.

Каламбур – речевой прием, основанный на созвучности и многозначности слов. Вызывая комический эффект, он тем самым обесценивает прецедентные имена и факты, подрывая культурологическую основу четко обозначенного явления действительности, что неэкологично: *Современное: Гюльчатай, открой личку*. И, напротив, стилистически оправданное использование каламбура ведет к обратному коммуникативному эффекту: в данном случае *личка* вместо *личика* отображает реалии, то есть этот каламбур, помимо прочего, выполняет аксиологическую функцию, что экологично.

Бленд, с одной стороны, может выступать как риторическое средство выразительности, функционируя как эпитет, метафора и т. д.: *Интеллектуалы, выпускники Оксбриджей* (кроме американца Гиллиама, которого привез из Штатов Эрик Айdl) [Известия 2011, URL: <https://iz.ru/news/508317>]. В этом примере бленд *Оксбриджей* использован в несистемной форме множественного числа, что придает высказыванию художественную выразительность; это признак экологичности. Неэкологичность бленда *Оксбриджей* заключается в том, что он редуцирует информативную функцию медиаречи из-за использования иронии как средства языковой игры.

Эпонимизация, как и предыдущие случаи, может рассматриваться двояко. Изменение категории числа у имени собственного указывает на то, что оно приобретает (или способно приобретать) свойство нарицательности: *«Эту работу просто надо продолжать, это как питательная среда, из которой обязательно родятся там будущие Илоны Маски»*, – сказал он в ходе ПМЭФ. В связи с этим критерий экологичности эпонима зависит от грамматической семантики отдельно взятой лексемы с учетом ее дискурсивной функции: эпоним *Илоны Маски* отсылает к прецедентной персоне, которая оценивается здесь как субъект с положительной коннотацией, – признак экологичности. В то же время эпоним *Илоны Маски* приобретает семантику тиражированности из-за несоответствия норме речи – признак неэкологичности.

Несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, как и бленды, могут выступать риторическими средствами выразительности. В частности, выполнять эмфатическую функцию: *Но испуги такого рода уже прошли. Специалисты говорят – не то время. Штрафов никаких к респондентам не будет, даже если скажут переписчику неправду.* Эмфаза *испуги*, используемая журналистом в медиаречи и характерная для речи разговорной, с коммуникативно-прагматической точки зрения – экологична; заостряя внимание на несистемной форме *Pluralia tantum испуги*, субъект медиаречи придает ей тем самым иронический оттенок – решает коммуникативную задачу выделения элемента фразы. С другой стороны, подобная несистемная форма является не вполне экологичной из-за смешения разностилевых характеристик внутри одного текстового фрагмента.

Маркер разговорной речи проводит в медиатексте границу между письменной и устной речью, обозначая, какие стилевые средства допустимо и недопустимо использовать в письменной коммуникации для фиксации именно устной речи (и наоборот). Например, маркер *как бы* имитирует спонтанность, неподготовленность профессиональной медиаречи: *Значительная часть как бы бесхозных земель занята садовыми участками, которые в советское время относились к имуществу совхозов и колхозов.* Этот маркер задает горизонтальное

коммуникативное равновесие: учет равенства субъектов коммуникации – это признак экологичности. Маркер *как бы* может служить индикатором и неэкологичной коммуникации, где слова-паразиты порождают информационный шум – признак неэкологичности.

Активный линк – средство перформатизации элементов медиаречи, как правило, имен собственных и нарицательных, а также инфинитивов. Благодаря ему отдельно взятая лексема становится интерактивной, словом-действием. Критерий экологичности линка с коммуникативно-прагматической точки зрения, таким образом, зависит от цели речевого акта, его коммуникативного намерения, регламентированного социальными конвенциями. В частности, линк «*Грамота.ру*» ведет на соответствующий портал о русском языке, то есть выполняет функцию кодификации речи, что экологично: «*Грамота.ру*» – *пространство с ответами на любые вопросы об орфографии и пунктуации*. Но этот же линк может быть использован и с целью декодификации речи (например, в ироническом контексте), что неэкологично.

Мем как единица культурной информации обеспечивает узуальность главным образом периферийным языковым средствам, придавая им статус общеупотребительных. Так произошло, например, с разговорной частицей *окей* и молодежным сленгизмом *бумер*: *Рингтоны в 2021 году? Окей, бумер*. Мем *Окей, бумер*, с одной стороны, может быть признан экологичным благодаря тому, что выполняет функцию аккультурации, заданной одной из четырех стратегий этого процесса, сепарацией, которая активно используется и в литературной речи [Осьминина 2014]. В этом примере мем *Окей, бумер* разграничивает ценности молодого поколения и ценности старшего поколения. С другой стороны, это же отделение может стать маркером конфликтогенной коммуникации – признак неэкологичности.

Эмотикон (эмодзи) как невербальное средство коммуникации восполняет экспрессивный, в том числе жестовый, недостаток письменной формы речи: *Дайте-ка угадаю 😊* В данном случае эмодзи 😊 указывает на неформальную коммуникацию, на некую ироничность, что придает фразе эмоциональную

живость. Стилистически оправданное использование эмодикона – признак экологичности. В то же время разговорная частица *-ка* и без эмодикона делает фразу ироничной. Коммуникативно неоправданное использование эмодикона, в частности, в качестве невербального повтора (аналог лексического повтора), – признак неэкологичности⁴.

Никнейм, выполняя функцию псевдонима в интернет-коммуникации, служит идентификатором субъекта медиаречи: *Творческий никнейм: raxsu*. Экологичность никнейма с коммуникативно-прагматической точки зрения обусловлена его номинативной функцией. Неэкологичность – тем, что никнейм не всегда указывает на реального субъекта медиаречи. Это видно на примере никнейма *raxsu*: субъект назван, однако его коммуникативные характеристики определить невозможно.

Варваризм, маркируя не характерные для русской лингвокультуры явления, с коммуникативно-прагматической точки зрения выполняет функцию культурной трансмиссии: *Ученые занимаются разработкой методов определения fake news*. Варваризм *fake news* отсылает к англоязычному медиадискурсу, сопряженному с конфликтогенными ситуациями, в частности, к дискурсу информационно-психологических войн, что неэкологично. С другой стороны, варваризм *fake news* прошел стадию кодификации, закрепившись в русском языке с помощью транскрипции, что экологично. То есть статус экологичности варваризма зависит от того, какую именно ценность заключает та или иная, еще не адаптированная к русскому языку иноязычная лексема и какие дискурсивные связи она имеет.

Интернет-частица, как и обычная частица, с коммуникативно-прагматической точки зрения выполняет несколько функций, одна из важнейших – функция текстовой скрепы (дискурсивной связки): *«Нуок, лол», – говорит Билл Гейтс и распускает всех с пресс-конференции, о которой узнал пару минут назад*. Интернет-частица *нуок* отсылает к прецедентным коммуникативным ситуациям, замещая собой целый корпус тематических высказываний; краткость и

⁴ Ср. использование эмодикона, не выражающего эмоции, в качестве финального знака препинания в высказываниях в современных мессенджерах, и нормы «нетикета», возникающие в связи с этим явлением [Карпухина 2021].

выразительность речи – признак экологичности. Но использование сниженного стиля в медиатексте об официально-деловом мероприятии, маркированное интернет-частицами, – признак неэкологичности.

Интернет-междометие, как и обычное междометие, с коммуникативно-прагматической точки зрения выполняет несколько функций, одна из важнейших – экспрессивная: ***Кек**, она если и упала, то за счёт международных компаний, а не рядовых Ванек-пиратов.* Интернет-междометие *кек*, выражающее смешок на языке геймеров, придает медиатексту язвительный характер, то есть выполняет функцию экспрессии – что экологично. Неэкологичность интернет-междометий заключается в том, что эти слова, как правило, основаны на нулевой номинации [Шацкая 2008], а, следовательно, их можно заменить обычными междометиями, более осмысленными и выразительными; в случае с *кек*, например, *ну да*.

Голофразис, объединяя несколько слов в одно, экономит языковые усилия [Ковынева 2017]: ***Ясчитаю** что любящий человек поймет и примет эти мои пункты, не подлежащие обсуждению, как данность.* Другими словами, он делает речь более емкой (*ясчитаю*) – признак экологичности. Однако использование голофразиса может приводить не только к коммуникативной редукции, но и к коммуникативному сбою, когда речь становится неразборчивой или вовсе бессмысленной (что позволяет соотнести его с глоссолалией).

Выводы по Главе 2

В Главе 2 рассмотрен медиалект и результаты его функционирования в медиасреде, в частности, в мультимедийных проектах современных СМИ. Проведен обзор ключевых отечественных и зарубежных исследований в области лингвоэкологии. Представлена разработанная структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи, выявлены критерии экологичности анализируемых средств в двух аспектах: нормативно-стилистическом и коммуникативно-прагматическом.

В зарубежной лингвистике институализация лингвоэкологии началась с Э. Хаугена. Он ввел это понятие, рассматривая язык в качестве инструментального кода и языковой среды, где этот код используется. В настоящее время развиваются как минимум три основных направления эколингвистики: экология языка, экологическая лингвистика, лингвоэкология. Отечественная лингвоэкология наследует антропоцентрической традиции в языкознании, совмещая черты идеалистической и материалистической лингвистической концепций.

Функционирование средств кроссмедийной выразительности медиаречи в первую очередь зависит от самого медиа, то есть канала трансляции. Эти средства входят в объем понятия медиалекта, выступая планом его выражения. План их содержания зависит от стилеобразующей категории автора медиатекста. Другими словами, средства кроссмедийной выразительности медиаречи – продукт речемыслительной деятельности пользователей сети Интернет, то есть языковой личности среднестатистического носителя языка, ориентированной на массовую коммуникацию. Это позволяет зафиксировать стилистические тенденции не в литературе, а в медиа, то есть описать специфику медиалекта, а также наметить вызванные меной коммуникативных ролей *homo interneticus* – *homo confusus* лингвоэкологические факторы риска.

Все средства кроссмедийной выразительности медиаречи можно разделить на три группы. Первая группа средств, структурно-семантическая, связана с лингвотоксическими явлениями в том смысле, что эти средства – результат

немотивированного появления в медиасреде экспрессивных языковых (параязыковых) единиц. Токсичность им придает то, что органически чуждые фонетическому, морфемному или лексическому строю русского языка единицы начинают претендовать на узуальный статус. В группу структурно-семантических средств входят хэштег, эрратив, неологизм, олбанская конструкция, каламбур, бленд, эпоним, несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, речевой шаблон, маркер разговорной речи, активный линк, мем, эмотикон, никнейм, варваризм. Вторая группа средств, структурная, связана с лингвоастеническими явлениями. Неэкологичность им придает то, что каждое из этих средств заменяет книжную лексику эрзац-словами, усложняя или упрощая ее морфемный состав или синтаксический порядок. В группу структурных средств входят транслит/транскрипция, аббревиатура, интернет-частица, интернет-междометие, голофразис. Третья группа средств, семантическая, связана с лингвоперверсивными явлениями. Лингвоперверсивы как языковые (параязыковые) средства информационно-психологической войны (А. П. Сквородников, Г. А. Копнина) изначально являются манипулятивами, то есть средствами выразительности медиаречи с амбиэкологичной семантикой с нормативно-стилистической точки зрения. Однако, учитывая то, что каждое из этих средств функционально, все они выполняют отведенные им коммуникативно-прагматические функции – в этом смысле они экологичны. В группу семантических средств входят негативатор, глорификатор, аксиологический амбивалент.

Общим нормативно-стилистическим критерием экологичности медиаречи предложено избрать критерий соблюдения норм правописания/произношения или стилистических норм. С точки зрения нормативно-стилистического критерия экологичны транслит/транскрипция, аббревиатура. Неэкологичны хэштег, эрратив, олбанская конструкция, несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, активный линк, эмотикон (эмодзи), варваризм, интернет-частица, интернет-междометие, голофразис. Амбиэкологичны неологизм, каламбур, бленд, эпоним,

речевой шаблон, маркер разговорной речи, мем, никнейм, негативатор, глорификатор, аксиологический амбивалент.

Общим коммуникативно-прагматическим критерием экологичности медиаречи предложено избрать критерий соблюдения двух основополагающих принципов любой коммуникации – принципа Кооперации (в терминологии П. Грайса) и принципа Вежливости (в терминологии Р. Лакофф). И в нормативно-стилистическом, и в коммуникативно-прагматическом аспекте экологичности медиаречи обязателен учет ее коммуникативного контекста. С точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта экологичны негативатор, глорификатор, аксиологический амбивалент. Неэкологичны речевой шаблон, транслит/транскрипция, аббревиатура. Амбиэкологичны хэштег, эрратив, неологизм, олбанская конструкция, каламбур, бленд, эпоним, несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, маркер разговорной речи, активный линк, мем, эмодикон (эмодзи), никнейм, варваризм, интернет-частица, интернет-междометие, голофразис.

ГЛАВА 3. ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ПРОЕКТОВ

3.1. Цифровой диалог и сценарии конвергентности.

Лингвоэкологический потенциал медиавысказывания

Цифровой диалог осуществляется посредством трех конвергентных сценариев: мультимедийного, кроссмедийного, трансмедийного. В каждом из этих сценариев адресант *homo interneticus* становится адресатом *homo confusus* – и наоборот, так как диалогичность предполагает мену коммуникативных ролей. В результате этой мены ролей происходит конструирование уже не столько лингвистической реальности, когда меняется семиотический код культуры [Карпухина 2013], сколько медиареальности, когда меняются онтологические основания среды бытования медиалекта – медиасреды, где главную роль начинает играть медиаобраз. Образы, замечает А. А. Кириллов, собирают медиаландшафт. «Медиаландшафт, в котором природа предстает не как пример утраты некоей исторической формы действительности, но как ее новое качество и новая онтология» [Кириллов 2017, с. 78].

Учитывая тот факт, что именно медиаобраз как форма существования массового сознания в медиакommunikации (Т. Н. Галинская) формирует медиалект, который затем функционирует в медиатексте, уместно рассмотреть основную, вызванную перераспределением ролей и функций субъектов медиаречи лингвоэкологическую проблематику. Она заключается в способности субъектов медиаречи влиять на лингвоэкологический потенциал медиавысказывания: менять показатель экологичности/неэкологичности коммуникативного фрагмента, меняя тем самым лингвоэкологический статус медиасреды – показатель экологичности/неэкологичности отдельного взятого участка цифровой коммуникации, сопряженный с лингвоэкологическими факторами риска.

Предлагается следующий алгоритм лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта:

1. Выделить коммуникативный фрагмент медиаречи: предложение, абзац, текст.

2. Отметить требующие лингвоэкологической оценки элементы медиалекта.

3. Определить аспект лингвоэкологической оценки: нормативно-стилистический и/или коммуникативно-прагматический.

4. В случае с нормативно-стилистическим аспектом необходимо с помощью словарей установить языковую узуальность диагностируемых элементов медиалекта, учитывая их структурно-семантическую функциональность (см. Таблицу № 1. Структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи в лингвоэкологическом ключе). Общий критерий экологичности: соблюдение норм правописания/произношения или стилистических норм.

5. Если в нормативно-стилистическом аспекте элемент медиалекта экологичен, то перейти к следующему элементу медиалекта. Если неэкологичен или амбивалентен, тогда необходимо спрогнозировать вызываемый им языковой негативный эффект, который может влиять на лингвоэкологический потенциал медиавысказывания. Среди возможных негативных языковых эффектов: институализация антинормы, семантическая аберрация, нарушение языковой узуальности, лексико-семантическая конверсия.

6. В случае с коммуникативно-прагматическим аспектом необходимо с помощью контекста установить стилевую (речевую) узуальность диагностируемых элементов медиалекта, учитывая их структурно-семантическую функциональность (см. Таблицу № 1. Структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи в лингвоэкологическом ключе). Общий критерий экологичности: соблюдение принципа Кооперации (в терминологии П. Грайса) и принципа Вежливости (в терминологии Р. Лакоффа).

7. Если в коммуникативно-прагматическом аспекте элемент медиалекта экологичен, то перейти к следующему элементу медиалекта. Если неэкологичен

или амбиэкологичен, тогда необходимо спрогнозировать вызываемый им речевой негативный эффект, который может влиять на лингвоэкологический потенциал медиавысказывания. Среди возможных негативных речевых эффектов: деперсонализация коммуникации, конфликтогенность коммуникации, увеличение информационного шума, доминирование прагматической функции общения в ущерб остальным, коммуникативная редукция.

8. Выявить функции диагностируемых элементов медиалекта в медиатексте, то есть речевые стратегии:

- адаптация/форенизация (бленд, варваризм, неологизм, транслит/транскрипция);
- идеологическая оценка (аксиологический амбивалент, глаорификатор, негативатор);
- оповещение (активный линк, маркер разговорной речи, хэштег);
- языковая игра (голофразис, интернет-междометие, интернет-частица, каламбур, мем, несистемные формы Pluralia tantum/Singularia tantum, никнейм, олбанская конструкция, эмодикон, эпоним, эрратив);
- языковая/речевая редукция (аббревиатура, речевой шаблон – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив (экономия языковых усилий).

9. Определить сценарии конвергентности, реализуемые с помощью этих речевых стратегий: мультимедийный, кроссмедийный, трансмедийный.

10. Сделать заключение по итогам лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта.

В качестве примера использования алгоритма лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта обратимся к медиапроекту «“Я этого не говорил!” – знаете ли вы авторов известных цитат» [Theory&Practice. – URL: <https://theoryandpractice.ru/questionnaires/znaete-li-vy-avtorov-izvestnuh-zitat>].

1. Выделяем коммуникативный фрагмент медиаречи (иконический знак, слово, словосочетание, предложение, абзац, текст):

- а) иконические знаки (иллюстрации, обложки книг):

Рис. № 1. Иконический знак.

Проект «“Я этого не говорил!” – знаете ли вы авторов известных цитат»

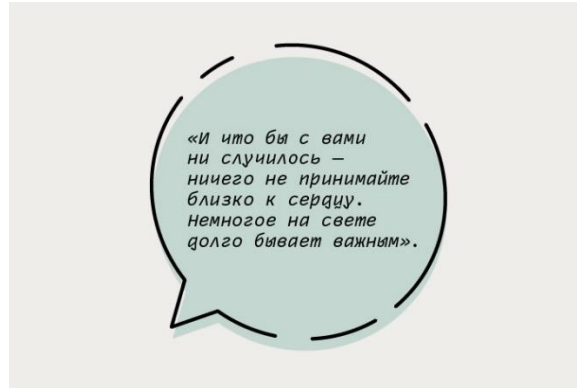

Рис. № 2. Иконический знак.

Проект «“Я этого не говорил!” – знаете ли вы авторов известных цитат»

- б) слово: *#правда, #фейк, #Бор Стенвик*;
- в) словосочетание: *два простых шага проверить, «Все мы врем», «Смотрите также»*;
- г) предложение: *Давайте проверим, знаете ли вы, кому на самом деле принадлежат популярные фразы; Куда важнее тот факт, кто поделился новостью, нежели то, «какая газета ее написала»*;

д) абзац: *О, это чувство, когда в словах автора или знаменитости нам откликаются наши собственные мысли. Многочисленные цитатные паблики зарабатывают на этом чувстве многомиллионную аудиторию, но как часто они используют настоящие цитаты известных людей?*

2. Отмечаем требующие лингвоэкологической оценки элементы медиалекта: Рис. № 1, Рис. № 2, *#правда, #фейк, #Бор Стенвик, Два простых шага проверить, «Все мы врем», «Смотрите также», Давайте проверим, знаете ли вы, кому на самом деле принадлежат популярные фразы, цитатные паблики, зарабатывают многомиллионную аудиторию, настоящие цитаты; Давайте проверим, знаете ли вы, кому на самом деле принадлежат популярные фразы.*

3. Определяем аспект лингвоэкологической оценки: нормативно-стилистический и коммуникативно-прагматический.

4. В случае с нормативно-стилистическим аспектом лингвоэкологической оценки устанавливаем языковую узуальность диагностируемых элементов медиалекта, учитывая их структурно-семантическую функциональность:

Рис. № 1, Рис. № 2 не могут быть оценены с нормативно-стилистической точки зрения.

Хэштеги *#правда, #фейк, #Бор Стенвик* – неэкологичны из-за несоблюдения норм правописания на русском языке (добавление графического знака # в начале слова), хотя лексемы *правда* и *фейк* обладают языковой узуальностью, то есть зафиксированы в Русском орфографическом словаре [Русский орфографический словарь 2023].

Активные ссылки *Два простых шага проверить, «Все мы врем», «Смотрите также»* – неэкологичны из-за несоблюдения норм правописания на русском языке (подчеркивание каждого слова), хотя обозначенные лексемы обладают языковой узуальностью, то есть зафиксированы в Русском орфографическом словаре [Русский орфографический словарь 2023].

Неологизм (*цитатные*) *паблики* – амбиэкологичен. Словарь трудностей русского языка фиксирует эту лексему в коллокации *паблик-рилейшенз* [Словарь

трудностей русского языка для работников СМИ 2016], что свидетельствует о формирующейся языковой узуальности этого слова.

5. Если в нормативно-стилистическом аспекте лингвоэкологической оценки элемент медиалекта экологичен, то переходим к следующему элементу медиалекта (те элементы, которые не проанализированы выше, – экологичны). Если элемент медиалекта неэкологичен или амбивалентен, тогда прогнозируем вызываемый им языковой негативный эффект, который может влиять на лингвоэкологический потенциал медиавысказывания:

Использование хэштегов *#правда*, *#фейк*, *#Бор Стенвик* и активных линков *Два простых шага проверить*, *«Все мы врем»*, *«Смотрите также»* может привести к нарушению языковой узуальности этих элементов медиалекта.

Использование неологизма (*цитатные*) *павлики* в такой коллокации (прилагательное + существительное) может привести к семантической аберрации.

6. В случае с коммуникативно-прагматическим аспектом лингвоэкологической оценки устанавливаем стилевую (речевую) узуальность диагностируемых элементов медиалекта, учитывая их структурно-семантическую функциональность:

В коммуникативно-прагматическом аспекте лингвоэкологический анализ иконических элементов медиатекста может быть связан с коммуникативно-прагматической нормой (Е. Е. Анисимова). Эта норма регламентирует создание медиатекста «посредством установления языковых и неязыковых правил построения текстов в определенной типовой ситуации с определенной интенцией для достижения оптимального прагматического воздействия на адресата» [Анисимова 2003, с. 9]. Перечислим ее основные параметры: 1) использование/неиспользование визуальных средств; 2) соотношение вербальных и невербальных средств. Именно они придают медиатексту определенный характер визуализации: креолизованный или конвергентный (поликодовый). Креолизованная форма состоит из вербального и иконического кодов (текст + графика), она может быть полной, частичной, нулевой. Конвергентная форма наделяет все коды равным статусом. Рис. № 1, Рис. № 2 с точки зрения

коммуникативно-прагматического критерия экологичны, так как их частичная креолизация обусловлена природой медиатекста: креолизация авторской идеи осуществляется благодаря коллажности текста. Кроме того, экологичность иконических элементов медиатекста может быть связана и с категорией медиаэстетики, зависимой от конкретной философской парадигмы. Так, при анализе постмодернистских медиатекстов целесообразно обращаться к эстетическим критериям постмодерна. Такая аналогия, на наш взгляд, показывает эстетическую релятивность медиатекста: экологично то, что прекрасно, неэкологично то, что безобразно согласно гносеологическим нормам каждой эпохи.

Хэштеги *#правда*, *#фейк*, *#Бор Стенвик* – амбиэкологичны. Они выполняют сразу несколько коммуникативных функций, что является показателем сбалансированной, или экологичной, коммуникации. В частности, референтивную функцию, соотнося предмет медиаречи с объектами реальной действительности или с представлениями об этих объектах; побудительную, рассчитанную на интерактивное взаимодействие с медиатекстом; информативную, в результате которой эмфатически представлены ключевые, задающие тему медиаречи слова. Не вполне экологичным представляется то, что эти хэштеги выполняют функцию коммуникативного фильтра, существенно редуцирующего текстовую информацию.

Активные ссылки *Два простых шага проверить, «Все мы врём», «Смотрите также»* – амбиэкологичны. С одной стороны, они позволяют адресату медиаречи продолжить цифровую коммуникацию, перейдя к смежным тематическим медиатекстам: соблюдается принцип Вежливости, в первую очередь возможность выбрать, как именно будет развиваться цифровой диалог. С другой стороны, они не вполне экологичны из-за неполного соблюдения принципа Кооперации: в результате этого перехода нарушается максима релевантности информации, предписывающая запрет ухода от главной темы разговора.

Неологизм (*цитатные*) *павлики* – амбиэкологичен. Его экологичность обусловлена тем, что данный неологизм стилистически уместен в посвященном

медиаграмотности коммуникативном фрагменте медиаречи, то есть он имеет черты речевой узуальности (об этом, помимо прочего, свидетельствует и тот факт, что теперь это именно неологизм, который прошел стадии написания латиницей (варваризм) и транскрибирования). Однако его речевая характеристика может не соответствовать максиме ясности, то есть стать причиной нарушения принципа Кооперации, что не вполне экологично.

Отдельного анализа требует предложение *Давайте проверим, знаете ли вы, кому на самом деле принадлежат популярные фразы* как один из коммуникативных макрофрагментов, выходящий за рамки структурно-семантической классификации средств кроссмедийной выразительности медиаречи. Слово сочетание *давайте проверим* выполняет здесь манипулятивную функцию перформатива, реализующую тактику давления адресатом. Т. Л. Каминская уточняет: «Заметив, что учет адресата и его “модель” при создании текста составляет одно из важнейших условий воздействия, Н. Д. Арутюнова, вероятно, не предполагала возможности такого давления адресатом, которое сегодня составляет едва ли не основу современной массовой коммуникации» [Каминская 2020, с. 109]. Эта тактика приводит к тому, что качество медиатекста оценивается формально, то есть согласно метрикам, а не содержательно: происходит коммуникативная перверсия. Непрофессиональный адресат инициирует непрофессиональный диалог, в который вступают непрофессиональные адресанты. Как результат: к диалогу подключаются профессиональные коммуниканты, в частности, журналисты, которые с помощью инициирования альтернативного разговора на ту же самую тему пытаются достичь коммуникативного равновесия. Так реализуется лингвоэкологический потенциал медиавысказывания: непрофессиональная тема-стимул превращается в профессиональный ответ-реакцию, что приводит к гармонизации медиасреды.

7. Если в коммуникативно-прагматическом аспекте лингвоэкологической оценки элемент медиалекта экологичен, то переходим к следующему элементу медиалекта (те элементы, которые не проанализированы выше, – экологичны). Если элемент медиалекта неэкологичен или амбиэкологичен, тогда прогнозируем

вызываемый им речевой негативный эффект, который может влиять на лингвоэкологический потенциал медиавысказывания.

Использование хэштегов *#правда*, *#фейк*, *#Бор Стенвик* и активных линков *Два простых шага проверить*, *«Все мы врем»*, *«Смотрите также»* может привести к доминированию прагматической функции общения в ущерб остальным и, как следствие, к коммуникативной редукции.

Использование неологизма (*цитатные*) *паблики* может привести к увеличению информационного шума.

8. Выявить функции диагностируемых элементов медиалекта в медиатексте, то есть речевые стратегии:

- адаптация/форенизация (бленд, варваризм, неологизм, транслит/транскрипция);
- идеологическая оценка (аксиологический амбивалент, глаорификатор, негативатор);
- оповещение (активный линк, маркер разговорной речи, хэштег);
- языковая игра (голофразис, интернет-междометие, интернет-частица, каламбур, мем, несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, никнейм, олбанская конструкция, эмотикон, эпоним, эрратив).

Хэштеги *#правда*, *#фейк*, *#Бор Стенвик* и активные линки *Два простых шага проверить*, *«Все мы врем»*, *«Смотрите также»* выполняют функцию оповещения.

Неологизм (*цитатные*) *паблики* выполняет функцию адаптации.

9. Определить сценарии конвергентности, реализуемые с помощью этих речевых стратегий: мультимедийный, кроссмедийный, трансмедийный.

Хэштеги *#правда*, *#фейк*, *#Бор Стенвик* – мультимедийное средство, обеспечивающее тематический кроссмедийный переход (кроссмедийность) внутри одного канала трансляции. С их помощью адресат медиаречи устанавливает коммуникативный фильтр для всех медиатекстов сайта www.theoryandpractice.ru. В частности, активация хэштега *#правда* приводит к следующим поисковым результатам: *Мишель Фуко: запрет на сексуальность как устойчивая черта культуры*, *Правда и мифы об изменении климата*, *Сколько правды в интернете?*,

Кто выиграл тур на Камчатку?, Как не верить фейк-ньюз в социальных сетях, ПРАВДА или ЛОЖЬ.

Активные линки *Два простых шага проверить, «Все мы врем», «Смотрите также»* – мультимедийное средство, обеспечивающее тематический кроссмедийный переход как внутри одной медиасистемы, так и между различными медиасистемами. С их помощью адресат медиаречи продолжает цифровую коммуникацию.

Неологизм (*цитатные*) *наблики* – собственно лингвистическое средство, обеспечивающее трансмедийный интерактив: адаптацию новых понятий и категорий к принимающему, в частности к русскому, языку.

10. Сделать заключение по итогам лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта.

Мультимедийный проект «“Я этого не говорил!” – знаете ли вы авторов известных цитат» может быть признан экологичным как в нормативно-стилистическом, так и в коммуникативно-прагматическом аспекте с учетом отдельных, не вполне экологичных элементов медиалекта: хэштегов *#правда, #фейк, #Бор Стенвик*, активных линков *Два простых шага проверить, «Все мы врем», «Смотрите также»*, неологизма (*цитатные*) *наблики*. Мультимедийность медиапроекта заключается в наложении цитат на иллюстрации. Кроссмедийность реализуется за счет кнопок шеринга, опций *пройти еще раз/поделиться результатом*, подборки тематических материалов *Как не верить фейкньюз в социальных сетях* [Шаповалова] и *Люди любят истории больше фактов* [Borisenko], а также за счет возможности выбрать сценарий развития цифрового диалога с помощью выполняющих функцию оповещения элементов медиалекта: или дидактический, посвященный основам фактчекинга, или гедонистический, где норвежский писатель дает интервью по теме фейкньюз. Трансмедийность этого медиапроекта заключается в изменении жанровых и форматных рамок: тест основан на соответствующих печатных книгах, которые в медиасреде значительно изменились. Манипулятивная тактика давления адресатом, не являющаяся экологичной с коммуникативно-прагматической точки зрения, парадоксальным

образом гармонизирует данный цифровой диалог, вследствие чего весь медиапроект может быть признан экологичным.

Таким способом могут быть диагностированы на степень экологичности все мультимедийные проекты. Однако, учитывая тот факт, что алгоритм лингвоэкологической диагностики мультимедийных проектов в первую очередь направлен на микроанализ цифровой коммуникации – выявление и описание отдельных элементов медиалекта, необходимо рассмотреть и лингвоэкологическую проблематику, связанную с макроуровнем цифровой коммуникации. Цифровая коммуникация, как и коммуникация вообще, в конечном итоге сводится к двум речевым макростратегиям: контролю и прогнозированию. Как подчеркивает О. С. Иссерс, «речевое планирование непосредственно связано с контролем за осуществлением плана. Понятие контроля (власти, power) и языковых средств его осуществления является ключевым в теории речевого воздействия. Контроль за семантическими выводами является частью интерпретации, лежащей в основе речевого воздействия» [Иссерс 2008, с. 99]. Применительно к лингвоэкологической диагностике цифровой коммуникации можно сказать, что контроль связан с нормативно-стилистическим аспектом экологичности медиаречи, прогнозирование – с коммуникативно-прагматическим аспектом экологичности медиаречи.

3.2. Макростратегия контроля цифровой коммуникации: аксиологические критерии экологичности медиаречи

Макростратегия контроля цифровой коммуникации, связанная с нормативно-стилистическим аспектом ее экологичности, дает возможность установить аксиологические критерии экологичности медиаречи. При этом нормативность имеет относительный характер, так как, по замечанию Ю. С. Степанова, главное коммуникативное свойство русской речи заключается в том, что она должна «“Не быть вполне нормативным и не быть неправильным” – в этом диапазоне между

нормативностью и неправильностью протекает свободное творчество новых форм русской речи» [Степанов 1997, с. 718]. Поэтому основными аксиологическими критериями экологичности медиаречи предлагается избрать информативность, этичность и эстетичность. Первый и второй критерии относятся к содержательной стороне прескриптивности коммуникации, третий критерий – к ее формальной стороне. Как уточняет А. П. Сковородников, «если принять вышеозначенное определение красоты применительно к единицам языка / речи, то следует также признать важность соответствия этих единиц нормам морали. В противном случае возникает коллизия, конфликт формальной красоты и безобразного содержания» [Экология русского языка 2017, с. 97]. Язык при этом вписан в «модальную рамку» [Апресян 1995, с. 66–69], которая регулирует оценочность цифровой коммуникации; он рассматривается в качестве объекта экологии, существующего в определенной «социокультурной среде (как язык инкорпорируется в культурные практики сообщества, меняя их или меняясь сам, под их воздействием)» [Колмогорова 2021b, с. 185].

Нормативный лингвоэкологический характер медиаречи показателен, на наш взгляд, в случае мультимедийных проектов научно-просветительского издания «Арзамас»: «Перемотка», «“Укушетка” или “путимец”»: понимаете ли вы Лескова?», «Идеальный телевизор», «Эдельвейс или папоротник?». Экологичность рассматриваемых медиапроектов вызвана прежде всего их «межсемиотическим переводом: стилистически обусловленной имитацией аналоговой культуры на цифровой мультимедийной базе, а также ориентацией этих медиапроектов на высокие духовные ценности» [Шабалин 2022с], то есть соблюдением прежде всего эстетического критерия экологичности медиаречи.

Мультимедийный проект «Перемотка» посвящен фонетическому аспекту функционирования русского языка в медиасреде. Его субъекты медиаречи – люди со всей России, владеющие не только литературной нормой, но и диалектами, а также их местными разновидностями, то есть говорами. В «Перемотке» звучит самобытная рязанская, пермская и другая речь, что свидетельствует о выполнении субъектами медиаречи аккумулятивной языковой функции. Это особенно важно,

учитывая, что исчезновение языков, в том числе их разновидностей, – глобальная, связанная с языковой политикой проблема (по данным Института языкознания РАН на 2021 год, на территории Российской Федерации использовалось 277 языков и диалектов⁵). Кроме того, интонирование медиаречи, в том числе ее естественная паузация, решает отчасти другую макролингвоэкологическую проблему, вызванную информационной насыщенностью медиадискурса: речевую избыточность, которая напрямую связана с эстетической ценностью молчания. «В отличие от героев прошлого века, современный массмедийный человек растерял эстетическую ценность *молчания*» [Клушина 2021, с. 129].

В мультимедийном проекте «“Укушетка” или “путимец”: понимаете ли вы Лескова?» экологичность медиаречи обусловлена лексическим аспектом функционирования русского языка в медиасреде. С помощью актуализации устаревших и/или окказиональных языковых единиц *Аболон полведерский* (*Аполлон Бельведерский*), *Наташки* (*татарские жены*), *путимец* (*хозяин постоянного двора*), *взьефантулить* (*наказать*), *плакон* (*флакон*), *обезлиственный* (*без листьев*), *разлюляй* (*кутила*) тест способствует предотвращению лексико-экологической эрозии, то есть решает проблему выпадения из речевого узуса отдельных лексических единиц.

Экологичность медиаречи в мультимедийном проекте «Идеальный телевизор» объяснима тем, что субъекты медиаречи здесь – *Иван Бунин*, *Владимир Высоцкий*, *Александр Зиновьев*, то есть носители литературно-разговорного типа речевой культуры, тяготеющего к элитарному. Концептуализация названия проекта (нейтральное «телевизор» вместо разговорного «телик») решает проблему «адекватности использования языка в конкретных условиях его функционирования» [Экология русского языка, с. 107], или проблему, связанную с этикой речевого поведения.

В мультимедийном проекте «Эдельвейс или папоротник?» экологичность медиаречи обусловлена поэтической функцией языка. Ее субъекты, используя

⁵ Минобрнауки РФ. 277 языков и диалектов используют народы России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/29672/> (дата обращения 30.06.2023).

прием креолизации медиатекста, иконизируют его метафоричное содержание, чтобы с неожиданного ракурса показать творчество русских классиков. Стихотворение *Гиппиус* соотнесено с картиной «*Арумы*» Поля Сезара Эллё, Брюсова – с «*Аллеей криптомерий*» Хироси Ёсиды, Анненского – с «*Вазами с розами*» Пьера-Огюста Ренуара, Фета – с «*Корзиной с рододендронами*» Карла Шуха. Таким образом решается лингвоэстетическая проблема формально-содержательной красоты медиаречи [Экология русского языка, с. 96], заключающаяся в требовании ее ритмичности, мелодичности, благозвучия.

Еще один экологически показательный пример: материал «Звезды и “звезды”» из «Литературной газеты». Аксиологическая ось этого медиатекста состоит из таких понятий, как *свобода, творчество, экзистенция, талант, одухотворенность* – с одной стороны, и *гнет, рутина, отсутствие, бездарность, мещанство* – с другой стороны. Такая аксиологически выверенная оппозиция дает возможность заострить внимание на ключевых для русского человека ценностях: любовь к подлинно народному искусству и нелюбовь к гламуру и пошлости (*Высоцкий... не стал бы Высоцким, если бы не пробивал лбом стену непонимания; без любви... самые дерзкие инвективы оказываются лишь искрами; вязкий, чавкающий бред подобного гламура; всемогущая пошлость*). Эти и другие примеры говорят о гуманистическом характере медиатекста, стремлении адресанта указать адресату на вульгаризацию лексикона личности как таковой. Приводятся размышления о том, что есть *судьба* (*Судьба же – это противостояние...*), *воля* (*По силам ли настоящему новому барду пробиться... сквозь бред подобного гламура?*), *свобода* (*Разложение, понижение уровня мастерства, исполнительства, таланта губельнее для творчества, чем грубый запрет*). Кроме того, здесь же актуализированы концепты «*популярность*» (*Хотя звезда – это символ некоего особого высшего качества*), «*соборность*» (*...которому важна была не связь с бомондом, а со своим народом. Которому было важно перед ним исповедаться...*), «*боль*» (*...если бы не пробивал лбом стену непонимания, неприятия, эстетического пренебрежения*), «*любовь*» (*...любое противостояние, как и любое обличение, начинается с любви*), «*забвение*» (*...непрерывно гаснущими*

на ветрах времени). Индивидуально-авторское понимание действительности отображено с помощью ключевых для русского культурного пространства концептов: душа, грех, свобода, воля, судьба и др. [Красных 2003]. Причем смысловая конфигурация «популярность – судьба – боль – любовь – забвение» позволяет автору четко расставить ценностные акценты. В связи с этим медиатекст с позиций лингвоэкологии можно оценить как экологичный.

Пример неэкологичности медиаречи с точки зрения аксиологических критериев – мультимедийный проект «Вера Полозкова или Анна Ахматова: почувствуете разницу?» РБК. Его неэкологичность, вызванная эстетически сниженной языковой игрой, объяснима проблематикой бытования языка в условиях постмодернизма. Достигнув четвертой фазы – фазы цифромодернизма, постмодернизм, согласно Н. Б. Маньковской, «накладывает на основные эстетические категории печать оксюморона: гармония мыслится лишь как дисгармоничная, симметрия – как асимметричная, пропорции – диспропорциональные и т. д. Красота диссонансов как постмодернистская эстетическая норма, соответствующая плюрализму вкусов и культур, способствует самоутверждению художественного фристайла как основного содержательного и формообразующего признака данного этапа... Современная, четвёртая фаза эволюции постмодернизма – «цифровой постмодернизм» XXI в. – готовит почву для нового этапа в развитии эстетической теории и художественной практики – *виртуалистики* и постепенно уступает ей место» [Маньковская 2018, с. 197]. В одном из наших исследований показано, что «две оси цифромодернизма, реальное время и киберпространство, задают иное – мультимодальное измерение текста. Это означает крах не только глобальной связности и пересмотр целостности отдельно взятого текста [Валгина 2003] во имя всеобщего нарратива, но также слияние фактов и фантазмов, их оцифровку, что приводит к неэкологичности цифровой коммуникации» [Шабалин 2021b]. В рассматриваемом мультимедийном проекте субъекты медиаречи деконструируют поэтический язык, противопоставляя Полозкову Ахматовой. Цитаты из стихотворений Веры Полозковой «Блики тишины», «Лето в городе, пыль столбом», «Мне снится, что мы любовники»,

«Гляди на море впрок», «Dream Mail» перемежаются ахматовскими стихотворениями «А я говорю, вероятно, за многих», «За озером луна остановилась», «Сон», «Утешение». Выбранный мультимедийный сценарий конвергенции, тест, стирает границу между массовой и элитарной культурой, а также обесценивает этико-речевые нормы, карнавализуя сакральную тему смерти: *Пятого марта поэтессе Вере Полозковой исполнилось 35 лет. Этот же день – 55-я годовщина смерти Анны Ахматовой. Мы решили объединить писательниц в один тест.* «Критический анализ цифромодернизма наводит на мысль о некой ущербности его философско-эстетической основы. Порождая симулякры, он вытесняет подлинные образцы культуры, упрощает и духовно обесценивает ее, обесценивая тем самым язык. Как заметил автор теста, комментируя один из ответов, Ахматова плакала иначе: *То плач струился серебристый, А я, закрыв лицо мое, Как перед вечною разлукой, Лежала и ждала ее, Еще не названную мукой*» [Шабалин 2021b].

Другой пример неэкологичной медиаречи связан с изданием Lenta.ru, который обесценивает лингвоэкологические нормы, постулируя «аксиологический релятивизм»: лексико-стилистические ресурсы, которые использует Lenta.ru, включают разговорно-сниженные лексемы *разруха, боксерша, дичь, бредовые*, транслит и транскрипцию *фаталити, хитмейкер, стендапер*, арго и просторечие *батяня, трепаться*. Из плоскости философских дискуссий понятие аксиологического релятивизма как относительности ценностей переходит в лингвистическую плоскость медиапрактики, утверждая «плюрализм без границ», основные черты которого: высокая степень этноцентризма, партикуляризма и безграничного эгоизма [Гюрчинов 2014, с. 154]. В результате этого стирается нормативный базис лингвоэтики (запреты цинизма, пошлости, речевой агрессии, лжи, публичной брани; общекультурные, медиадискурсивные, стилистико-языковые и коммуникативные предписания) [Сурикова 2018, с. 117], что приводит в том числе к моральному нигилизму.

Соотносимые с макростратегией контроля прескриптивные нормы могут быть представлены в динамике, в частности, благодаря обращению к

представительной коллекции русскоязычных текстов, состоящей из более чем 2 млрд слов: Национальному корпусу русского языка (НКРЯ). В данном случае при обращении к НКРЯ нас интересовало узуальное использование конкретного элемента медиалекта, его фиксированное вхождение в корпус (см. Диаграмму № 4), а также коллокации, с ним связанные, что позволяет оценить речевую узуальность средств кроссмедийной выразительности медиаречи на макроуровне.

Диаграмма № 4. Узуальное вхождение отдельных элементов медиалекта (год)

Неологизм *ламповый*. Узуальное использование слова *ламповый* зафиксировано в 1831 году в рассказе Д. Сигова «Прогулка въ Нескучный садъ съ театромъ», коллокация: *ламповый свет*. С 2007 года слово, прежде всего в социальных сетях, начинает использоваться в переносном значении: *тепло-лампово, душевно-лампово*; основная семантика лексемы – «относительное прилагательное, отыменное, от названий механизмов и приборов» – под давлением узуса приобрело новый смысловой оттенок: «ламповый» – то есть «душевный». Примечательно: *ламповый* используют и в сочетании с одушевленными существительными, например, *ламповые люди*, что грамматически некорректно.

Бленд *Оксбридж*. Узуальное использование слова *Оксбридж* зафиксировано в 2002 году в статье М. Варденги «Спасение рядового недоросля», коллокация: *Оксфорд и Кембридж (далее сокр. Оксбридж) являются единственными университетами мира*. Всего в основном корпусе НКРЯ найдено пять вхождений этого слова, в субкорпусе социальных сетей – три (первое упоминание – в 2012 году в коллокации *пусть даже закоулки эти так же скучны, как клуатры Оксбриджа*), в газетном субкорпусе – четыре. Словарь иностранных слов под редакцией Н. Г. Комлева (2006) определяет Оксбридж как «символ первоклассного образования, доступного лишь привилегированным слоям общества». Одна из последних коллокаций – 2019 год, в статье И. Дмитрова «Что Лужков, что Березовский – это пацаны те еще»: ... *послал ребенка учиться в какой-нибудь Оксбридж или Сорбонну*.

Эрратив *аффттар*. Узуальное использование слова *аффттар* зафиксировано в 2005 году на медицинском форуме, коллокация: *Аффттар жЖот выпей йаду!* Всего основной корпус фиксирует восемь вхождений, причем последнее, в 2016 году, – в статье К. Турковой «Словарный запас. Итоги 2016 года». В ней журналист, помимо *аффттар жжот*, перечисляет следующие лексемы: *тру, слоупок, стопицот, негодуюэ, ой, все*, которые также можно отнести к элементам медиалекта. В субкорпусе социальных сетей найдено 138 вхождений *аффттар*, последнее – в 2022 году, коллокация: *самоуверенный аффттар*.

Голофразис *ясчитаю*. Узуальное использование фразы *ясчитаю* зафиксировано в 2004 году на брачном форуме, коллокация: *Ясчитаю что любящий человек поймет*. Это единственное вхождение в основном корпусе, в субкорпусе социальных сетей найдено четыре таких вхождения, причем уже в виде хэштегов, последнее – в 2020 году: *Вот #ясчитаю, что запрещать бессмысленно*. В данном случае хэштег может служить показателем, что голофразис *ясчитаю* приобрел дискурсивные черты, став своего рода безапелляционным высказыванием, которое может использоваться как в ироническом, так и в обычном контексте.

Интернет-частицы *какбэ, нуок*. Узуальное использование интернет-частиц *какбэ, нуок* зафиксировано в 2005 и в 2015 годах соответственно, коллокации: *стоять рядом, какбэ следить, Меня потащили в Мегу, нуок*. Причем в основном корпусе *какбэ* – четыре вхождения, *нуок* – ни одного. В субкорпусе социальных сетей найдено четыре вхождения *нуок*, сто двадцать шесть – *какбэ*. Такая разница может быть объяснима тем, что социальные сети имитирует устную коммуникацию, где есть аналогичная частица *как бы* – слово-паразит, число вхождений которого в субкорпус устной речи – более десяти тысяч (правда, часть из них в составе *как бы то ни было*).

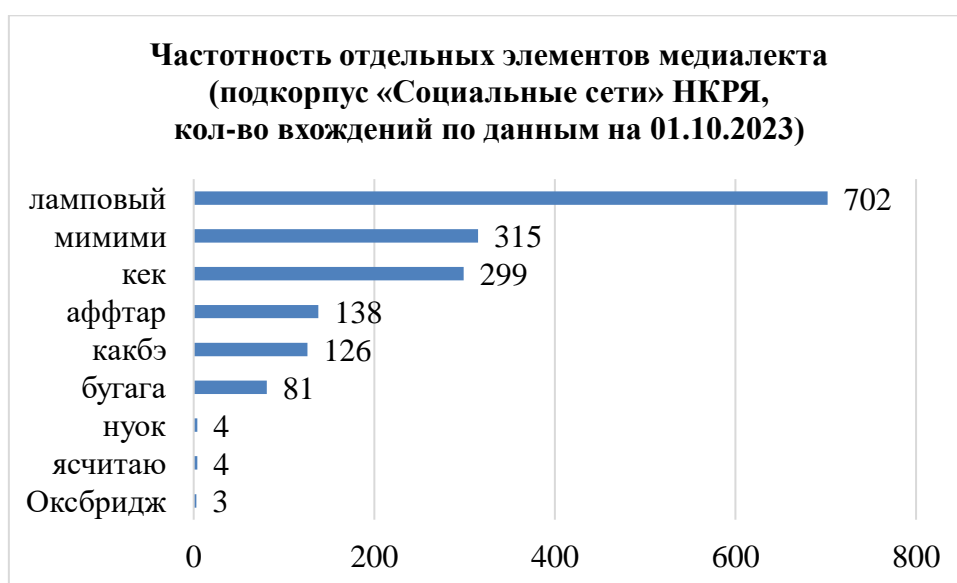
Интернет-междометия *бугага, мимими, кек*. Узуальное использование интернет-междометий *бугага, мимими, кек* зафиксировано в 2001, 2011 и 2015 годах соответственно, коллокации: *в кабинете номер восемь) бугага, воплощенная в слове эмоция умиления – «мимими», будем считать, что так и задумывалось. :) Кек*. Судя по контексту, эти междометия – вербализации смеха, умиления и усмешки, словесные аналоги эмотиконам (эмодзи). Даты последних вхождений *бугага* (2022), *мимими* (2022) и *кек* (2022) говорят о том, что эти интернет-междометия используются по-прежнему.

Акцентологический субкорпус НКРЯ показал, что отдельные формы медиалекта привлекают внимание адресантов и адресатов цифровой коммуникации необычным для русского языка звучанием. В частности, неологизм *спичрайтер* использован в стихотворении «Фейерверк» (2010): *Зачём я нэ Эмиль Золя? / И нэ **спичра́йтер** на́ окла́де? / Я б наворóчал — о́ ля ля!* Транслит *веган*, имеющие всего два вхождения, в 2011 году был *вега́ном*, в 2013-м – *вэганом*. Та же самая ситуация с *фаталити*: в 2010 году – *фаталі́ти*, в 2016-м – *фатáлити*. Единственное вхождение, как и *хитмэйкер*, имеет *мерчендайзер*: *Да **и** живётся на́м неплóхо, / Я — мерченда́йзер, ты́ — старлэ́й*. Больше всего вхождений у *бизнесвúмен* – четырнадцать, причем все, начиная с 2006 года и заканчивая 2012-м, относятся к наивной поэзии: *Бизнесмéны вмéсте с **бизнесвúмен**, / Торгаши́, нуворі́ши, вóры*. Как и *боксерша*: *Мы бéз пяти́ минут с тобо́й **боксéрши**, / А*

вообще — спортбайкеры со стажем... / Ох, испугались, аж мороз по коже! (2012).

Подчеркнем: медиалект выступает именно как подстиль публицистического стиля, и его кодификация все еще находится в процессе становления (см. Диаграмму № 5).

Диаграмма № 5. Частотность отдельных элементов медиалекта (подкорпус «Социальные сети» НКРЯ, кол-во вхождений по данным на 01.10.2023)

Как показывает диаграмма, отдельные элементы медиалекта уже приобретают свойства речевой системности, с чем и связана лингвоэкологическая проблематика нормативно-стилистического аспекта экологичности медиаречи на макроуровне. Ее основные критерии: информативность, этичность и эстетичность, регламентирующие оценочную параметризацию медиадискурса.

3.3. Макростратегия прогнозирования цифровой коммуникации: прагматические критерии экологичности медиаречи

Макростратегия прогнозирования цифровой коммуникации, связанная с коммуникативно-прагматическим аспектом ее экологичности, дает возможность

установить прагматические/диалоговые/риторические речевые критерии экологичности. При лингвоэкологическом анализе медиаречи в коммуникативно-прагматическом аспекте надо учитывать, что «в центре внимания при создании медиатекста – регулятивно-управляющие праксиологические нормы, поскольку предмет анализа – оценка эффективности текста – соответствие полученного результата профессиональным целям и задачам» [Дускаева 2019с, с. 10].

Однако в связи с тем, что медиасреда – среда неоднородная, сопряженная с коммуникативными рисками, требуется уточнение связанных с макростратегией прогнозирования критериев экологичности медиаречи. В качестве основного такого критерия, обобщающего прагматические, диалоговые и риторические речевые критерии, предлагается избрать критерий соблюдения коммуникативного равновесия: как горизонтального (учет равенства субъектов коммуникации), так и вертикального (учет норм общения субъектами коммуникации) [Мельникова 2020, с. 106]. Результат соблюдения коммуникативного равновесия, на наш взгляд, зависит от использования лингвопраксиологических стратегий, в том числе стратегий языковых игр. В случае соблюдения коммуникативного равновесия коммуникация может считаться экологичной, то есть направленной на установление и поддержание контакта. Иначе, в случае недостижения или нарушения коммуникативного равновесия, – неэкологичной. Частным случаем неэкологичности является конфликтогенность, вызванная как собственно языковыми, так и межкультурными конфликтами.

В качестве примера реализации макростратегии прогнозирования рассмотрены мультимедийные проекты «The Guardian», в числе которых рубрика «Books». С коммуникативно-прагматической точки зрения степень экологичности медиаречи «The Guardian» задается благодаря диалогу/полилогу как способу создания горизонтального коммуникативного равновесия. Л. Р. Дускаева называет диалогичность «одним из фундаментальных свойств медиаречи» [Дускаева 2019а, с. 6]. Но в политкорректном медиадискурсе эпохи «цифрового модернизма» [Kirby 2009, p. 5] диалог с целевой аудиторией чаще всего имитируется, что в

коммуникативно-прагматическом аспекте не является экологичным: наблюдается эффект языкового отчуждения.

Как установлено в одном из наших исследований, прогнозирование во многом зависит от ключевой идеологической составляющей издания: «леволиберальный дискурс “The Guardian” ориентирован на прозрачность сбора и предоставления информации читательской аудитории. В коммуникативной ситуации политически корректного дискурса эта стратегическая “прозрачность” осложняется за счет использования разнообразных тактик языковой игры с потенциальным читателем и всей целевой аудиторией “The Guardian”» [Карпухина, Шабалин 2022с, с. 117]. Это объяснимо в том числе меной коммуникативный ролей *homo interneticus* – *homo confusus*. На примере медиатекстов «100 best novels: one in five doesn't represent over 300 years of women in literature» [Cooke 2015], «The 100 best novels: from Bunyan's Pilgrim to Carey's Ned Kelly» [McCrum 2015], «“Most of Australia's literary heritage is out of print”: the fight to rescue a nation's lost books» [Shackell 2021] показано: «если изначально политически корректный дискурс развивался как лингвоэкологическое явление, причем положительное, то постепенно этот вид дискурса стал, напротив, неэкологичным из-за чрезмерного использования манипулятивных стратегий и тактик, которые привели к его радикальной идеологизации» [Карпухина, Шабалин 2022с, с. 117].

Статья «100 best novels: one in five doesn't represent over 300 years of women in literature» Рэйчел Кук [Cooke 2015] – ответная реплика Роберту МакКраму на его статью «The 100 best novels: from Bunyan's Pilgrim to Carey's Ned Kelly» [McCrum 2015], в которой дискурсивные формулы, в том числе клише феминистского дискурса, выполняют имитационную функцию диалога. Эти клише функционируют в качестве манипуляционного инструмента, вовлекая читателя в языковую игру с местоимениями, которые референциально отсылают к фигуре автора статьи, его воображаемого оппонента Роберта МакКрама и читателя статьи.

В результате лингвоэкологической диагностики анализируемой цифровой коммуникации были выявлены следующие маркеры неэкологичности.

Прежде всего, оппозиция речевых маркеров *I / me / my – he / his*, которая разграничивает референциальное пространство автора статьи и его оппонента. Рэйчел Кук, используя манипулятивное в данном случае местоимение *we*, вовлекает адресата медиаречи в зону своего референциального пространства: *We now reach the 20th century. ...Barker and Shields, meanwhile, have given us triumphantly good books.* Затем, обыгрывая использование «гендерных» местоимений *he / she*, адресант понижает коммуникативный статус адресата до позиции пациента *you*: *Gender is important, we need to pay attention to it. But it's not everything. A great writer can take you anywhere, irrespective of his sex – or, for that matter, of yours.* В результате нарушается вертикальное коммуникативное равновесие, то есть не соблюдаются речевые нормы, главным образом нормы паритетности общения, что неэкологично.

Еще один выявленный маркер неэкологичности – аксиологические амбиваленты. Говоря о предвзятом мужском выборе лучших книг, Рэйчел Кук использует такие оценочные фразы, как *I love it; I might have favoured...; triumphantly good books*, риторические вопросы *How can this be?*, антитезу *Is it that Robert thinks men write better, more important novels than women? Or is it simply that he is less familiar with the female canon?* Эти речевые единицы – амбиэкологичны, то есть они могут быть проинтерпретированы соответствующим образом в зависимости от идеологической позиции адресата.

В качестве аксиологических амбивалентов могут использоваться и фигуры речи, например, ирония как «насмешливое употребление слов в противоположном значении» [Томашевский 1983, с. 238]. В данном случае она позволяет завоевать доверие адресата: в центре иронического высказывания *Naturally, I approve to the very toes of my blue stockings the fact that Virginia Woolf's Mrs Dalloway makes his list* – идиома *a blue stocking* ‘синий чулок’. Ироничность вызвана приданием этой идиоме буквального значения ‘ученая женщина, женщина-педант’ («женщина, носившая синие чулки» → «женщина-синий чулок» → «до самых кончиков моих синих чулок»). Мена коннотативной оценки с негативной на положительную

обуславливает понижение коммуникативного статуса адресата и повышения коммуникативного статуса адресанта.

С манипулятивной целью использована и полисемия. Например, заключительное предложение *A great writer can take you anywhere, irrespective of his sex – or, for that matter, of yours* можно понять и как комплимент, и как риторическое предостережение (*Великий писатель может завести вас куда угодно, независимо от его пола – или, в данном случае, от вашего*). Такая двойственная интерпретация ключевого высказывания основана на многозначности глагола *to take* ‘приводить, заводить’, что позволяет спрогнозировать различный коммуникативный эффект.

Макростратегия прогнозирования может быть связана и с риторическим канонем, точнее, с его реализацией в медиадискурсе, также влияющей на степень экологичности медиаречи. В этот канон входят инвенция, диспозиция, элокуция [Клюев 2001]. Инвенция связана с выбором оптимальной коммуникативной стратегии и тактики. Диспозиция – с жанрово-тематическими критериями построения медиатекста. Элокуция – с речевым воздействием на адресатов.

Среди основных приемов инвенции, используемых МакКрамом, можно выделить ссылку на авторитет (*The fate of the classics has been my special subject*), апелляцию к аудитории (*our virtual audience soared into hundreds of thousands*), самокритику (*speaking of taste, I selected, where possible, the title most central to the author’s voice and vision, which is not necessarily the most famous*). В данном случае они выступают маркерами экологичной, то есть ориентированной на полилог, цифровой коммуникации.

Среди основных приемов инвенции, используемых Рэйчел Кук, можно выделить риторический вопрос (*How can this be?*), двойное отрицание (*I can’t disagree*), идеологизация содержания (*the female canon; anti-slavery, self-destruction*). В данном случае они выступают маркерами неэкологичной, то есть ориентированной на монолог в публичном пространстве цифровой коммуникации. То есть мы наблюдаем пример автокоммуникации в системе «Я – Я» (Ю. М. Лотман), адресант и адресат медиаречи – один и тот же субъект (*In the end,*

I read as a human being, not as a woman, which is why close to half of the books on Robert's list would also be on mine).

Среди основных приемов инвенции, используемых Джеймсом Шэккелом, можно выделить главный: обращение к экспертам («... *these books will now be part of the National E-deposit scheme*», **Giblin says**). В данном случае такая коммуникативная стратегия, нацеленная на аналитику, выступает маркером экологичной цифровой коммуникации.

Если говорить о диспозиции, то у МакКрама это – классическая структура убеждающей речи: пролог (*I name morable comic climax, ambitious academic Howard Ringbaum admit she has never read Hamlet, instantly wrecking his career*) и послелог (*You pays yer money, and you takes yer choice*⁶ – неpolitкорректная фраза из «Приключений Гекльберри Финна»). Находясь в сильной коммуникативной позиции, они задают смысловую доминанту всему медиатексту: «*Решать – тебе, и тебе нести ответственность за свой выбор*». Поэтому структуру высказывания МакКрама можно охарактеризовать как конструктивную, то есть экологичную.

Рэйчел Кук использует две кульминации: псевдо- и настоящую. Псевдокульминация обусловлена тема-рематической связью высказываний (рема МакКрама «the 100 best novels» становится темой «100 best novels» для Рэйчел Кук). Настоящая кульминация оставляет финал открытым: «*Gender is important; we need to pay attention to it. But it's not everything. A great writer can take you anywhere, irrespective of his sex – or, for the matter, of yours*». Диспозиционная специфика этого медиатекста нацелена на дискредитацию литературного канона. Однако, дискредитируя его, адресант медиаречи парадоксальным образом канонизирует этот канон. Поэтому структуру высказывания Рэйчел Кук можно охарактеризовать как манипулятивную, то есть неэкологичную.

Джеймс Шэккел обращается к формуле Гегеля «тезис – антитезис – синтез». Тезис: жизненный цикл любой современной книги – недолог (*This is unfortunate fate of most books, even literary prize-winners*). Антитезис: однако и сегодня есть те,

⁶You Pays Yer Money // The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/1988/02/28/magazine/on-language-you-pays-yer-money.html> (дата обращения: 15.09.2023).

кого волнуют судьба печатных книг (*Untapped's mission is to digitise 200 of Australia's most important lost books*). Синтез: чтобы спасти книги, нужна финансовая поддержка (*We have to find new markets and new pots of money if we want our stories to continue being told*). Структуру высказывания Джеймс Шэккел можно охарактеризовать как конструктивную, то есть экологичную.

Зону речевых рисков очерчивает элокуция, которая в данном случае связана с идеологическими позициями адресантов. У МакКрама это консервативные штампы *dead white men, you pays yer money, and you takes yer choice* – фраза на кокни из «Приключений Гекльберри Финна», адресованные либерально настроенным читателям. У Рэйчел Кук – либеральные штампы *the female canon, anti-slavery*, адресованные консервативно настроенным читателям. Джеймс Шэккел ориентирован и на тех, и на других: *We have to find new markets and new pots of money if we want our stories to continue being told*.

Кроме того, на уровне макроорганизации экологичность цифровой коммуникации задается благодаря ценностной параметризации медиадискурса как способа прогнозирования коммуникативного равновесия. Лингвоэкологическая оценка при этом «находится в зоне прагматики языкового знака» [Колмогорова 2020, с. 24]. Ценностный взгляд на медиаречь дает возможность определить ее аксиологическую ось.

Отследить динамику ценностей на макроуровне цифровой коммуникации позволяет гравитационная модель языков (А. De Swaan, М. А. Марусенко), которая напрямую связана с языковой политикой – ключевым инструментом макролингвоэкологии. Центральный язык гравитационной модели – английский⁷, то есть один из грамматически упрощенных языков, что «укладывается в логику глобализационных процессов “упрощение во имя сплочения”» [Шабалин 2022b, с. 398]. На наш взгляд, эта модель указывает на языковую политику насаждения международного языка, на проблему вымирания или дискриминации отдельных, прежде всего не центральных в этой модели языков. Английский язык представлен

⁷Ср. использование термина-неологизма «глобанглизация» [Чистова 2014].

в ней как «гиперцентральный язык, использующийся для общения носителей суперцентральных языков – международных государственных языков, таких, как французский, немецкий, русский, арабский и т. п., на которых говорят не менее 100 млн. человек» [Марусенко 2015а, с. 75–81]. В связи с этим западные ценности воспринимаются как образцовые: *Globalization was about the integration of worldviews, products, ideas and culture. <...> The idea was that as nations developed, they would become more like us in the West – the ones who had already modernized* [Brooks 2022]. Развивается «ностальгический» ценностный ориентир: «глобализация как ушедший в прошлое идеал прогресса и конвергенции культур, основными ценностями которых были свобода, равенство, человеческое достоинство, плюрализм, права человека» [Там же]⁸. Его развитие обусловлено ориентированностью современного медиадискурса на «антиреализм» [Карпухина 2022е, с. 101]. Неэкологичная языковая политика может характеризоваться экспансией латиницы, языковыми конфликтами, языковым империализмом, потерей функциональности, лингвоцидом и др. «В частности, отрицаются законы знаковой коммуникации, точнее, традиционных семантических отношений в горниле текста, которые заменяются субсидиарной конвенциальностью: системой условно принятых определенной группой лиц правил игры. В результате постнеклассическая эстетика наделяет осетевленный медиатекст фрагментарностью, дисгармоничностью, интертекстуальностью, эклектизмом и гедонизмом» [Мансурова 2018, с. 84]. Провозглашаются «лаконизм, обрывочность мыслей, клиповость сознания, болтовня, хайп (ажиотаж) и самопрезентация – маркеры современной медиакультуры, которую можно рассматривать как антитезу культуры книжной, традиционной» [Клушина 2018b, с. 53]. Утверждается, что «языки все в большей степени начинают становиться товаром, и такой подход вытесняет традиционную идеологию, в которой они являются прежде всего символами этнической или национальной идентичности» [Марусенко 2015а, с. 436].

⁸Ср. противоположную оценку глобализационных процессов в более ранних работах: [Миронов 2006а, b; Эко 2006а, b].

Другими словами, гравитационную модель языков можно понимать как функциональную лингвоэкологическую метафору, как факт того, что языки становятся товаром, который активно продают или покупают субъекты медиаречи. Манипуляции ею, особенно учитывая тот факт, что «в условиях глобализационных культурных войн язык выступает политическим инструментом, выполняя инструментальную, органическую и конститутивную функции» [Марусенко 2015а, с. 288], воспринимаются чаще всего как неэкологичные. Уместно говорить о категории «“аксиологичность лингвоэкологии”»: свойстве оценивать языковые и речевые единицы (слова, сочетания слов, высказывания, тексты) в рамках ценностной оппозиции “экологично/неэкологично”» [Карасик 2013, с. 191]. В результате насаждается не только сам язык, но и языковой, в частности, колониалистский, менталитет [Карпухина 2021b]. Разрушаются локальные культуры, причем, как полагают отдельные исследователи, цифровая коммуникация отличается от лотмановского типа семиосферы: «Семиосфера подразумевала различие между культурами именно как условие общения. Современное коммуникационное пространство, напротив, само создает правила и способы общения, вынуждая культуры говорить на этом языке» [Миронов 2006b, с. 36]. Энциклопедические знания, необходимые субъектам межкультурной коммуникации, трансформируются в речевые клише: *In the wider public conversation, it was sometimes assumed that nations all around the world would admire the success of the Western democracies and seek to imitate us... The causes of deglobalization are broad and deep. The 2008 financial crisis delegitimized global capitalism for many people. China has apparently demonstrated that mercantilism can be an effective economic strategy. All manner of antiglobalization movements have arisen: those of the Brexiteers, xenophobic nationalists, Trumpian populists, the antiglobalist left* [Brooks 2022]. То же самое происходит и в русскоязычном медиадискурсе, где используются схожие речевые клише, выполняющие функцию негативаторов: *загнивающие глобальные монополии, прямое распределение минимальных благ, государственные машины США и Англии, электронный концлагерь, классический колониальный подход*. В качестве метафорических

негативаторов выступают те идеологемы, которые четко разграничивают межкультурное пространство в цифровой коммуникации: *жернова истории, государственные машины США и Англии* (М. Делягин), *a massive social inequality machine* [Brooks 2022]. С этой же целью разграничения «своих» и «чужих» применяется ирония, в частности, выражение *высокие либеральные стандарты: На протяжении многих десятилетий, со времен Джимми Картера и Збигнева Бжезинского, решивших сделать продвижение демократии орудием американской политики, Вашингтон и его сателлиты тщательно выстраивали себе имидж эдаких учителей, способных определять и объяснять иным народам, какой образ жизни и мыслей соответствует высоким либеральным стандартам* [Карпович 2022].

Таким образом, можно констатировать, что из-за межкультурных, в том числе языковых, различий в цифровой коммуникации нарушается коммуникативное равновесие, или лингвоэкологический баланс. Вместо кооперативной, нацеленной на объединение субъектов медиаречи речевой стратегии используется, как правило, дезинтегративная, которая нарушает и вертикальный, и горизонтальный принципы коммуникативного равновесия. Результат соблюдения коммуникативного равновесия в медиадискурсе зависит от лингвопраксиологических стратегий (манипуляция, дискредитация и т. д.), которые являются следствием реализации макростратегии прогнозирования.

Выводы по Главе 3

В Главе 3 дан практический лингвоэкологический анализ российских и зарубежных мультимедийных проектов в нормативно-стилистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах экологичности медиаречи.

Цифровой диалог осуществляется посредством трех конвергентных сценариев: мультимедийного, кроссмедийного, трансмедийного. В каждом из этих сценариев адресант *homo interneticus* становится адресатом *homo confusus* – и наоборот. В результате этой мены ролей происходит конструирование медиареальности. Ее мультимедийная специфика характеризуется совмещением цитат, иллюстраций и опций. При реализации кроссмедийного сценария экологичность цифровой коммуникации направлена на развитие диалога, актуализируя смежные темы через разные каналы трансляции. Трансмедийный сценарий реализуется за счет контекстуальных гиперссылок, графических текстовых выделений, иконических вставок, хэштегов тематических подборок, рубрик, маркеров авторства.

Основная лингвоэкологическая проблематика цифровой коммуникации заключается в способности субъектов медиаречи влиять на лингвоэкологический потенциал медиавысказывания: менять показатель экологичности коммуникативного фрагмента, меняя тем самым лингвоэкологический статус медиасреды – показатель экологичности отдельного взятого участка цифровой коммуникации, сопряженный с лингвоэкологическими факторами риска. Степень экологичности медиаречи задается благодаря использованию лингвопраксиологических стратегий (в том числе манипулятивного рода), разнообразных дискурсивных маркеров политически корректного дискурса (система местоимений, идеологические клише, иронически переосмысленные фразеологизмы). Она задается еще и за счет диалога/полилога, риторического канона, оценочной и/или ценностной параметризации.

Аксиологический и прагматический взгляд на критерии экологичности цифровой коммуникации позволяет очертить горизонт смежных медиа- и лингвоэкологических проблем, в числе которых языковые следствия, вызванные глобализацией. Гравитационная модель языков (А. De Swaan, М. А. Марусенко), в центре которой находится английский язык, выступает как интерпретационный инструмент для анализа смены ценностной парадигмы в медиадискурсе.

Разработан алгоритм лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта. Он состоит из десяти этапов: от выделения коммуникативного фрагмента медиаречи до заключения по итогам лингвоэкологической диагностики всего мультимедийного проекта. Этот алгоритм направлен на микроанализ цифровой коммуникации, то есть на выявление и описание отдельных элементов медиалекта. На макроуровне цифровой коммуникации лингвоэкологическая диагностика сводится к анализу двух макростратегий медиаречи – контролю и прогнозированию. Первая связана с нормативно-стилистическим аспектом экологичности медиаречи, ее основные критерии – аксиологические (информативность, этичность и эстетичность). Вторая – с коммуникативно-прагматическим аспектом экологичности медиаречи, в качестве ее основного критерия избран критерий соблюдения коммуникативного равновесия: как горизонтального (учет равенства субъектов коммуникации), так и вертикального (учет норм общения субъектами коммуникации).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование выполнено в междисциплинарном русле. За основу взяты медиалингвистический, лингвоэкологический и лингвофилософский подходы, что позволило наметить горизонт смежных медиа- и лингвоэкологических проблем, связанных с медиаречью. В соответствии с целью исследования изучены средства кроссмедийной выразительности, функционирующие в медиалекте, в двух аспектах экологичности медиаречи: нормативно-стилистическом и коммуникативно-прагматическом. Благодаря этому разработан алгоритм лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта. Он состоит из десяти этапов: от выделения коммуникативного фрагмента медиаречи до заключения по итогам лингвоэкологической диагностики всего мультимедийного проекта.

Медиалект, или новейший подстиль публицистического стиля, оформляется в условиях цифровой эпохи, основанной на медиатизации культурных процессов. Он обслуживает медийную, цифровую, сферу общения и служит индикатором тех интегративных языковых и речевых изменений, которые происходят в условиях глобальной цифровой коммуникации в отдельно взятом языке. Понятие «медиалект» этимологически соотносимо с понятиями «диалект», «социолект», которые указывают на некий «лект», то есть на используемую в определенных условиях речь. Языковая специфика медиалекта заключается в способности адаптироваться к цифровым носителям, он не зависит от территориальной или социальной общности, его функционирование обусловлено самим медиа, или каналом трансляции. Зависимость медиалекта от канала трансляции показывает категория кроссмедийной выразительности медиаречи, которая устанавливает связь между отдельно взятым медиа и подъязыком, используемым в нем. Центральное понятие категории кроссмедийной выразительности медиаречи – медиаобраз. Субъект цифровой коммуникации вербализует медиаобраз, который формирует медиалект как средство создания медиатекста. Все вместе это входит в понятие «медиаречь» («медиадискурс»).

В функционировании медиалекта в мультимедийных проектах современных СМИ ключевую роль играют сценарии конвергенции: мультимедийный, кроссмедийный, трансмедийный. Мультимедийный конвергентный сценарий ориентирован на реализацию модели цифровой коммуникации с использованием разных коммуникативных кодов, но одного канала трансляции. Кроссмедийный конвергентный сценарий ориентирован на реализацию многоканальной модели цифровой коммуникации. Трансмедийный конвергентный сценарий ориентирован на реализацию модели многоканальной цифровой коммуникации с интерактивным включением в коммуникационное пространство субъектов медиаречи.

Научная гипотеза исследования заключалась в предположении, что в медиалекте формируются средства кроссмедийной выразительности медиаречи, которые в рамках лингвоэкологии можно рассматривать в двух аспектах: нормативно-стилистическом и коммуникативно-прагматическом. Эта гипотеза подтвердилась в результате лингвоэкологической диагностики мультимедийных проектов современных СМИ. Установлено, что средства кроссмедийной выразительности медиаречи – это языковые и параязыковые единицы, функционирующие в подъязыке публицистического стиля, то есть в медиалекте. Термин «кроссмедийный» в данном случае указывает на зависимость этих языковых и параязыковых единиц от канала трансляции, или от определенного медиа. Эти средства входят в объем понятия медиалекта, выступая планом его выражения. План их содержания зависит от стилеобразующей категории автора медиатекста.

Чтобы выявить статус экологичности медиалекта, разработана структурно-семантическая классификация средств кроссмедийной выразительности медиаречи, которая дает возможность установить корреляцию между лингвоэкологическим процессом и его конкретным результатом. Все средства кроссмедийной выразительности медиаречи можно разделить на три группы: структурно-семантическую, структурную, семантическую. Структурно-семантическая группа связана с лингвотоксическими явлениями, в нее входят хэштег, эрратив, неологизм, олбанская конструкция, каламбур, бленд, эпоним,

несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, речевой шаблон, маркер разговорной речи, активный линк, мем, эмоджикон, никнейм, варваризм. Эти средства – результат немотивированного появления в медиасреде экспрессивных языковых (параязыковых) единиц. Токсичность им придает то, что органически чуждые фонетическому, морфемному или лексическому строю русского языка единицы начинают претендовать на узурпаторский статус. Структурная группа средств связана с лингвоастеническими явлениями, в нее входят транслит/транскрипция, аббревиатура, интернет-частица, интернет-междометие, голофразис. Каждое из этих средств заменяет книжную лексику эрзац-словами, усложняя или упрощая ее морфемный состав или синтаксический порядок, что неэкологично. Семантическая группа средств связана с лингвоперверсивными явлениями, в нее входят негативатор, глорификатор, аксиологический амбивалент. Лингвоперверсивы как языковые (параязыковые) средства информационно-психологической войны изначально являются манипулятивами, то есть средствами выразительности медиаречи с амбиэкологичной семантикой с нормативно-стилистической точки зрения. Однако, учитывая то, что каждое из этих средств функционально, все они выполняют отведенные им коммуникативно-прагматические функции – в этом смысле они экологичны.

Цифровой диалог осуществляется посредством трех сценариев конвергентности: мультимедийного, кроссмедийного, трансмедийного. В каждом из этих сценариев адресант *homo interneticus* становится адресатом *homo confusus* – и наоборот. В результате этой смены ролей происходит конструирование медиареальности. В качестве одного из объектов этой медиареальности функционирует AI-текст, который также нуждается в лингвоэкологической оценке из-за возможного, прямого или косвенного, влияния на экологический статус пространства цифровой коммуникации. Рассмотрение AI-текста с лингвоэкологической точки зрения дает возможность оценить степень влияния отдельных средств медиалекта на степень экологичности пространства цифровой коммуникации. На наш взгляд, AI-текст – искусственный нарратив, то есть умело

выстроенное изложение, в основе которого лежит символическая функция: текст ради текста, а не воздействия на адресата.

Основная лингвоэкологическая проблематика цифровой коммуникации заключается в способности субъектов медиаречи влиять на лингвоэкологический потенциал медиавысказывания: менять показатель экологичности коммуникативного фрагмента, меняя тем самым лингвоэкологический статус медиасреды – показатель экологичности отдельного взятого участка цифровой коммуникации, сопряженный с лингвоэкологическими факторами риска. Эти факторы риска оценены в двух аспектах: нормативно-стилистическом и коммуникативно-прагматическом.

При исследовании экологичности медиаречи в нормативно-стилистическом аспекте общим критерием ее экологичности выступает критерий соблюдения норм правописания/произношения или стилистических норм. С точки зрения нормативно-стилистического критерия экологичны транслит/транскрипция, аббревиатура. Неэкологичны хэштег, эрратив, олбанская конструкция, несистемные формы *Pluralia tantum/Singularia tantum*, активный линк, эмодикон (эмодзи), варваризм, интернет-частица, интернет-междометие, голофразис. Амбиэкологичны неологизм, каламбур, бленд, эпоним, речевой шаблон, маркер разговорной речи, мем, никнейм, негативатор, глорификатор, аксиологический амбивалент.

При исследовании экологичности медиаречи в коммуникативно-прагматическом аспекте общим критерием ее экологичности выступает критерий соблюдения двух основополагающих принципов любой коммуникации – принципа Кооперации (в терминологии П. Грайса) и принципа Вежливости (в терминологии Р. Лакофф). И в нормативно-стилистическом, и в коммуникативно-прагматическом аспекте экологичности медиаречи обязателен учет ее коммуникативного контекста. С точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта экологичны негативатор, глорификатор, аксиологический амбивалент. Неэкологичны речевой шаблон, транслит/транскрипция, аббревиатура. Амбиэкологичны хэштег, эрратив, неологизм, олбанская конструкция, каламбур, бленд, эпоним, несистемные формы

Pluralia tantum/Singularia tantum, маркер разговорной речи, активный линк, мем, эмотикон (эмодзи), никнейм, варваризм, интернет-частица, интернет-междометие, голофразис.

Для лингвоэкологической диагностики на микроуровне цифровой коммуникации, то есть для выявления и описания отдельных элементов медиалекта, разработан соответствующий алгоритм. Его ключевые шаги: выделение коммуникативного фрагмента медиаречи, определение аспекта лингвоэкологической оценки, установление языковой или речевой узуральности, прогнозирование негативных языковых или речевых эффектов, выявление речевых стратегий, определение сценария конвергентности, заключение по итогам лингвоэкологической диагностики мультимедийного проекта.

На макроуровне цифровой коммуникации лингвоэкологическая диагностика сводится к анализу двух макростратегий медиаречи – контроля и прогнозирования. Первая связана с нормативно-стилистическим аспектом экологичности медиаречи, ее основные критерии – аксиологические: информативность, этичность и эстетичность. Вторая – с коммуникативно-прагматическим аспектом экологичности медиаречи, в качестве ее основного критерия избран критерий соблюдения коммуникативного равновесия: как горизонтального – учет равенства субъектов коммуникации, так и вертикального – учет норм общения субъектами коммуникации.

Перспектива исследования функционирования языка в медиасреде и связанных с этим функционированием лингвоэкологических процессов видится в расширении и уточнении критериев экологичности медиаречи, в том числе за счет метода корпусного анализа текстов, благодаря которому можно существенно дополнить перечень средств кроссмедийной выразительности медиаречи. С целью более объективного анализа этих средств необходимо разработать ценностную шкалу, основанную на лингвоаксиологическом осмыслении экологичных, неэкологичных и амбиэкологичных примеров. Обращение к лингвофилософской методологии, в частности, задействование культурно-исторической интерпретации, критический дискурс-анализ и анализ языковых игр, позволит

установить междисциплинарную связь не только между лингвоэкологией и медиалингвистикой, но и между лингвоэкологией и лингвофилософией, наметив общие, на стыке охраны языка и его влияния на мышление, проблемы. Лингвосоциологический подход, в основе которого лежит гравитационная модель языков, даст возможность обобщить порождаемые конкретной языковой политикой риски, выведя лингвоэкологическую дискуссию на макроуровень. Наконец, лингвокогнитивное моделирование языковых процессов в цифровой коммуникации, вызванных меной коммуникативных ролей *homo confusus* – *homo interneticus*, поможет выяснить, как меняется восприятие ключевых для русской ментальности концептов в зависимости от статуса экологичности медиаречи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аванесов, С. С. Визуальная антропология как исследовательская дисциплина // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – № 1. – 2013. – С. 68–74.
2. Аветисян, Н. Г. Английский язык в российской действительности: нашествие или результат глобализации? // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4. – С. 98–106.
3. Аймермахер, К. Знак. Текст. Культура. – М.: Российский государственный гуманитарный ун-т РГГУ, 2001. – 394 с.
4. Алькина, И. А. Метамодернизм в медиадизайне 2010-х гг. // Дизайн СМИ: тренды XXI века. Визуальная коммуникация в медиа : сб. VI Международной научно–практической конференции «Дизайн СМИ: тренды XXI века» – Визуальная коммуникация в кроссплатформенных медиа. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2019. – С. 99–111.
5. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
6. Анненкова, И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Издательский Дом (типография), 2011. – 391 с. – ISBN 978–5–211–06231–3.
7. Аннушкин, В. И. Медиариторика: современный статус и важнейшие задачи // Медиариторика и современная культура общения: наука–практика–обучение : Сборник статей XXII Международной научной конференции, Москва, 30 января – 01 февраля 2019 года / Ответственный редактор В.И. Аннушкин. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 23–31.
8. Антонов, В. П. «Олбанский йазык»: экологическая угроза русского языка или особый стиль его употребления? / В. П. Антонов, А. О. Бойко // Язык,

культура, коммуникация: аспекты взаимодействия : Научно-методический бюллетень / Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова Институт филологии Лаборатория лингвокультурной коммуникации. Выпуск 4. – Абакан : Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2008. – С. 130–145.

9. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 167 с.

10. Арефьев, А. Л. Русский язык в мире. Прошлое, настоящее, будущее // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84. – № 10. – С. 31–38.

11. Арефьева, Н. Т. Конструктивизм и современные исследования будущего // Вестник МГУКИ, 2010. – № 4 (36). – С. 22–28.

12. Арутюнова, Н. Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. – С. 136–137.

13. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

14. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

15. Баева, Л. В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Известия Саратовского университета. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 6.

16. Бакулев, Г. П. Моделирование эволюции медиа // Вестник ВГИК. – 2015. – № 3 (25). – С. 143–150.

17. Балакина, Ю. В., Соснин, А. В. Интерсемиотичность и мультимедийность: от традиционных текстов к электронным // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 161–172.

18. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ.ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

19. Басовская, Е. Н. Дискурсивная глубина как типологический признак медиатекста // Научный журнал «Дискурс–Пи». – Екатеринбург: ИД «Дискурс–ПИ», 2020. – № 1 (38). – С. 21–33.

20. Басовская, Е. Н. Узуальные ошибки в СМИ и формирование медиастандарта // Знак: проблемное поле медиаобразования. – Челябинск: Изд-во Чел-го гос-та, 2022. – № 1. – С. 24–30.
21. Батаева, Е. В. Видимое общество. Теория и практика социальной визуалистики. Х.: ФЛП Лысенко И. Б., 2013. – 349 с.
22. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – С.250–296.
23. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
24. Бегун, В. В., Салимовский, В. А. Цинизм и пошлость в массмедийном дискурсе (лингвоэкологический аспект). / Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сборник научных работ, посвященный 80-летию доктора филологических наук, профессора А. П. Сковородникова. – Сибирский федеральный университет; под ред. Г. А. Копниной. – Красноярск, 2009. – С. 33–42.
25. Беленький, А. И. Трансформации визуального языка фотожурналиста // Век информации. – 2017. – № 4. – СПб. : Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций. – С. 58–67.
26. Беловодская, А. А. Об исследовательском потенциале изучения хэштега как медиадискурсивного феномена // Медиалингвистика. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 60–74.
27. Белоусова, Ю. В. Генезис образа и его функционирование в медиапространстве. – СПб. : Алетейя, 2015. – 130 с.
28. Беляев, А. А. Навигация как ключевой компонент визуальной организации веб-сайта [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2009. – Вып. № 2. – URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения 25.01.2022).
29. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М.: «Прогресс», 1974. – 229 с.
30. Бережная, М. А. Эстетика журналистики / А. И. Беленький [и др.]; под ред. М. А. Бережной. – СПб. : Алетейя, 2018. – 252 с.

31. Богданов, С. И., Марусенко, М. А., Марусенко, Н. М. Русский язык и языковой капитал граждан Российской Федерации // Русский язык в современном мире: настоящее и будущее. Сбор. ст. Сер. «Теория и история языкознания». – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. – 2021. – С. 24–46.
32. Богданова, Л. И. Медиалингвистика: новые подходы и решения. Рецензия на словарь-справочник под ред. Л. Р. Дускаевой «Медиалингвистика в терминах и понятиях». – М.: Флинта, 2018. – 440 с. // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23, № 3. – С. 845–851. – DOI 10.22363/2312–9182–2019–23–3–845–851.
33. Богданова, Л. И. Мир русских ценностей сквозь призму языка / Л. И. Богданова // Русская литература в иностранной аудитории : материалы XIV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2022 года. Том Выпуск 11. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2023. – С. 8–16.
34. Богданова, Л. И. Обучение русской грамматике на основе данных Национального корпуса русского языка // Русский мир Азии : Сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках II Форума «Университеты и развитие геополитических территорий», посвященной 10-летию кафедры РКИ филологического факультета СВФУ им. М. К. Аммосова, Якутск, 10–13 июня 2022 года / Сост.: Е. В. Дишкант, М. С. Соловьева, Ю. Р. Кривошапкина, Е. И. Тимофеева, отв. ред. С. М. Петрова. – Якутск: Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, 2022а. – С. 17–23.
35. Богданова, Л. И. Русский язык как культурная ценность: изучение и обучение // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2020. – № 1 (26). – С. 1–5.
36. Богданова, Л. И. Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022b. – № 2. – С. 9–19.
37. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.

38. Бодрунова, С. С., Якунин, А. В. Метод эвристической экспертизы дизайна медиапроекта: опыт междисциплинарного подхода [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2016. – Вып. № 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2181/> (дата обращения 20.01.2022).
39. Болотнов, А. В. Коммуникативные категории медиадискурса // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой ; редколл. : В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. – М.: Флинта, 2018. – С. 392–396.
40. Болотнов, А. В. О некоторых ключевых понятиях формирующейся информационно-медийной парадигмы в русистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1 (042). – С.111–116.
41. Болотнова, Н. С. Когнитивные исследования в коммуникативной стилистике текста: основные этапы и результаты // Русская речевая культура и текст: Материалы VIII Международной научной конференции (16–18 мая 2012 г.) / Под ред. Н.С. Болотновой. – Томск, 2012. – С. 181–192.
42. Большакова, Л. С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – № 2. – С. 119–123.
43. Борисова, Е. Г. Грамматика слушающего: прогнозирование понимания связного текста и способы его коррекции // Русистика и компаративистика : Сборник научных трудов по филологии / Гл. редактор С. А. Васильев. Том Выпуск XV. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Книгодел», 2021b. – С. 262–277. – DOI 10.25688/2619-0656.2021.15.15.
44. Борисова, Е. Г. Семантическое представление намерения говорящего // Семантический потенциал языковых единиц и его реализация : Тезисы докладов Международной научной конференции, Минск, 20–21 октября 2021 года. – Минск: Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», 2021a. – С. 5–7.
45. Брокмейер, Й., Харре, Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.

46. Валгина, Н. С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 191 с.
47. Вартанова, Е. Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. – 1999. – Вып. 5. – С. 11–14.
48. Вартанова, Е. Л. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et contra. – 2000. – № 5 (4). – С. 61–81.
49. Вартанова, Е. Л. Русский язык в онлайн-СМИ: вызовы цифровой эпохи // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей I Международной научно–практической конференции, Москва, 08–09 февраля 2017 года / Российский университет дружбы народов. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. – С. 7–16.
50. Вартанова, Е. Л. Теория медиа как перекресток научных подходов и методов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7., № 1. – С. 165–176.
51. Васильева, В. В. От литературного редактирования к критике медиаречи // Филология в XXI веке. Спецвыпуск. – 2019. – № 1. – С. 39–43.
52. Вещикова, И. А. Публицистический стиль в современной языковой ситуации // Русская речь. – 2021. – № 2. – С. 7–19.
53. Виноградов, С. И. Средства массовой информации и культура речи / С. И. Виноградов, О. В. Платонова // Культура русской речи: учеб. для вузов / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М.: НОРМА: ИНФРА–М, 2005. – С. 238–280.
54. Волкова, В. В. Кроссмедийность как фактор развития визуального языка // Медиалингвистика. – 2017. – № 4 (19). – С. 29–31.
55. Володина, М. Н. Проблема информационно-языковой культуры в современном обществе // Журналистика и культура русской речи на переломе тысячелетий: Рабочие материалы. – М., 2002. – С. 20.
56. Воробьев, В. П. Проблемное поле медиаэкологии: опыт демаркации научного направления / В. П. Воробьев, В. А. Степанов // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2011. – № 2. – С. 86–90.
57. Выготский, Л. С. Психология искусства. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 480 с.

58. Вырковский, А. В. Мультимедийные элементы в современном медиатексте [Электронный ресурс] / А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина, А. В. Колесниченко, А. Ю. Образцова, С. А. Вартанов // Медиаскоп. – 2017. – № 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/2364> (дата обращения 10.10.2022).
59. Вьюгина, Д. М. Цифровые стратегии медиабизнеса в условиях изменяющегося медиапотребления // Медиаскоп, 2016. – Вып. № 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/2233> (19.01.2023).
60. Галинская, Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник ОГУ. – 2013. – № 11 (160). – С. 91–94.
61. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Ком–Книга, 2006. – 144 с.
62. Гарифуллина, А. В., Шелестюк, Е. В. История развития эколлингвистики: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 9 (455). Филологические науки. Вып. 126. – С. 53–62.
63. Ги, Д. Общество спектакля. – М.: «Логос», 1998. – 224 с.
64. Голев, Н. Д. Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов) // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 8. – С. 86–125. – DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-8-86-125.
65. Голев, Н. Д. О центробежной тенденции в комментировании новостей в социальных сетях / Н. Д. Голев, М. А. Сушкина // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Т. 2, № 1(5). – С. 1–6. – DOI 10.21603/2782-4799-2023-2-1-1-6.
66. Голев, Н. Д. Роль пунктуации в понимании текста (о взаимодействии поверхностной и глубинной структур текста) / Н. Д. Голев, М. Ю. Басалаева // Вестн. КемГУ. – 2010. – № 4 (44). – С. 129–133.
67. Гольдин, В. Е. Речь и этикет. – М.: Просвещение, 1993. – С. 109.
68. Гончарова, Л. М. Ценностно-этические реалии современного российского медиадискурса // Горизонты современной русистики. Сборник статей

Международной научной конференции, посвященной 90-летию юбилею академика В. Г. Костомарова. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020а. – С. 202–206.

69. Гончарова, Л. М. Языковые новообразования в интернет-коммуникации / Л. М. Гончарова, Н. В. Ковшова // Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник статей VIII международной научно-практической конференции. – М.: РА Полиграфычъ, 2020b. – Ч. 1. – С. 73–80.

70. Горошко, Е. И., Полякова, Т. Л. К построению типологии жанров социальных медиа // Жанры речи. – 2015. – № 2. – С. 119–127.

71. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–238.

72. Греймас, А., Курте, Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. – М.: Радуга, 1983. – 70 с.

73. Гришаева, Л. И. Трансформации в коммуникации: макро- и микроорганизация текста // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: проблемы и перспективы реализации в современной цифровой среде. Сб. мат. V Международной научно-практической конференции. Отв. ред. М. Р. Желтухина. – 2019. – С. 175–177.

74. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер с нем. / под общ. ред. Г. В. Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

75. Гуреева, А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2016. – № 6. – С. 192–208.

76. Гусейнов, Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей [Электронный ресурс] // НЛО. – № 3. – 2000. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/3/zametki-k-antropologii-russkogo-interneta.html> (дата обращения 10.09.2023).

77. Гюрчинов, М. Аксиологический релятивизм и моральный нигилизм в нашей эпохе (неизвестная судьба безыдейного мира) // Литературоведческий журнал. – 2014. – С. 150–158.

78. Данези, М. В поиске значения. Введение в семиотическую теорию и практику. – Новосибирск: Новосибирский государственный ун-т, 2010. – 190 с.
79. Дегальцева, А. В. Проблемы экологии современной научной речи / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2023а. – Т. 23, № 1. – С. 4–10. – DOI 10.18500/1817-7115-2023-23-1-4-10.
80. Дегальцева, А. В. Русский язык как интернациональное средство общения на советском и постсоветском пространстве: проблема охраны и изменения норм / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память. К 100-летию образования СССР : Материалы международной научной конференции, Саратов, 14–15 октября 2022 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2023б. – С. 179–186.
81. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
82. Деникин, А. А. Критика подходов к исследованию практик новых медиа // Наука телевидения. – 2014. – С. 259–277.
83. Деррида, Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака / Пер. с франц. С. Калинина. – СПб. : Алетейя, 2014. – 212 с.
84. Джаманова, Н. В. Языковые аномалии в идиостиле Дж. Фаулза как воплощение постмодернистского понимания общеэстетической категории прекрасного // Вестник Омского университета. – 2013. – № 3 (69). – С. 95–98.
85. Дзялошинский, И. М. Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты : в 2-х т. Т. I. Монография. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2017. – 366 с.
86. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. – М.: УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.
87. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. – 2015а. – № 1 (6).

– С. 45–56. – URL: <https://medialing.ru/massmedijnyj-diskurs-v-sisteme-medialingvistiki/> (дата обращения: 10.08.2022).

88. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 26–38.

89. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 264 с.

90. Добросклонская, Т. Г. Моделирование информационных процессов в современном медиапространстве // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2015b. – № 4. – С. 3–15.

91. Добросклонская, Т. Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие. – М.: КДУ, 2016. – 116 с.

92. Драчева, Ю. Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 2 (89). – С. 134–146. – DOI 10.23859/1994-0637-2019-2-89-13.

93. Друговейко-Должанская, С. В. Языковой пуризм [Электронный ресурс] // Культура письменной речи. Русский язык и литература. – URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=1.72> (дата обращения: 15.05.2022).

94. Дугин, Е. Я. Медиаconstituent цифровой экономики // Вестник Московского университета Сер. 10. Журналистика. – № 4. – 2018. – С. 159–175.

95. Дунас, Д. В. Теоретические аспекты изучения медиапотребления российской молодежи: к пересмотру теории использования и удовлетворения / Д. В. Дунас, С. А. Вартанов, Д. Ю. Кульчицкая [и др.]. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2019. – № 2. – С. 3–28.

96. Дускаева, Л. Р. Векторы прагматического анализа в медиалингвистике [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. – 2019с. – № 6 (1). – С. 4–18. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.101> (дата обращения: 12.12.2021).

97. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ: Филол. факультет, 2012. – 274 с.
98. Дускаева, Л. Р. Критика речи в медиалингвистике: монография / Л. Р. Дускаева, Т. Ю. Редькина, Н. С. Цветова. – М.: Флинта, 2019а. – 120 с.
99. Дускаева, Л. Р. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / Под ред. Л. Р. Дускаевой ; редколл. : В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. – М.: Флинта, 2018. – 440 с.
100. Дускаева, Л. Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. – М.: Флинта, 2019b. – 340 с.
101. Елистратов, В. С. Неопавшие листья русского языка // Нева. – 2017. – № 4. – С. 185–200.
102. Елистратов, В. С. Язык как зеркало эпохи // Дружба народов. – 2009. – № 10. – С. 179–192.
103. Елистратов, В. С., Ружицкий, И. В. О проекте «Словаря союзных слов России» // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2013. – № 2. – С. 143–148.
104. Ермоленкина, Л. И. Дискурсивная интеграция в коммуникативном пространстве конвергентного радио // Язык и культура. – 2021– № 54. – С. 8–24.
105. Ермоленкина, Л. И. Дискурсивная картина мира современного радио: аспекты аксиологического моделирования // Медиалингвистика: Санкт-Петербургский государственный университет. – 2022. – Т. 9. – № 1. – С. 3–15.
106. Ермоленкина, Л. И. Механизмы дискурсивного воздействия в коммуникативном пространстве конвергентного радио // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 468. – С. 25–33.
107. Ерофеева, Е. В. Норма: социопсихологический и статистический аспекты // Вестник Пермского университета. – 2021. – Вып. 4 (16). – С. 60–65.
108. Загидуллина, М. В. Изображение становится текстом: об экспансии пиктографии и визуальных образов в пространстве текстовых сообщений // Медиасреда. – 2017. – № 12. – С. 10–14.

109. Замков, А. В. Сайнс-арт как медиамодель возможного будущего // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2018. – № 6. – С. 213–234.
110. Засурский, Я. Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 3–6.
111. Зверева, Г. И. Концепция «платформенного общества» в современных социокультурных исследованиях // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2019. – № 8. – С. 161–171.
112. Зверева, Е. А. Журналистика эпохи постмодерна: векторы исследования // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 10 (032). – С. 265–272.
113. Земсков, В. Б. Россия «на переломе» // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.). – М.: Новый хронограф, 2011. – 696 с.
114. Зенкова, А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания // Антиномии. – 2004. – № 5. – С. 184–193.
115. Зорин, К. А. Медиафутурология: «журналистика смысла» в условиях роботизации медиапроизводства и общества [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2016. – № 1. – URL: <http://mediascope.ru/?q=node/2078> (дата обращения 27.06.2022).
116. Зубарева, Ю. М. Медиалект как языковой феномен современной массовой коммуникации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2022. – Вып. 4 (12). – С. 46–52.
117. Ионова, С. В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 86–93.
118. Иссерс, О. С. «Поп-культура» русской речи: к постановке проблемы // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 4 (6). – С. 7–21.
119. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

120. Казак, М. Ю. О функционально-стилистическом статусе языка массовых коммуникаций // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С.176–180.

121. Казак, М. Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика. – 2014. – Вып. 1. – С. 65–76.

122. Казак, М. Ю., Махова А. А. Медиатекст в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 24 (119). – Вып. 12. – С. 175–182.

123. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов [и др.]. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – 304 с.

124. Каменева, В. А. Хейтинг как вид киберагрессии. Стереотипный образ хейтера в языковом сознании российских студентов / В. А. Каменева, И. С. Морозова, Н. В. Рабкина // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 2 (52). – С. 132–144. – DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-132-144.

125. Каминская, Т. Л. «Фактор адресата» в современной медийной ситуации: новые платформы и жанры // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 109–111.

126. Караджев, Б. И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – № 3. – С. 40–46.

127. Кара-Мурза, Е. С. Лингвоконфликтология как направление в духе экологии языка // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 55–68.

128. Карасик, В. И. Дискурсивная конвергенция // Лингвистическая лимология : Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 16 декабря 2021 года. – М.: Московский государственный областной университет, 2022. – С. 32–39.

129. Карасик, В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : Сборник научных трудов / Волгоградский государственный педагогический университет, Саратовский государственный университет; Редакционная коллегия: В. В. Дементьев, В. И. Карасик (ответственный редактор), К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина, Г. Г. Слышкин, В. И. Шаховский. – Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 1998. – С. 185-197.

130. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

131. Карасик, В. И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. монография / науч. ред. проф. В. И. Шаховский, отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол. Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 191–201.

132. Карасик, В. И. Языковая пластика общения. – Волгоград: Парадигма, 2017. – 462 с.

133. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: монография. – Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.

134. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М.: АСТ: Астрель, 2002. – Т.1: От стимула к реакции. – 781 с.

135. Карпова, А. И. Диверсификация медиаконтента в российских медиахолдингах на примере «РБК», «Газпром-Медиа», «Национальной медиа группы» // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 2. – С. 111–115.

136. Карпухина, В. Н. «Ловец на хлебном поле»: аксиология нового перевода // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Л. А. Араевой. Под общей редакцией

Н. В. Мельник. – Кемерово: Издательство Кемеровского гос. ун-та, 2022е. – С. 100–106.

137. Карпухина, В. Н. «Новая система» знаков препинания в ситуациях *texting / messaging*: финальный пунктуационный знак высказывания как эмоциогенный фактор // *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты.* – 2021а. – № 2 (46). – С. 9–19. – DOI 10.31249/chel/2021.02.01.

138. Карпухина, В. Н. Аксиологические приоритеты современного медиадискурса // *Межкультурная коммуникация и СМИ.* – 2017. – № 8. – С. 33–36.

139. Карпухина, В. Н. Аксиология политкорректного дискурса *The Guardian: blackfishing* как маркер конфликтогенных ситуаций // *Вопросы журналистики.* – 2022а. – № 12. – С. 104–115. – DOI 10.17223/26188422/12/5.

140. Карпухина, В. Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2013. – 232 с.

141. Карпухина, В. Н. Лингвоэкология межэтнических отношений в алтайских медиа // *Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании* : материалы Всероссийского научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Барнаул, 30 октября 2021 года. – Вып. 3. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2022б. – С. 11–15.

142. Карпухина, В. Н. Лингвоэкология современного переводческого дискурса / В. Н. Карпухина, С. А. Осокина, Е. А. Савочкина // *Вестник Челябинского государственного университета.* – 2023. – № 6 (476). – С. 135–143.

143. Карпухина, В. Н. Переводчик в политкорректном дискурсе: особенности перевода современной детской литературы // *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода.* – 2021б. – № 4. – С. 83–93.

144. Карпухина, В. Н., Шабалин, А. Д. Глобализация vs Глобализационные культурные войны: лингвоэкологический аспект исследования современного медиадискурса // *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты.* – М.: ИНИОН РАН, 2023. – № 2 (54). – С. 47–61.

145. Карпухина, В. Н., Шабалин, А. Д. Политически корректный дискурс The Guardian: прагматология языковых игр в лингвоэкологическом аспекте // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2022с. – № 4 (52). – С. 115–136.

146. Карпухина, В. Н., Шабалин, А. Д. Русский язык как язык документного перевода на территории Большого Алтая // Мир науки, культуры, образования. – 2022d. – № 5 (96). – С. 353–356.

147. Кастельс, М. Галактика Интернет / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

148. Качанов, Д. Г. Нарратив в мультимедийной журналистике: анализ российских и зарубежных медиапроектов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2020. – № 1. – С. 79–101.

149. Ким, Л. Г. Конфликт интерпретаций текста как следствие когнитивного диссонанса участников интернет-обсуждений // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Т. 2, № 4(8). – С. 222–228. – DOI 10.21603/2782-4799-2023-2-4-222-228.

150. Китанина, Э. А. Языковой пуризм как лингвистическая проблема // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы, Москва, 20–23 марта 2010 года. – М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2010. – С. 177–178.

151. Киуру, К. В. Digital-жанры современного медиатекста // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2016. – № 1 (18). – С. 39–42.

152. Клушина, Н. И. Медиалингвистика. – М.: Флинта, 2018а. – 184 с.

153. Клушина, Н. И. Медиастилистика. – М.: Флинта, 2021. – 184 с.

154. Клушина, Н. И. О дигитализации языка // Русская речь. – 2018b. – № 6. – С. 52–56.

155. Клушина, Н. И. Язык цифровой эпохи // Актуальные проблемы стилистики. – М.: МГУ, 2018с. – С. 28–31.

156. Клюев, Е. В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. – М.: ПРНОР, 2001. – 272 с.
157. Клюканов, И. Э. Структура и функции параграфемных элементов текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1983. – 18 с.
158. Ковынева, И. А. Голофразис как способ экономии языковых усилий // Балтийский гуманитарный журнал. – Т. 6. – № 4 (21). – 2017. – С. 110–112.
159. Кожемякин, Е. А. Трансдуктивные процессы в мультимодальной журналистской веб-коммуникации // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы : сб. материалов III конференции PMMIS (Postmassmedia in the modern informational society). Челябинск, 28–29 марта 2019 г. / под общ. ред. М.В. Загидуллиной. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. – С. 163–167.
160. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – 4-е изд., стереотип. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
161. Колмогорова, А. В. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе / А. В. Колмогорова, Ю. А. Горностаева ; Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021а. – 188 с.
162. Колмогорова, А. В. Классификация экологических подходов к языку // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021b. – № 63. – С. 181–201.
163. Колмогорова, А. В. Эмоционально нейтральные интернет-тексты: в поисках специфики // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 458. – С. 22–31. – DOI: 10.17223/15617793/458/3
164. Кондаков, И. В. Интермедиальность как эстетический феномен // Второй российский эстетический конгресс : Тезисы докладов участников, Екатеринбург, 01–03 июля 2021 года / Составители и научные редакторы Т. А. Круглова, А. Е. Радеев. – Екатеринбург: Автономная некоммерческая

организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2021. – С. 270–272.

165. Кондаков, И. В. Массовая культура: опыт теории относительности // Обсерватория культуры. – 2017. – № 14 (5). – С. 516–523. – DOI: 10.25281/2072–3156–2017–14–5–516–523.

166. Кондаков, И. В. Умозрение и музыка VS философия: символическое выражение философских идей и концепций живописным и музыкальным языками // Манускрипт. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 44–51. – DOI 10.30853/mns20230010.

167. Коньков, В. И. Коммуникативный статус профессиональной журналистской речи в русскоязычной медийной среде / В. И. Коньков, Т. А. Соломкина // Русистика. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 419–435. – DOI 10.22363/2618–8163–2021–19–4–419–435.

168. Коньков, В. И. Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа // Мир русского слова. – 2016. – № 3. – С. 58–63.

169. Копнина, Г. А. Актуальные лингвоэкологические идеи и проблемы // Мир лингвистики и коммуникации. – 2021а. – № 1. – С. 208–226.

170. Копнина, Г. А. Лингвоэкологическая оценка фактов речевого творчества // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 119–127.

171. Копнина, Г. А. Речевая норма: опыт системного осмысления понятия // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2012. – № 1. – С. 263–267.

172. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование. – М.: Флинта, 2021б. – 172 с.

173. Копнина, Г. А. Риторический канон в свете современной лингвистики / Г. А. Копнина, А. П. Сквородников // Риторика. Лингвистика. – 2016. – № 12. – С. 37–47.

174. Копнина, Г. А. Языковые последствия современных информационно-психологических войн в русскоязычных массмедиа: постановка проблемы / Г. А. Копнина, Н. Н. Кошкарлова, А. П. Сквородников // Русистика. – 2021с. – Т. 19, № 4. – С. 383–400. – DOI 10.22363/2618–8163–2021–19–4–383–400.

175. Королев, Е. А. Медиаплюрализм как императив творческой деятельности журналиста: учеб. пособие / Е. А. Королев. СПб: С.-Петербург. ун-т., Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2016. – 136 с.
176. Короченский, А. П. Постжурналистика как рыночный эрзац журналистики // Век информации. – 2019. – Т. 7. – № 2. – СПб.: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций. – С. 18–27.
177. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике : сб. ст. : пер. с англ. и фр. / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. – Вып. 3. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – С. 143–343.
178. Костомаров, В. Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения // Russian Language Journal. – 2010. – Vol. 60. – P. 142.
179. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
180. Красавченко, Т. Н. Постмодернизм мертв? Дискуссии в англоязычной критике (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 207–217.
181. Красных, В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
182. Кронгауз, М. А. Самоучитель олбанского. – М.: АСТ: Corpus, 2013. – 416 с.
183. Крышталева, М. К. Визуальный опыт человека в современной культуре // Terra Humana. – 2014. – № 2. – С. 165–168.
184. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М.: Наука. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3–15.
185. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Издательский центр РГГУ, 1995. – С. 144–238.

186. Кульчицкая, Д. Ю. Конвергенция и мультимедийность: точки пересечения и отличия // Медиа альманах. – 2014. – № 6. – С. 12–16.

187. Лаптева, О. А. Теория современного русского литературного языка. – М.: Высш. шк., 2003. – 351 с.

188. Латынов, В. В. Психологическое воздействие массмедийного дискурса // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Российская акад. наук, Ин-т психологии; отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2014. – С. 11–31.

189. Лебедева, Н. Б. Социальные сети в аспекте регулятивной функции языка (на материале интернет-обсуждения вопроса письменно-речевой грамотности текстов в виртуальном общении) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Т. 2, № 3(7). – С. 144-153. – DOI 10.21603/2782-4799-2023-2-3-144-153.

190. Ливанова, М. В. Журналистские проекты small media как альтернативная информационная среда // Век информации. – 2019. – Т. 7. – № 1. – Журналистика XXI века: среда обитания : матер. междунар. научно-практической конференции, 2–3 ноября 2018 г. / ред.-сост. С.Г. Корконосенко, А.Н. Гришанина; отв. ред. С.Г. Корконосенко. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т; Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2019. – С. 50–58.

191. Лингвистика информационно-психологической войны / И. В. Башкова, Е. М. Боровой, Л. А. Гаврилов [и др.]. Том Книга IV. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2021. – 340 с.

192. Лингвоэкология: проблемы и пути их решения / И. И. Бакланова, Е. Н. Басовская, И. В. Башкова [и др.] ; Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 612 с.

193. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

194. Липатов, А. Т. Духовность и экология слова [Электронный ресурс]. – 2007. – URL: <https://www.mari-eparhia.ru/library/konfer/2007/2/> (дата обращения 10.07.2022).
195. Лихачев, Д. С. Экология культуры // Знание – сила. – 1982. – № 6. – С. 22–24.
196. Лотман, Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: «Александра», 1992. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – 480 с.
197. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство–СПб, 2000. – 704 с.
198. Луцинская, О. В. Медиатекст конвергентных средств массовой коммуникации в контексте дискурса // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. – 2019. – № 2. – С. 32–39.
199. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН–пресс–Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
200. Мансурова, В. Д. «Дебош знаков» в эстетике иммерсивности современного медиаконтента // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения : матер. 57-го междунар. форума (19–20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В. В. Васильева. – 2018. – № 2. – В 2-х томах. Т. 1. – СПб.: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2018. – С. 83–84.
201. Мансурова, В. Д. Визуальная семантика российской идентичности в цифровой медиакультуре // Коммуникативная культура: история и современность: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. 3 ноября 2017 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017а. – С. 85–87.
202. Мансурова, В. Д. Трансмедийный дискурс событийности в сетевом пространстве СМИ // Журналистика регионов: дискурсы и медиапрактики : Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, Томск, 22 ноября 2018 года. – Томск: Компания КноРус, 2019. – С. 30–34.
203. Мансурова, В. Д. Цифровая каллиграфия современного журналиста: власть digital контента // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2017б. – № 4. – С. 17–33.

204. Мансурова, В. Д. Этнос профессии в гипертексте культуры // Век информации. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 24–32.
205. Маньковская, Н. Б. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. – 2018. – Т.4. – № 1. – С. 192–230.
206. Маньковская, Н. Б. Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 496 с.
207. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
208. Мартьянов, В. С. После постмодернизма // Вестник НГУ. – 2012. – № 3. – С. 64–73.
209. Марусенко, М. А. Американская языковая идеология // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – № 11 (563). – С. 3–18.
210. Марусенко, М. А. Глобализация и национальные языки // Вестник Московского университета. – Сер. 22. Теория перевода. – 2013. – № 4. – С. 3–25.
211. Марусенко, М. А. Мониторинг состояния и использования русского языка и других языков народов Российской Федерации / Марусенко М. А., Марусенко Н. М., Авлова Т. Б., Гребенников А. О., Кусаль К. Ч. // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2021а. – № 6–1. – С. 32–44.
212. Марусенко, М. А. От мотивации к инвестированию: изменение тренда образовательной языковой политики // Язык. Культура. Социум. – 2022. – № 6. – С. 33–41.
213. Марусенко, М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – М.: Издательство ВКН, 2015а. – 496 с.
214. Марусенко, М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – М.: Научно-политическая книга, 2015b. – 575 с.
215. Марусенко, М. А., Марусенко, М. Н. Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2021b. – № 51 (12). – С. 61–75. – DOI: 10.31857/S268667300017541–5.

216. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь–справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой; редколл.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. – М.: Флинта, 2018. – 440 с.

217. Медиаэстетический компонент современной коммуникации : колл. моногр. / науч. ред. М. В. Загидуллина, А. К. Киклевич. – Челябинск: Челяб. филиал РАНХиГС, 2020. – 293 с.

218. Мельник, Н. В. Политический интернет-комментарий в лингвоперсонологическом измерении / Н. В. Мельник, И. В. Савельева // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса : Коллективная монография. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. – С. 170–194.

219. Мельникова, Е. Н. Коммуникативное равновесие как фактор эффективного речевого воздействия в иноязычной среде // Университетские чтения – 2020 : Материалы научно-методических чтений ПГУ, Пятигорск, 09–10 января 2020 года. Том Часть III. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2020. – С. 105–108.

220. Мешкова, Л. Н. Текстинг как явление современной культуры // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 49–53.

221. Миловатский, В. С. Об экологии слова. – М.: Просветитель, 2001. – 63 с.

222. Миронов, В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. – 2006b. – № 2. – С. 27–43.

223. Миронов, В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2006а. – № 4. – С. 34–48.

224. Мисонжников, Б. Я. Современный медиахолдинг. Формы существования и проблемы институционализации : коллективная монография / ответ.ред. Б.Я. Мисонжников. – М.: Флинта : Наука, 2017. – 504 с.

225. Михалкович, В. И. Изобразительный язык средств массовой коммуникации. – М.: Наука, 1986. – 223 с.
226. Моррис, Ч. Основания теории знаков // Семиотика. Антиология / Сост. Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 110 с.
227. Несмелова, О. О., Коновалова, Ж. Г. Новый журнализм: теоретические принципы и их художественное воплощение // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153, кн. 2. – Гуманитарные науки. – С. 245–258.
228. Новикова, М. Л. Норма и языковые аномалии в медиапространстве (праксиологический аспект) // Сб. по мат. конференции «III Международная научно-практическая конференция «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура». – 2019. – С. 63–69.
229. Новые медиа: социальная теория и методология исследований : сл.-справ. / отв. ред.: О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. – СПб.: Алетейя, 2016. – 264 с.
230. Овчинникова, Е. М. Молодежный медиалект как аргумент пользователей Сети // Речевые технологии. – 2021. – №1–2. – С. 99–108.
231. Осипова, Н. О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания // Культурологический журнал. – 2011. – № 3 (5). – 11 с.
232. Осьминина, Е. А. Стратегии аккультурации на литературных примерах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 11 (697). – С. 85-102.
233. Панфилов, В. З. Языковые универсалии и типология предложения // Вопр. языкозн. – 1974. – № 5. – С. 3–17.
234. Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. – 2011. – № 4. – С. 31–40.
235. Пастухов, А. Г. Функциональный – дискурсивный – жанровый? Стилистическая парадигма и ее приложения к изучению медиатекста // Филология в XXI веке. – 2019. – № S1. – С. 209–214.

236. Патюкова, Р. В. Образ как конституирующий компонент дискурса: синхронические и диахронические аспекты (на материале публичной коммуникации): дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д.: [б. и.], 2012. – 359 с.

237. Пивоварчик, Т. А. Медиалект в контексте теорий языковой вариативности // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. В 2 ч. Ч. 1 : сборник научных статей / Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» ; гл. ред. В. А. Белозорович ; редкол.: В. А. Белозорович [и др.] ; рецензенты: Е. П. Пустошило, С. А. Пивоварчик. – Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2022. – С. 188–195.

238. Пивоварчик, Т. А. Нерегламентированная и вариантная пунктуация в языке региональных СМИ: девиации или особенности медийного узуса? // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского : сб. науч. тр. / редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно: ГрГУ, 2016. – С. 291–302.

239. Пивоварчик, Т. А. Цифровые медиаплатформы как коммуникационный вызов национальным медиасистемам // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации : Сборник трудов III международной научно-практической конференции, Белгород, 07–08 октября 2021 года. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Издательско-полиграфический центр «ПОЛИТЕРРА», 2021а. – С. 154–161.

240. Пивоварчик, Т. А., Минчук, И. И. Сетевой язык Lol-трясаянка: игра на гранях субстандарта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021b. – № 1. – С. 106–114.

241. Пильгун, М. А. Transmedia Storytelling: перспективы развития медиатекста [Электронный ресурс] // Медиаскоп, 2015. – Вып. 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/1773> (дата обращения 28.01.2020).

242. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриев. – М.: Логос, 2000. – 448 с.

243. Писанова, Т. В. Языковые аномалии в художественном тексте: эстетический эффект языковой игры Хулио Кортасара // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 11 (804). – С. 90–100.

244. Полонский, А. В. Медиалект: язык в формате медиа // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – Т. 37. – № 2. – С. 230–240.

245. Полонский, А. В., Глушкова, В. Г. Язык в современных медиа: история приобретений и потерь // РКИ: Лингвометодическая образовательная платформа : Сборник трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, 21 мая 2021 года. – Белгород: Издательский дом «Белгород», 2021. – С. 289–295.

246. Полякова, О. А. Истоки отечественной имагологии // Концепт. – 2016. – № 7. – С. 156–163.

247. Попкова, Л. М. Медиатекст в фокусе экологии языка // Homo faber – Homo loquens – Homo scriptor. Россия – Беларусь: Ценности единого научно-образовательного пространства приграничья : Материалы международной научно-практической конференции, Псков, 24–25 марта 2022 года / Под редакцией Л. А. Капитановой, сост. Е. В. Ковалых, И. В. Коренецкая, З. В. Митченко. – Псков: Псковский государственный университет, 2023. – С. 72–75. – DOI 10.37490/978-5-00200-130-9-72-75.

248. Прошина, З. Г. Экопереводоведение как модель переводческой деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 100–109.

249. Пучинина, О. П. Языковые аномалии в несобственно-прямой речи: на материале прозы М. Цветаевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. № 3. – С. 226–230.

250. Рабенко, Т. Г. Коммуникативные неудачи в межкультурном диалоге / Т. Г. Рабенко, Е. Ю. Шеркеева // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения : Сборник научных статей по материалам Международной

научной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Л. А. Араевой, Кемерово, 03–05 февраля 2022 года / Под общей редакцией Н. В. Мельник. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. – С. 175–182.

251. Рацибурская, Л. В., Жданова, Е. А. Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 4. – С. 466–480.

252. Рождественский, Ю. В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 1997. – 597 с.

253. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии / Н. А. Боженкова, П. А. Катышев, С. В. Ионова [и др.] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 76–92. – DOI 10.15688/jvolsu2.2019.3.6.

254. Рязанцева, Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. – М., 2010. – 256 с.

255. Савруцкая, Е. П. Проблемы коммуникации в контексте социокультурной реальности информационного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1 (3). – С. 132–137.

256. Северская, О. И. Грамматика и аграмматизм активных линков // Языки и культуры в цифровую эпоху : Сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 октября 2022 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022а. – С. 342–347.

257. Северская, О. И. Русский язык в законе «о государственном языке РФ» и в сферах его применения // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2022б. – № 7. – С. 451–456.

258. Северская, О. И. Текст или текстинг? Культурно-языковые девиации цифровой эпохи // Текст культуры и культура текста : Материалы IV Международного педагогического форума, Сочи, 16–17 октября 2017 года /

Редколлегия: Л. А. Вербицкая, С. И. Богданов, О. Е. Дроздова [и др.]. – Сочи: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2017. – С. 97–101.

259. Северская, О. И. Цифровые потери в коммуникации при переходе от «общения» к «передаче информации» // *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 331–336. – DOI 10.33910/2687–0215–2019–1–2–331–336.

260. Селезнева, Л. В. Русский язык как «мягкая сила» в поликультурном мире // *Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве* : сборник материалов Международного научного конгресса, Москва, 06–10 декабря 2021 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. Том Часть III. – Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. – С. 114–117.

261. Сидорова, Е. В. Языковые аномалии в произведениях А. Платонова // Сб. по мат. конференции «VIII платоновские чтения. Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции. Воронеж, 26–28 сентября 2019 года». – 2019. – С. 279–284.

262. Симакова, С. И. «Цивилизация глаза»: специфика визуальной репрезентации события // *Гуманитарный вектор*. – 2020а. – Т. 15. – № 1. – С. 125–133.

263. Симакова, С. И. Визуальный медиаобраз – реализация эстетического потенциала журналистских материалов // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – № 1. – 2020б. – С. 30–36.

264. Симакова, С. И., Енбаева А. П., Исакова Т. Б. Мультимедийный сторителлинг – теоретическое осмысление // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. – 2019. – № 1. – Т.1. – С. 222–230.

265. Сиротинина, О. Б. Медиалингвистика или медиастилистика? // *Медиалингвистика*. – 2015. – № 2 (8). – С. 17–22.

266. Сиротинина, О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. – 116 с.
267. Сковородников, А. П. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4 (94). – С. 31–40.
268. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 42–50.
269. Сковородников, А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл.; отв. ред. А. П. Сковородников. – Красноярск; Ачинск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1996. – Вып. 1. – С. 5–9.
270. Сковородников, А. П. Лингвотоксичные явления в речи и языке / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 28–32.
271. Сковородников, А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. – 2019b. – № 5 (77). – С. 12–25. – DOI 10.26170/p119-05-01.
272. Сковородников, А. П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства языка и речевые ошибки и недочеты. – М.: Флинта, 2019a. – 480 с.
273. Сковородников, А. П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе (тезисы) [Электронный ресурс] // Новая университетская жизнь. – 2007. – URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307> (дата обращения 15.06.2022).
274. Смокотин, В. М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-р филос. наук : 24.00.01 / Смокотин Владимир Михайлович ; НИ Том. гос. ун-т. – Т., 2011. – 40 с.

275. Солганик, Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 3. – С. 74–83.

276. Солганик, Г. Я. Место языка СМИ в литературном языке. Перспективы развития // Мир русского слова. – 2008. – № 2. – С. 9–18.

277. Сорокин, Ю. А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.

278. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 360 с.

279. Социокультурные угрозы : Реальность, ментальные модели и дискурс / В. П. Авдоткин, Ю. С. Авдоткина, Я. Бао [и др.] ; Российский государственный гуманитарный университет. – 2-е издание. – Москва: Языки славянской культуры, 2022. – 392 с. (Разумное поведение и язык. Language and reasoning).

280. Сребрянская, Н. А. Современное состояние русского языка с позиций лингвоэкологии // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителя-филолога : Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, посвященной 90-летию Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, 20 декабря 2021 года / Под редакцией Г. А. Заварзиной. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2022. – С. 12–18.

281. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

282. Степанов, Ю. С. Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – 637 с.

283. Стернин, И. А. Метод аппликации ментальных схем в выявлении скрытого смысла высказывания (по материалам лингвистической экспертизы текста) [Электронный ресурс]. – URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/118-izbrannye-stati-2006-2012> (дата обращения: 11.10.2021).

284. Сурикова, Т. И. Этика медиаречи // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой ; редколл. :

В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. – М.: Флинта, 2018. – С. 116–119.

285. Сущенко, Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий. – СПб.: Петрополис, 2011. – 424 с.

286. Тедеева, З. К. Макаронизмы (макароническая речь) в категориях лингвистической экологии / З. К. Тедеева, Э. Г. Куликова, О. М. Акай // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 88. – № 5. – С. 130–137.

287. Тер-Минасова, С. Г. Политическая корректность, или языковой такт // Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс]. – М.: Слово/Slovo, 2000. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php (дата обращения: 12.12.2021).

288. Томашевский, Б. В. Стилистика и стихосложение. – М.: Флинта, 2019. – 536 с.

289. Томашевский, Б. В. Стилистика. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. – 288 с.

290. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Флинта, 2023. – 336 с.

291. Тошович, Б. Семантика, стилистика и поэтика графодеривации // Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 19. – 2019. – С. 27-35.

292. Тошович, Б. Стилистический интернет // Актуальные проблемы стилистики. – 2017. – № 3. – С. 133–145.

293. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – М.: РУДН, 2009. – 436 с.

294. Трошина, Н. Н. Социально-функциональная стратификация языка и вербальная динамика лингвокультурного сообщества // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2020а. – Вып. № 4 (4). – С. 136–142.

295. Трошина, Н. Н. Экология языка: аналит. обзор / редкол.: Опарина Е. О., Раренко М. Б. – Москва: ИНИОН РАН, 2020б. – 54 с.

296. Трошина, Н. Н., Леонтович, О. А. Слово и образ в поисках друг друга. (Реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2023. – № 1. – С. 68–73.

297. Трубецкой, Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский Временник : неперіод. изд. / Под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. – Берлин; Париж : Евразийское книгоиздательство. – Кн.3. : . / Вступит. статья от ред-ров. – Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1923 (Бр. Гиршбаум). – С. 107–124.

298. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с. – (Классики отечественной филологии).

299. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 576 с.

300. Узбстер, Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

301. Фещенко, В. В. Языковые аномалии русского авангарда в фокусе лингвистических теорий // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2019. – № 19. – С. 44–54.

302. Фомин, А. Г. Мем как вирус интернет-коммуникации / А. Г. Фомин, Ш. Р. Габитов // Язык и культура. – 2023. – № 61. – С. 63–85. – DOI 10.17223/19996195/61/5.

303. Франко, Е. П., Франко, М. В. Экология языка в современном обществе // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77). – С. 26–33.

304. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука. – 2001. – 377 с.

305. Хайдарова, Г. Р. Медиасреда: пределы симуляции // Медиафилософия: Санкт-Петербургское философское общество, 2017. – № 13. – С. 88–96.

306. Хамидова, А. Х. Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1 (789). – С. 293–299.
307. Харт, К. Постмодернизм. – Москва: ФАИР–ПРЕСС, 2006. – 272 с.
308. Хёйзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий. – М.: Азбука–классика, 2007. – 384 с.
309. Хорольский, В. В. «Красота» и «польза» в медийном тексте: к вопросу о путях развития теории массмедиа // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2018. – № 3. – С. 72–90.
310. Цветова, Н. С. Новая русская речь (к вопросу об изменении принципов коммуникативной культуры) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 4. – С. 11–16.
311. Цветова, Н. С. Речевая форма журналистского текста: уровни эстетизации // Эстетика журналистики. – СПб: Алетейя, 2018. – С. 70–85.
312. Цветова, Н. С. Эстетика медиаречи: к вопросу о лингвостилистическом статусе проблемы // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 134–139.
313. Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик : Коллективная монография / В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова [и др.]. – Москва–Волгоград : Общество с ограниченной ответственностью «ПринТерра–Дизайн», 2020. – 384 с. – ISBN 978–5–98424–241–7.
314. Чепкина, Э. В. Журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – 279 с.
315. Черкасова, М. Н. Медиасобытие и медиаобраз с точки зрения медиалингвистики и медиакритики (на примере языка вражды) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Языкознание и литература, 2010. – № 18 (89). – Вып. 7. – С. 250–257.
316. Черных, А. И. Ритуалы и мифы медиа. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. – 160 с.

317. Чернышова, Т. В. Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики) // Медиалингвистика. – 2022а. – Т. 9, № 3. – С. 170–189. – DOI 10.21638/spbu22.2022.301.

318. Чернышова, Т. В. Основы теории публицистики. – М.: Издательство «Юрайт», 2020. – 184 с.

319. Чернышова, Т. В. Подводные камни медиакоммуникации (записки лингвиста–эксперта) // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения : Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах, Санкт–Петербург, 18–19 апреля 2019 года / Ответственный редактор В. В. Васильева. – Том 2. – Санкт–Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. – С. 303–305.

320. Чернышова, Т. В. Спорный медиатекст: коммуникативная удача/неудача или речевое правонарушение? // Медиалингвистика : Материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня – 02 июля 2022 года / Науч. редактор Л. Р. Дускаева, отв. редактор А. А. Малышев. – Выпуск 9. – Санкт-Петербург: Медиапир, 2022b. – С. 288–292.

321. Числова, М. И. Конструктивистский подход к исследованию медиареальности (на базе зарубежных исследований) // Медиа альманах. – 2013. – № 6. – С. 28–35.

322. Чистова, Е. В. Глобанглизация в аспекте лингвистической экологии (англо-русско-китайские параллели) // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 1 (2). – С. 182–196.

323. Чистова, Е. В. Экокогнитивная модель профессиональной мультимодальной коммуникации (на примере кейса синхронных переводчиков). Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. – Челябинск, 2022. – 50 с.

324. Чистова, Е. В. Эколингвистические проблемы перевода в эпоху глобанглизации и глокализации // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – № 1 (4). – С. 269–281.

325. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

326. Шабалин, А. Д. (Не)медиатекст: коммуникативные маркеры AI-текстов (на примере материалов чат-бота ChatGPT) // Медиалингвистика : Материалы докладов участников VII Международной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 года. – Санкт-Петербург: Медиапайр, 2023а. – С. 802–806.

327. Шабалин, А. Д. (Не)политкорректный риторический канон The Guardian: инвенция, диспозиция, элокуция // Материалы симпозиума в рамках XVII (XLIX) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Вып. 23. – Науч. редактор Е. В. Новгородова. – Кемерово, 2022а. – С. 553–557.

328. Шабалин, А. Д. «Как колибри поглощают нектар», или межкультурное высказывание The Guardian в дискурсе неолиберализма. Лингвоэкологический аспект // Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании : Материалы Всероссийского научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка: сборник научных статей, Барнаул, 29–30 октября 2020 года / Под редакцией Т. В. Чернышовой. – Вып. 2. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2021а. – С. 39–41.

329. Шабалин, А. Д. «Коммерческий постмодернизм» как способ дистрибуции медиаконтента // МНСК-2020 : Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–13 апреля 2020 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020а. – С. 64–66.

330. Шабалин, А. Д. «Что в образе тебе моем?» Функция визуальной метафоры в продвижении медиаконтента // Вопросы журналистики. – Томск, 2020b. – № 7. – С. 74–87.

331. Шабалин, А. Д. Lexicon universale: о чем говорят слова – 2020? Лингвосоциологический анализ медийного дискурса (на примере The Guardian) //

Актуальные проблемы медиаисследований – 2020 : Сборник материалов конференции, Москва, 11 декабря 2020 года. – Москва: Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», 2020с. – С. 203–204.

332. Шабалин, А. Д. Визуальные средства кроссмедийной выразительности в современных российских СМИ : магистерская диссертация. – Барнаул, 2020d. – 119 с. (Рукопись).

333. Шабалин, А. Д. Гравитационная модель языков: лингвоэкологический подход // Медиалингвистика : Материалы VI международной научной конференции, Санкт–Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 года / Науч. редактор Л. Р. Дускаева, отв. редактор А. А. Малышев. – Вып. 9. – Санкт–Петербург: Медиапир, 2022b. – С. 396–400.

334. Шабалин, А. Д. Дискурсивные практики visual culture: что показывают буквы? Деконструкция Вавилонской башни 2.0 // Initia: Актуальные проблемы социальных наук : Сборник материалов XXIII Международной конференции молодых ученых, Томск, 23–24 апреля 2021 года. – М.: Перо, 2021b. – С. 165–167.

335. Шабалин, А. Д. К вопросу о лингвистической компетенции современных журналистов // Языки и литература в поликультурном пространстве. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2021с. – № 7. – С. 112–114.

336. Шабалин, А. Д. Стратегия выживания, или sustainable eating по-алтайски: языковая мода или насущная потребность? (лингвоэкологический аспект медийного дискурса в создании образа человека Алтая) // Terra scimus. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020e. – С. 98–100.

337. Шабалин, А. Д. Цифровой диалог и сценарии конвергентности: лингвоэкологический потенциал медиавысказывания // Культура и текст. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2023b. – № 2 (53). – С. 188–194.

338. Шабалин, А. Д. Эстетика медиатекста: лингвосемиотическое осмысление журналистских практик (на примере материалов Arzamas.Academy) // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Л. А. Араевой. Под общей редакцией Н. В. Мельник. – Кемерово, 2022с. – С. 195–198.

339. Шабалин, А. Д. Язык новых медиа и его следствия: Номо Confusus, аксиологический релятивизм, языковая регрессия // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : Сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых ученых, Томск, 15–17 апреля 2021 года / Отв. редактор А. Г. Кожевникова. – Вып. 22. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021d. – С. 34–38. – DOI 10.17223/978–5–907442–02–3–2021–9.

340. Шабалин, А. Д. Языковая самобытность Алтая. Лингвистический обзор // Алтайский текст в русской культуре : Сборник научных статей по материалам IX международной научно-практической конференции, Барнаул, 15–17 июня 2021 года / под ред. М. П. Гребневой. Вып. 9. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2021e. – С. 192–196.

341. Шабалин, А. Д. Языковые аномалии в алтайском медиатексте // Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании : материалы Всероссийского научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Барнаул, 30 октября 2021 года. Вып. 3. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2022d. – С. 66–68.

342. Шароян, С. В. Факторы читательского предпочтения аудитории деловых онлайн-СМИ (на примере сайта РБК) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 98–118.

343. Шаховский, В. И. Жизнь языка в медиакommunikации (размышления лингвиста как потребителя медиаконтента) // Филологические науки в МГИМО. – 2018. – № 3 (15). – С. 42–67.

344. Шаховский, В. И. Объемная динамика лингвоэкологии как научной парадигмы // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 4 (2). – С. 26–34.
345. Шаховский, В. И. Экология коммуникативной дистрибуции слова // Неофилология. – 2021. – Т. 7, № 27. – С. 369–376. – DOI 10.20310/2587–6953–2021–7–27–369–376.
346. Шаховский, В. И., Штеба, А. А. Методы, приемы и подходы современной лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. монография / науч. ред. проф. В. И. Шаховский, отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол. Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 61–76.
347. Шацкая, М. Ф. Семантическая редукция до нуля при порождении языковой игры // Вестник ТГУ. – № 10 (66). – 2008. – С. 37–42.
348. Шевцова, Д. А. От публицистического образа к медиаобразу: движение научной мысли // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3. – С. 73.
349. Шевченко, В. Э. Визуальные коммуникации: тенденции форм и технологии передачи информации // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2015. – № 5 (360). – Вып. 94. Филология. Искусствоведение. – С. 189–195.
350. Шеремет, А. А. Человек растерянный в пространстве современности // International Scientific and Practical Conference Fundamental and Applied Scientific Research : RELF Group&OEAPS Inc., Berlin. – 2020. – С. 84–90.
351. Шмелев, А. Д. Ложная тревога и подлинная беда [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). –URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lozhnaya-trevoga-i-podlinnaya-beda> (дата обращения: 17.03.2021).
352. Шмелев, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
353. Шмелева, Т. В. Грамматика языка медиа: фактор жанра // Медиалингвистика : Материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня – 02 июля 2022 года / Науч. редактор Л. Р. Дускаева, отв.

редактор А. А. Малышев. – Выпуск 9. – Санкт-Петербург: Медиапепир, 2022. – С. 80–83.

354. Шмелева, Т. В. Медиалингвистика как медийное речеведение // Медиатекст как полиинтенциональная система : сборник статей, Санкт-Петербург, 07–08 декабря 2011 года / Ответственные редакторы: Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. – С. 56–61.

355. Шмелева, Т. В. Публицистика с позиций медиалингвистики // Публицистика в кризисный период: проблемы истории, теории, языка: Материалы научно-практической конференции (7–8 октября 2010 г.). – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. – С. 262–273.

356. Щипицина, Л. Ю. Стилистико-языковой и жанровый подходы к изучению компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 29. – 2009. – № 5 (143). – С. 155–161.

357. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб: Symposium, 2006a. – 546 с.

358. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006b. – 574 с.

359. Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А. П. Сковородников. – Москва: Флинта; Наука, 2017. – 384 с.

360. Эпштейн, М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания [Электронный ресурс] // Знамя. – 2006. – № 1. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2854> (дата обращения: 20.03.2022).

361. Эпштейн, М. Н. наброски к экологии текста // Комментарии. – 1997. – № 13. – С. 3–41.

362. Юрина, Е. А. Образный строй языка ; Томский государственный университет. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2005. – 156 с. – ISBN 5–7511–1931–0.

363. Якобсон, Р. О. Язык и бессознательное. – М.: Гнозис, 1996. – 247 с.
364. Якунин, А. В. Веб-юзабилити и эргономика интернет-СМИ. – СПб: С.-Петербург. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2015. – 94 с.
365. Яркеев, А. В. Конструирование смысла социальной реальности в мифо–логическом дискурсе // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Серия «Научные школы». Сборник научных статей. / Под общ.ред. О. Н. Бушмакиной, М. Л. Дерябина, Н. Б. Поляковой, А. А. Шадрина. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – С. 205–220.
366. Arola, K. *Writer/Designer. A Guide to Making Multimodal Projects* / K. L. Arola, J. Sheppard, C. Ball. – Boston: Bedford/St. Martin's, 2014. – 152 p.
367. Bateman, J. *Text and Image. A Critical Introduction to the Visual/Verbal Divide* / J. Bateman. Routledge: Taylor&FrancisGroup, 2014. – 276 p.
368. Bednarek, M., Caple, H. *The Discourse of News Values*. – Oxford University Press, 2017. – 302 p.
369. Bolinger, D. *An ecology of language*. August 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/354253313_An_ecology_of_language (дата обращения 17.07.2021).
370. Bryson, N. *Vision and Painting. The Logic of the Gaze*. Yale University Press: New Haven and London, 1982. – 189 p.
371. Butler, J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. – London, New York: Routledge, 1990. – 256 p.
372. Crosbie, V. *What is new media? // Rebuilding Media: The fate of media*. – 2010.
373. Crystal, D. *Language and the Internet*. – Cambridge University Press, 2006.
374. Crystal, D., Davy, D. *Investigating English Style*. – London: Longman, 1969. – 264 p.
375. Danilova, N. N., Kholina, I. M. *Ecology of language: Linguistic and linguocultural aspects [Электронный ресурс]*. – March, 2022. – URL: https://www.researchgate.net/publication/359493481_Ecology_of_language_Linguistic_and_linguocultural_aspects (дата обращения 17.07.2021).

376. Dawkins, R. *The Selfish Gene*. – UK : Oxford University Press, 1976. – 224 p.
377. *Digital Discourse: Language in the New Media (Oxford Studies in Sociolinguistics)*. – Ed. By Thurlow Crispin, 2018.
378. Doering, M., Trampe, W. *The Language of Ecology and the Ecology of Language* [Электронный ресурс]. – January, 2009. – URL: https://www.researchgate.net/publication/297558791_The_Language_of_Ecology_and_the_Ecology_of_Language (дата обращения 17.07.2021).
379. Enkwist, N. *Linguistic Stylistics*. – The Hague; Paris: Mouton, 1973. – 179 p.
380. Everett, M. Rogers. *Diffusion of innovations*. – N.Y., 1962. – 367 p.
381. Finke, P. *Transdisciplinary linguistics: ecolinguistics as a pacemaker into a new scientific age* // *The Routledge handbook of ecolinguistics*; ed. by A. Fill, H. Penz. – New York: Routledge, 2017. – P. 406–419.
382. Furht, B. *Multimodal Processing and Interaction. Audio, Video, Text* / B. Furht, P. Maragos, A. Potamianos, P. Gros. – SpringerScience+BusinessMedia, 2008. – 369 p.
383. Halliday, M. A. K.; Martin J. R. (eds.) *Writing Science: Literacy and Discursive Power*. – Bristol; London: The Falmer Press, 1993. – 283 p.
384. Haugen, E. I. *The Ecology of Language* [Электронный ресурс]. – January, 2001. – URL: https://www.researchgate.net/publication/247849020_The_Ecology_of_Language (дата обращения 17.07.2021).
385. Hjarvard, S. *The Globalization of Language How the Media Contribute to the Spread of English and the Emergence of Medialects* // *Nordicom Review*. – 2004. – Vol. 25 (1). – P. 75–97.
386. Hunter, J. D., Wolfe A. (Eds.). *Is There a Culture War? A Dialogue on Values and American Public Life*. – Washington: Pew Research Center; Brookings Institution Press, 2006. – 118 p.
387. Jewitt, C. *Introducing Multimodality* / C. Jewitt, J. Bezemer, K. O'Halloran. – Routledge: Taylor & Francis Group, 2016. – 220 p.

388. Kirby, A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. – Continuum: New York and London, 2009. – 282 p.

389. Krasakova, A. Language game and games with language [Электронный ресурс]. – January, 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/338121731_Language_game_and_games_with_language (дата обращения 20.07.2021).

390. Kress, G. *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. – Routledge: Taylor&FrancisGroup, 2010. – 213 p.

391. Lakoff, G., Johnson M. *Metaphors We Live By* The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

392. Lakoff, R. Language and Women's Place // *Language in Society*. – 1973. – Vol. 2. – №. 1. – P. 45–80.

393. Lee, J. Hybridizing Medialect and Entertaining TV: Changing Korean Reality // *The Global–Local Interface and Hybridity* / ed.: R. Rubdy, L. Alsagoff. – Bristol : Multilingual Matters, 2013. – P. 170–188.

394. Lister, M (2009). *New Media: a critical introduction. Second Edition.* / M. Lister, J. Dovey, S. Giddings, I. Grant, K. Kelly. – Routledge, NY, 2009. – 446 p.

395. Lwin, S. Discourse Analysis [Электронный ресурс]. – April, 2022. – URL: https://www.researchgate.net/publication/360251999_Discourse_Analysis (дата обращения 21.05.2021).

396. Martin, D. Semiotics and Constructing Fake News [Электронный ресурс] // *Digital Rhetoric Collaborative*. – 2017. – URL: <https://www.digitalrhetoriccollaborative.org/2017/03/29/semiotics-and-constructing-fake-news/> (19.05.2022).

397. McIntosh, J. Mobile phones and Mipoho's prophecy: The powers and dangers of flying language // *American Ethnologist*. – 2010. – Vol. 37, iss. 2. – P. 337–353.

398. Miliūnaitė, R. The position of language used in blogs in the overall scheme of current Lithuanian usage // *Lietuvių kalba*. – 2008. – Vol. 2. – P. 1–12. – DOI: 10.15388/LK.2008.22891.

399. Moller, D. Dilemmas of Political Correctness [Электронный ресурс] // Journal of Practical Ethics. – 2016. – Volume 4. Issue 1. – URL: <http://philarchive.org/archive/MOLDOP> (дата обращения 18.06.2021).

400. Murray, J. Composing Multimodality // Multimodal Composition: A Critical Sourcebook. – Boston: Bedford/StMartin's, 2014. – 548 p.

401. Peters, M. A. Language-games philosophy: Language-games as rationality and method [Электронный ресурс]. – September, 2020. – URL: <https://philpapers.org/rec/PETLPL-3> (дата обращения 17.10.2021).

402. Petrilli, S., Ponzio, A. Semiotics Unbounded: Interpretive Routes Through the Open Network of Signs. – Toronto: University of Toronto Press, 2005. – 630 p.

403. Steffensen, S. V., Fill A. Ecolinguistics: the state of the art and future horizons // Language Sciences, 2014. – № 41. – P. 6–25.

404. Trampe, W. Language and Ecological Crisis: Extracts from a Dictionary of Industrial Agriculture // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment; ed. by A. Filland, P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 235–238.

405. Ventola, E. Perspectives on Multimodality / E. Ventola, C. Charles, M. Kaltenbacher. – John Benjamins Publishing Company : Amsterdam/Philadelphia, 2004. – 234 p.

406. Wikström, P. No one is “pro-politically correct”: Positive construals of political correctness in conversations // Nordic Journal of English Studies. – 2016. – № 15 (2). – P. 159–170.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

407. Большой орфоэпический словарь русского языка / под ред. И. К. Сазоновой, А. Пламеневской, Н. Н. Щипковой. – М. : Грамота, АСТ-Пресс Школа, 2023. – 1024 с.

408. Грамота.ру. Справочно-информационный портал о русском языке. – URL: <https://gramota.ru/>

409. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. – URL: <https://ruscorpora.ru/>
410. Новый дипломатический словарь / А. В. Яковенко. – МИД России. – URL: http://diplomaticdictionary.com/about_dictionary/
411. Русский орфографический словарь / под ред. В. В. Лопатин, О. Е. Иванова. – М. : АСТ-Пресс, 2023. – 904 с.
412. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М. : Эксмо, 2006. – 669 с.
413. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
414. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.
415. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы / М. А. Штудинер. – М. : АСТ-Пресс, 2016. – 592 с.
416. Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – Т. 2. – М. : Русский язык, 2000. – 1088 с.
417. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М. Н. Кожинной. – М.: Флинта, Наука. – 2006. – 696 с.
418. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Атберг 98., 2010. – 944 с.
419. Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А. П. Сковородников. – М.: Флинта; Наука, 2017. – 384 с.
420. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
421. Dataslov. Медиясловарь ключевых слов текущего момента. – URL: <https://dataslov.ru/>

ИСТОЧНИКИ АНАЛИЗИРУЕМОГО МАТЕРИАЛА

422. «Встаю по режиму, питаюсь овсянкой» [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2017. – URL: <https://lenta.ru/articles/2017/10/28/mudrost/> (дата обращения 30.09.2023).

423. «Люди не готовы к решениям и ошибкам нейросети» [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64671b8b9a79474e146c2abb?from=copy> (дата обращения: 25.06.2023).

424. «Мы всех всегда били, бьем и будем бить» [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2023. – URL: https://lenta.ru/articles/2023/07/03/crimean_war/ (дата обращения 27.08.2023).

425. «Не делайте из читателя марионетку»: основатель De Correspondent о независимости медиа [Электронный ресурс] // Theory&Practice. – URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/14712-ne-delayte-iz-chitatelya-marionetku-osnovatel-de-correspondent-o-nezavisimosti-media> (дата обращения 03.04.2023).

426. «Сплющенный Флаундер ужасает». Что пишут критики о новой «Русалочке» [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/646f5b469a7947fb0bbff04e> (дата обращения 27.06.2023).

427. «Укушетка» или «путимец»: понимаете ли вы Лескова? [Электронный ресурс] // Arzamas. – URL: <https://arzamas.academy/mag/1018-leskov> (дата обращения 21.10.2022).

428. «Я чувачок, у которого получается» [Электронный ресурс]// Афиша Daily. – 2018 – URL: <https://daily.afisha.ru/music/8516-ya-chuvachok-u-kotorogo-poluchaetsya-feduk-o-sebe-urgante-versuse-i-okolofutbole/> (дата обращения 30.06.2023).

429. «Я этого не говорил!» – знаете ли вы авторов известных цитат [Электронный ресурс] // Theory&Practice. – URL:

<https://theoryandpractice.ru/questionnaires/znaete-li-vy-avtorov-izvestnuh-zitat> (дата обращения: 09.05.2023).

430. 10 вопросов простого покупателя [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 2021. – URL: <https://www.pnp.ru/social/10-voprosov-prostogo-rokupertelya.html> (дата обращения 27.06.2023).

431. 7 причин посетить парк развлечений Dubai Parks and Resorts в Дубае 2021 [Электронный ресурс] // РБК. – 2021. – URL: <https://style.rbc.ru/impressions/61add3189a794737b519471e> (дата обращения 27.06.2023).

432. Бес взят [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2020. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4636595> (дата обращения 27.08.2023).

433. Блок-плов [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5695942?query=%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BF> (дата обращения 27.06.2023).

434. Борисенко, Д. «Люди любят истории больше фактов» [Электронный ресурс] // Theory&Practice. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/15316-lyudi-lyubyat-istorii-bolshe-faktov-pisatel-bor-stenvik-o-lzhi-samozvantsakh-i-feykovykh-novostyakh> (дата обращения: 09.05.2023).

435. В «Одноклассниках» появилась видеореклама с автозапуском [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2015. – URL: <https://lenta.ru/news/2015/11/24/odnoklassniki/> (дата обращения 27.06.2023).

436. Верните мне мой 2007-й [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2017. – URL: <https://lenta.ru/articles/2017/06/09/futurepast/> (дата обращения 30.06.2023).

437. Вести. Доктор Мясников: «Не доводите здоровье до революционной ситуации» [Электронный ресурс] // Vesti.ru. – 2020. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2482170> (дата обращения 27.06.2023).

438. Владельцев неучтённой недвижимости найдут и «учтут» [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 2021. – URL: <https://www.pnp.ru/social/vladelcev-neuchtyonnoy-nedvizhimosti-naydut-i-uchtut.html> (дата обращения: 20.10.2022)

439. Деловая пассивность: экономика ЕС балансирует на грани кризиса [Электронный ресурс] // Известия. – 2023. – URL: <https://iz.ru/1564408/andrei-kuzmak/delovaia-passivnost-ekonomika-es-balansiruet-na-grani-krizisa> (дата обращения 30.09.2023).

440. Делягин, М. Выжить в жерновах истории [Электронный ресурс] // Известия. – 2022. – URL: <https://iz.ru/1404764/mikhail-deliagin/vyzhit-v-zhernovakh-istorii> (дата обращения 21.11.2022).

441. Женщина, газлайтинг и другие: главные слова 2022 года [Электронный ресурс] // Theory&Practice. – 2022. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/20342-zhenshchina-gazlayting-i-drugie-glavnye-slova-2022-goda> (дата обращения 30.06.2023).

442. Жизнь прошла безвозвратно [Электронный ресурс] // Труд. – 2007. – URL: <https://www.trud.ru/trud.php?id=200704120620103> (дата обращения 30.06.2023).

443. Захарова прокомментировала массовые сбои в работе соцсетей и мессенджеров [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 2021. – URL: <https://www.pnp.ru/social/zakharova-prokommentirovala-massovye-sboi-v-rabote-socsetey-i-messendzherov.html> (дата обращения 27.06.2023).

444. Идеальный телевизор [Электронный ресурс] // Arzamas. – 2015. – URL: <https://arzamas.academy/special/idealtv> (дата обращения 21.10.2022).

445. Илья Резник назвал деградацией шутку Бузовой о блокаде [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2019. – URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/13/reznikomnit/> (дата обращения 27.06.2023).

446. Инвестидея: Заработать на «золотых» токенах [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/64ce1c4d9a7947056ead043a> (дата обращения: 20.08.2023).

447. Карпович, О. Реальная деколонизация [Электронный ресурс] // Известия. – 2022. – URL: <https://iz.ru/1402270/oleg-karpovich/realnaia-dekolonizatciia> (дата обращения 21.10.2022).

448. Квартирный вопрос или пиар: что портит Москву и страну? [Электронный ресурс] // Известия. – 2014. – URL: <https://iz.ru/news/572283> (дата обращения 27.06.2023).

449. Красавчик в доме [Электронный ресурс] // Огонек. – № 4. – 2015.

450. Кто и как делает «Грамота.ру» [Электронный ресурс] // Гол. – 2022. – URL: <https://gol.ru/materials/18920-gramota-ru> (дата обращения: 15.09.2022).

451. Лукашинский музыкальный фестиваль [Электронный ресурс] // Известия. – 2016. – URL: <https://iz.ru/news/162456> (дата обращения 27.06.2023).

452. Макаров, А. Звезды и «звезды» [Электронный ресурс] // Литературная газета. – URL: <https://lgz.ru/article/-6-6630-07-02-2018/zvyezdy-i-zvyezdy/> (дата обращения 21.10.2022).

453. Малахов разоблачил известного бизнес-гуру из интернета [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2020. – URL: <https://lenta.ru/news/2020/06/17/guru> (дата обращения 27.08.2023).

454. Министр культуры объяснил, почему не вручил награду К. Денев на ММКФ [Электронный ресурс] // РБК. – 2012. – URL: <https://www.rbc.ru/society/01/07/2012/5703f9c89a7947ac81a69942> (дата обращения: 15.10.2022).

455. Мракобесие, или Наших бьют [Электронный ресурс] // Эксперт. – № 1. – 2013. – URL: <https://pub.wikireading.ru/114892> (дата обращения 30.06.2023).

456. На проведение сельхозпереписи Татарстан израсходует 150 млн рублей [Электронный ресурс] // РБК. – 2016. – URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/21/06/2016/57692f619a794793664c03b1?from=copy> (дата обращения: 20.10.2022).

457. На российских маркетплейсах выросли продажи старых книг [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/10/31/na-rossijskih-marketplejsah-vyrosli-prodazhi-staryh-knig.html> (дата обращения 27.06.2023).

458. Навстречу серверной «Авроре» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5634227> (дата обращения 30.10.2022).

459. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 09.12.2022).

460. Не агрись, думер! 22 слова, которые помогут понять поколение Z [Электронный ресурс] // РБК. – 2021. – URL: <https://style.rbc.ru/impressions/603fafc39a7947ce4226cf72> (дата обращения 30.10.2022).

461. Неделя над пропастью [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5621093> (дата обращения 30.10.2022).

462. Нейросетям понадобились адвокаты [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6210354?query=%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BF> (дата обращения 27.06.2023).

463. Нужно три-джи подумать [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5634968> (дата обращения 30.10.2022).

464. Осознанное потребление информации: как защитит себя от fake facts [Электронный ресурс] // Theory&Practice. – 2022. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17983-osoznannoe-potreblenie-informatsii-kak-zashchitit-sebya-ot-fake-facts> (дата обращения: 20.08.2023).

465. От первых смартфонов до «телепорта»: главные тренды прошлого и будущего [Электронный ресурс] // РБК. – 2022. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/61b8ae9f9a7947c1acc1f5d1> (дата обращения: 25.09.2022).

466. Панин, И. Кукла [Электронный ресурс] // Литературная газета. – 2009. – URL: <https://lgz.ru/article/N37—6241—2009—09—16—/Kukla10130/> (дата обращения 21.10.2022).

467. Перемотка [Электронный ресурс] // Arzamas. – URL: <https://arzamas.academy/special/peremotka> (дата обращения 21.10.2022).

468. Прекрасное недалеко: дискотека 1980-х, архивы Янга и вернувшиеся Placebo [Электронный ресурс] // Известия. – 2022. – URL: <https://iz.ru/1311252/sergei-uvarov/prekrasnoe-nedaleko-diskoteka-1980-kh-arkhivy-ianga-i-vernuvshiesia-placebo> (дата обращения: 30.03.2022).

469. Принесший огонь: как Боб Марли почти остановил гражданскую войну [Электронный ресурс] // Известия. – 2020. – URL: <https://iz.ru/972453/vladislav-krylov/prinesshii-ogon-kak-bob-marli-pochti-ostanovil-grazhdanskiu-voynu> (дата обращения: 20.08.2023).

470. Про интернет [Электронный ресурс] // Литературная газета. – 2023. – URL: <https://www.lgz.ru/article/pro-internet/> (дата обращения: 30.07.2023).

471. Прогресс вместо стресса: зачем в компаниях практикуют майндфулнесс [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5d1f48399a7947e368764826> (дата обращения 27.06.2023).

472. Путин объявил о возобновлении программ мегатрантов для исследователей [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/07/2023/64b009749a79475848866786?from=copy> (дата обращения: 15.07.2023).

473. Пхеньян мутит Kyodo [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5643986> (дата обращения 30.10.2022).

474. Пять книг осени на разные вкусы и интересы [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/10/23/piat-knig-oseni-na-raznye-vkusy-i-interesy.html> (дата обращения 27.06.2023).

475. Режим наибольшего благопрепятствования [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2005. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/634442> (дата обращения 30.06.2023).

476. Российские мужчины массово боятся превратиться в скуфов. Кто это такие и почему стать ими так страшно? [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2023. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/08/23/skuf/> (дата обращения 27.06.2023).

477. Сколково убивает наукограды [Электронный ресурс] // Труд. – 2010. – URL: https://www.trud.ru/article/06-10-2010/251611_skolkovo_ubivaet_naukogrady.html/print (дата обращения 27.06.2023).

478. Скончалась британская певица и телеведущая Силла Блэк [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2781123> (дата обращения 27.06.2023).

479. СМИ узнали о списке запрещенных выражений на «Матч ТВ» [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2016. – URL: <https://lenta.ru/news/2016/09/26/matchtvprohibitedwords/> (дата обращения: 20.10.2022).

480. Сорок лет и два года смеха [Электронный ресурс] // Известия. – 2011. – URL: <https://iz.ru/news/508317> (дата обращения: 20.10.2022).

481. Степанян О. Вера Полозкова или Анна Ахматова: а вы разбираетесь в поэзии? [Электронный ресурс] // – РБК. – 2021. – URL: <https://style.rbc.ru/quiz/6042185a9a79471196c11322> (Дата обращения: 09.05.2023).

482. Телеканал RT запустил вещание во Франции [Электронный ресурс] // Известия. – 2017. – URL: <https://iz.ru/685097/2017-12-19/telekanal-rt-zapustil-veshchanie-vo-frantsii> (дата обращения: 25.06.2023).

483. Фактчек: 9 самых популярных легенд о Маяковском [Электронный ресурс] // Arzamas. – 2023. – URL: <https://arzamas.academy/mag/1168-mayak> (дата обращения 03.04.2023).

484. Фигура говорения: Александр Бовин и его умение убеждать [Электронный ресурс] // Известия. – 2020. – URL: <https://iz.ru/1045347/igor-litvinenko/figura-govoreniia-aleksandr-bovin-i-ego-umenie-ubezhdat> (дата обращения: 15.10.2022).

485. Хоть всех святых выноси [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5634074> (дата обращения 30.10.2022).

486. Шаповалова, В. Как не верить фейк-ньюз в социальных сетях [Электронный ресурс] // Theory&Practice. – 2020. – URL:

<https://theoryandpractice.ru/posts/18028-kak-ne-verit-feyk-nyuz-v-sotsialnykh-setyakh#comments> (дата обращения: 09.05.2023).

487. Эдельвейс или папоротник? Тест на знание поэтической ботаники [Электронный ресурс] // Arzamas. – 2021. – URL: <https://arzamas.academy/mag/991-fleurs> (дата обращения 21.10.2022).

488. Brooks, D. Globalization is over. The global culture wars have begun [Электронный ресурс] // The New York Times. – 2022. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/08/opinion/globalization-global-culture-war.html> (дата обращения 21.11.2022).

489. Cooke, R. 100 best novels: one in five doesn't represent over 300 years of women in literature: a response [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2015. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/aug/16/100-best-novels-women-in-literature-rachel-cooke> (дата обращения 20.10.2022).

490. McCrum, R. The 100 best novels written in English: the full list [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2015. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/aug/17/the-100-best-novels-written-in-english-the-full-list> (дата обращения 21.09.2022).

491. Shackell, J. “Most of Australia’s literary heritage is out of print”: the fight to rescue a nation’s lost books [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2021. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/jun/24/most-of-australias-literary-heritage-is-out-of-print-the-fight-to-rescue-a-nations-lost-books> (дата обращения 12.11.2022).

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ДИССЕРТАЦИИ ТЕРМИНОВ

Кроссмедийная выразительность медиаречи: «использование вербальных, иконических, аудиальных средств в зависимости от пропускной способности канала трансляции и с определенной коммуникативной целью [Шабалин 2020d], куда, помимо самих средств кроссмедийной выразительности, входят диапазон интерпретации (Т. Г. Добросклонская) и приемы цифровой каллиграфии (В. Д. Мансурова).

Лингвоастенизмы: явления, истощающие языковые ресурсы. Прежде всего, это выпадение из активной зоны языкового сознания и речевого употребления книжных слов, обозначающих абстрактные понятия; убыль лексики для выражения эмоций; переход фразеологизмов в разряд устаревших; забвение культуuroобразующих прецедентных имен и текстов; этикетно-языковая недостаточность [Экология русского языка 2017, с. 112].

Лингвоперверсивы: явления, искажающие национальную, в том числе языковую, картину мира отдельного человека и социума. Прежде всего, это вербально выраженная десакрализация национальных символов; порождение семантической амбивалентности ключевых слов и терминов; исторически не оправданное именование и переименование топонимических объектов; искажение антропонимических традиций; не оправданная стилевая диффузия [Там же, с. 112–113].

Лингвотоксины: явления, загрязняющие язык и речь. Прежде всего, это прагматически не оправданные иноязычные заимствования; вульгаризация и обсценизация языка/речи; производство и распространение лингвоцинизмов; бюрократизация языка/речи; ярлыкообразование и навешивание ярлыков; эстетически и этически не оправданная экспансия внелитературных элементов; нецелесообразное словотворчество [Там же, с. 112].

Лингвоэкологическая диагностика: комплексный анализ языковой/речевой единицы (слова и его употребления, высказывания, текста, дискурса), а также среды обитания языка и его речевой реализации, направленный

на выявление и характеристику признаков неэкологичности – лингвотравмем, т. е. таких единиц языка/речи и факторов среды обитания, которые являются показателями или условиями языковой деградации, в т. ч. лингвотоксины, лингвоастенизмы, лингвоперверсивы.

Лингвоэкологические факторы риска: такие воздействия на язык и среду его обитания, которые при определенных условиях (например, масштабности и длительности протекания) способствуют деградации языка и/или речи.

Лингвоэкологический потенциал медиавысказывания: способность медиавысказывания влиять на показатель экологичности/неэкологичности отдельно взятого участка цифровой коммуникации, т. е. на лингвоэкологический статус медиасреды.

Лингвоэкологический статус медиасреды: показатель экологичности/неэкологичности отдельного взятого участка цифровой коммуникации, сопряженный с лингвоэкологическими факторами риска.

Медиалект: в достаточной степени стандартизированный и быстро усваиваемый всеми пользователями новых медиа подстиль публицистического стиля, функционирующий в новых медиа. Медиалект является результатом вербализации медиаобраза с помощью средств кроссмедийной выразительности медиаречи, он – связующее звено в системе «медиаобраз – медиалект – медиатекст».

Медиаобраз: «форма существования массового сознания в медиакоммуникации» [Галинская 2013, с. 91–94]; первичное звено в системе «медиаобраз – медиалект – медиатекст».

Медиаречь: «синонимичное медиадискурсу понятие; совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2015а, с. 45–56].

Медиасреда: совокупность каналов трансляции отдельно взятого СМИ.

Медиатекст: «актуализованное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [Добросклонская 2005, с. 34]; конечное звено в системе

«медиаобраз – медиалект – медиатекст». Ключевые признаки медиатекста: медийность, интертекстуальная открытость, семиотическая интегративность.

Речевая норма (норма речи): общепринятое представление культурных носителей языка о закономерностях его функционирования, отраженное в узусе и сформулированное в виде прагматических правил – речеповеденческих и текстовых (Г. А. Копнина).

Речевая системность функционального стиля: «взаимосвязь языковых средств в конкретной речевой разновидности (как внутри каждого языкового уровня, так и между уровнями), а также текстовых единиц на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, обусловленного экстралингвистической основой данной речевой разновидности» [Кожина 2008, с. 100].

Средства кроссмедийной выразительности (медиа речи): языковые и параязыковые единицы, функционирующие в подъязыке публицистического стиля, т. е. в медиалекте. Прилагательное «кроссмедийный» в данном случае указывает на зависимость этих языковых и параязыковых единиц от канала трансляции, или от определенного медиа. Таким образом, средства кроссмедийной выразительности входят в объем понятия «медиалект», выступая планом его выражения. План же их содержания зависит в большей степени не от канала трансляции, а от стилеобразующей категории автора – только уже не публицистического текста [Солганик 2001], а медиатекста. Таким автором выступает homo interneticus (Б. Тошович).

Стилистический (речевой) узус: общепринятая система стилистического употребления языковых средств, «коммуникативные навыки языкового употребления» (Т. В. Жеребило).

Сценарии конвергенции: вариативность цифровой коммуникации, подразумевающая различные способы общения в медиасреде (текстовый, иконический аудиальный). Выделяют мультимедийный, кроссмедийный и трансмедийный сценарии.

Цифровая коммуникация: взаимодействие адресантов и адресатов в интернете, их виртуальное общение посредством медиалекта.

Экология языка (лингвоэкология): раздел языкознания, целью и предметом которого являются условия существования языка, выявление негативных и позитивных факторов, влияющих на развитие отдельно взятой языковой системы (А. П. Сковородников).

Языковая норма (норма литературного языка): опирающееся на языковой узус и одобрение со стороны образованной части общества словоупотребление (В. И. Кодухов)

Языковой узус: общепринятое употребление языковой единицы, зафиксированное в словарях (Н. Г. Комлев).

AI-текст: текст, созданный алгоритмом; сгенерированное нейросетью текстовое сообщение на основании конкретного запроса пользователя. «AI-текст – смежное с медиатекстом понятие, однако ключевые признаки AI-текста – автокоммуникация, нарративный (недискурсивный) способ изложения материала, относительность категории автора – ставят под сомнение его дефиниционный статус медиатекста» [Шабалин 2023а, с. 802].

Homo confusus (адресат): субъект цифровой коммуникации, который, взаимодействуя с адресантом, оказывается дезориентированным, растерянным, неспособным к адекватному восприятию реальности из-за различных стилистических эффектов, вызываемых медиалектом (В. И. Шаховский).

Homo interneticus (адресант): субъект цифровой коммуникации, который, используя медиалект, вызывает различные стилистические эффекты: интенциональные (стремится к экспрессивности и эмоциональности), лудистские (занимается игрой слов), демонстративные (выражает протест), деструктивные (нарушает языковые нормы), провокационные (использует то, что вызывает отрицательную реакцию) и др. (Б. Тошович).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Структурно-семантическая классификация
средств кроссмедийной выразительности медиаречи

№ п/п	Средства кроссмедийной выразительности медиаречи	Критерии экологичности медиаречи	
		Нормативно- стилистический	Коммуникативно- прагматический
Структурно-семантические средства			
1	<p>Хэштег (#книги)</p> <p><i>#аудиообзор</i> <i>#историяутвоегопорога</i> <i>#краеведческиеиздания</i> <i>#никитинка</i> <i>#отделкраеведенияникитинки</i> <i>#усадыбы #библиотека #книги</i> [НКРЯ]</p> <p><i>#факты #надоразобраться</i> <i>#проверка гипотез #ложные</i> <i>мнения #информационный поток</i> [Theory&Practice. Как не верить фейк-ньюз в социальных сетях 2020]</p> <p><i>#мифы #поэзия #фактчек #тест</i> <i>#серебряный век #XX век</i> [Arzamas. Эдельвейс или папоротник? 2021]</p>	-	+/-
2	<p>Эрратив (аффтар)</p> <p><i>«Интересно, а что бы сделал аффтар?», – задался</i> <i>риторическим вопросом министр</i> <i>культуры, продемонстрировав</i> <i>недюжинное знание российской</i> <i>блогосферы и блестящее владение</i> <i>«олбанским» языком [РБК.</i> Министр культуры объяснил, почему не вручил награду К. Денев на ММКФ 2012]</p> <p><i>Падра. Слово из песни дуэта</i> <i>MiyaGi & Andy Panda</i></p>	-	+/-

	<p><i>«Кассандра» означает подругу</i> [РБК. Не агрись, думер! 2021]</p> <p><i>Еще мне не нравится интернет-манера писать «кросавчег», «котег», «хоцца» и т. д.</i> [НКРЯ]</p> <p><i>Гспди – женицинессы, людини, вот и хочешь стать феминисткой, но это надругательство над языком убивает</i> [НКРЯ]</p>		
3	<p>Неологизм (спичрайтер)</p> <p><i>90 лет назад, 9 августа 1930 года родился Александр Бовин, самый большой человек советского телевидения. «Известия» в этот день вспоминают своего многолетнего политического обозревателя, а также советника Андропова, спичрайтера Брежнева и первого российского посла в Израиле</i> [Известия. Фигура говорения: Александр Бовин и его умение убеждать 2020]</p> <p><i>Как и песня, ролик наполнен «ламповой» атмосферой английской провинции из клипов 1980-х, за которые мы когда-то и полюбили всех этих исполнителей</i> [Известия. Прекрасное недалеко: дискотека 1980-х, архивы Янга и вернувшиеся Placebo 2022]</p> <p><i>«Люди любят истории больше фактов»:</i> писатель Бор Стенвик о лжи, самозванцах и фейковых новостях [Theory&Practice. Люди любят истории больше фактов 2016]</p>	+/-	+/-

<p><i>Немецкий сайт De Correspondent был создан благодаря успешной краудфандинговой кампании; Эрнст-Ян Пфаут, сооснователь сайта, рассказал T&P о том, чем плоха нативная реклама [Theory&Practice. Не делайте из читателя марионетку 2016]</i></p> <p><i>Ботать. Нет, не по фене. У зумеров это – учиться, зубрить [РБК. Не агрись, думер! 2021]</i></p> <p><i>Забайтить. То есть спровоцировать. Происходит от английского bait — «наживка» [РБК. Не агрись, думер! 2021]</i></p> <p><i>Ливнуть. От английского leave, что значит «уйти» [РБК. Не агрись, думер! 2021]</i></p> <p><i>Слово просочилось из среды геймеров: лут – это ценная вещь, которую может получить игрок за уничтожение врага. У зумеров обычно используется в значении покупки, а залутиться соответственно – закупиться [РБК. Не агрись, думер! 2021]</i></p> <p><i>Про прочий богомерзкий газлайтинг, я скажу так: «вот вы, милочка, кофий выпили, энергией зарядились, славно же будет вам сейчас прогуляться прочь отсюда быстрым шагом!» [Lenta.ru Встаю по режиму, питаюсь овсянкой 2017]</i></p> <p><i>Он формулирует историю про возмутившую его яжмать [НКРЯ]</i></p>		
---	--	--

<p><i>Гострайтер (англ. <i>ghost</i>) — человек, анонимно занимающийся написанием текстов для бездарных рэперов или участников <i>Versus Battle</i>. Как правило, в своих раундах многие баттл-МС обвиняют друг друга в использовании услуг гострайтеров [Lenta.ru Верните мой 2007-й 2017]</i></p> <p><i>Иван Шипнигов уважать себя заставил в позапрошлом году, выпустив необычную книгу «Стрим» – как бы реальные монологи очень разных, но совершенно обычных людей, говорящих о своих обычных проблемах, и, как отметили все писавшие о «Стриме», своими голосами со своими интонациями [Российская газета. Пять книг осени на разные вкусы и интересы 2023]</i></p> <p><i>За достоверность той рекламы ручаться сложно, не исключено, что это только хайп, никто не сминал новенькие суперкары [Коммерсантъ. Блок-плов 2022]</i></p> <p><i>«Особенность формата заключается в том, что рекламодатель платит только за показы видео в ленте, а весь виральный эффект (когда роликом делятся друзья пользователя – прим. «Ленты.ру») достается бесплатно [Lenta.ru. В «Одноклассниках» появилась видеореклама с автозапуском 2015]</i></p>		
--	--	--

4	<p>Олбанская конструкция (нейсатель)</p> <p><i>Ну и конечно каждый из них скорее всего нейсатель!</i> [НКРЯ]</p> <p><i>Проснись, Нео, Ктулху фхтагн!</i> [НКРЯ]</p> <p><i>Хаваает, прёццо и просит добавки...как и «прикольный титульный элрторатец»! Ога!)))</i> [НКРЯ]</p>	-	+/-
5	<p>Каламбур (открой личку)</p> <p><i>Современное: Гюльчатая, открой личку</i> [Литературная газета. Про интернет 2023]</p> <p><i>Навстречу серверной «Авроре»</i> [Коммерсантъ. Навстречу серверной «Авроре» 2022]</p> <p><i>Пхеньян мутит Kyodo</i> [Коммерсантъ. Пхеньян мутит Kyodo 2022]</p> <p><i>Нужно три-джи подумать</i> [Коммерсантъ. Нужно три-джи подумать 2022]</p> <p><i>...обсуждают проколы и просчёты этой неизвестно кем зажжённой, а ныне полузатухшей «звезды»</i> [Литературная газета. Звезды и звезды 2018]</p> <p><i>Деловая пассивность: экономика ЕС балансирует на грани кризиса</i> [Известия. Деловая пассивность 2023]</p>	+/-	+/-
6	<p>Бленд (Оксбридж)</p>	+/-	+/-

<p><i>Интеллектуалы, выпускники Оксбриджей (кроме американца Гиллиама, которого привез из Штатов Эрик Айдл) [Известия. Сорок лет и два года смеха 2011]</i></p> <p><i>Агрошкольник. Дословно – «агрессивный школьник», от слова «агриться» – сердиться. Используется по отношению к хамам, встречающим в чужую беседу без знания контекста [РБК. Не агрись, думер! 2021].</i></p> <p><i>Режим наибольшего благопрепятствования. Москве не дадут уйти из Приднестровья [Коммерсантъ. Режим наибольшего благопрепятствования 2005].</i></p> <p><i>Десовестизация, демокрад, господарищи, хаосмейкеры, апофегей, соросята, женоненасытчик – это только часть придуманных, изобретенных Поляковым новых слов и понятий, которые рождались у него, в том числе и на страницах «Труда», где писатель на протяжении долгого времени вел острую, неизменно вызывавшую читательскую полемику авторскую колонку [Труд. Жизнь прошла безразвратно 2007]</i></p> <p><i>Слово permacrisis образовано из двух: <i>permanent</i> (постоянный) и <i>crisis</i> (кризис). Составители словаря определяют таким образом «длительный период нестабильности и небезопасности» [Theory&Practice</i></p>		
---	--	--

	<p>Женщина, газлайтинг и другие: главные слова 2022 года 2022].</p> <p><i>На российских маркетплейсах выросли продажи старых книг</i> [Российская газета. На российских маркетплейсах выросли продажи старых книг 2023]</p> <p><i>А если вы хотите принять участие в съемке индийского фильма, то обязательно загляните на съемочную площадку «Киномагия представляет: Жизнь не может быть скучной»</i> [РБК. 7 причин посетить парк развлечений Dubai Parks and Resorts в Дубае 2021]</p> <p><i>«Мы всех всегда били, бьем и будем бить» 170 лет назад началась Крымская война. Как она изменила Россию?</i> [Lenta.ru. «Мы всех всегда били, бьем и будем бить» 2023]</p> <p><i>Народный хайпожор Андрей Малахов годами копался в грязном белье россиян, но не замарал руки</i> [Lenta.ru. Малахов разоблачил известного бизнес-гуру из интернета 2020]</p>		
7	<p>Эпоним (Илоны Маски)</p> <p><i>«Эту работу просто надо продолжать, это как питательная среда, из которой обязательно родятся там будущие Илоны Маски», – сказал он в ходе ПМЭФ</i> [РБК. Путин объявил о возобновлении программ мегагрантов для исследователей 2023]</p>	+/-	+/-

<p><i>Стэнить. Означает фанатеть. Слово позаимствовано у Эминема: Стэном зовут персонажа клипа совместного клипа рэпера с Дайдо «Stan». Он безумный фанат Эминема, закидывающий кумира письмами и мечтающий с ним встретиться. Кумир оставляет письма без ответа – Стэн окончательно сходит с ума и убивает свою девушку и себя [РБК. Не агрись, думер! 2021]</i></p> <p><i>Когда вам предлагают чудодейственное лекарство от всех болезней, подумайте, а почему всякие трампы, ким ир сены и прочие не принимают это лекарство, если оно есть, и не живут вечно? [Вести. Доктор Мясников: «Не доводите здоровье до революционной ситуации» 2020]</i></p> <p><i>«Мы пухли от голода, а вы, товарищи Бузовы, пухнете от денег» [Lenta.ru. Илья Резник назвал деградацией шутку Бузовой о блокаде 2019]</i></p> <p><i>Но на какую кнопку ни нажми, везде киркоровы, басковы и михайловы [Известия. Лукашинский музыкальный фестиваль 2016]</i></p> <p><i>Жаждающие мировой славы юные Перельманы и Алферовы из глубинки и вовсе не будут раздумывать, считают эксперты [Труд. Сколково убивает наукограды 2010]</i></p>		
--	--	--

8	<p>Несистемные формы Pluralia tantum/Singularia tantum (испуги)</p> <p><i>Но испуги такого рода уже прошли. Специалисты говорят – не то время. Штрафов никаких к респондентам не будет, даже если скажут переписчику неправду [РБК. На проведение сельхозпереписи Татарстан израсходует 150 млн рублей 2016]</i></p> <p>МегаКачеля – это гигантская качеля, высотой 7 этажей [НКРЯ]</p>	-	+/-
9	<p>Речевой шаблон (Доброго времени суток)</p> <p><i>Рекомендовано отказаться от таких выражений, как «добротная команда», «ваши покорный слуга», «как с гуся вода», «доброго времени суток», «пальма первенства», «зенит славы», «львиная доля», «массированная атака», «не все ладится», «журналистская братия», «попустительство защитников», «схлопотать», «на встречных курсах» и ряда других [Lenta.ru. СМИ узнали о списке запрещенных выражений на «Матч ТВ» 2016]</i></p> <p>А чо, так можно было? [НКРЯ]</p> <p><i>На пары ходить, лекции перечитывать, готовиться к каждым семинарам... бла-бла-бла) Но это действительно так... вот сейчас мучаюсь... [НКРЯ]</i></p> <p><i>А ученые, озабоченные падением уровня образования и тем, что</i></p>	+/-	-

	<p>государственные институты все чаще занимают антинаучные позиции, – это другое. [Эксперт. Мракобесие, или Наших бьют 2013]</p>		
10	<p>Маркер разговорной речи (ну, а, типо, вот так, как бы)</p> <p><i>Значительная часть как бы бесхозных земель занята садовыми участками, которые в советское время относились к имуществу совхозов и колхозов</i> [Парламентская газета. Владельцев неучтённой недвижимости найдут и «учтут» 2021]</p> <p>Щас у меня испанский стыд 😞 [НКРЯ]</p> <p><i>Все равно надо делать, но это неточно...</i> 🤔 😞 [НКРЯ]</p> <p><i>Дышите ровно и продолжайте перемешивать карты до полного растворения в моменте</i> [НКРЯ]</p> <p><i>Ищите, типо, и обряцете — черт возьми, а почему бы и нет?!</i> [Известия. Квартирный вопрос или пиар: что портит Москву и страну? 2014]</p> <p><i>Официальный представитель Министерства иностранных дел Мария Захарова в Telegram-канале в понедельник прокомментировала масштабный сбой в работе Facebook, WhatsApp и Instagram. «Жесть. К вопросу о том, нужны ли нам свои соцсети и интернет-платформы», — написала дипломат</i> [Парламентская газета.</p>	+/-	+/-

	<p>Захарова прокомментировала массовые сбои в работе соцсетей и мессенджеров 2021]</p> <p><i>В принципе, держать на полке прокисшее молоко – это наказуемо</i> [Парламентская газета. 10 вопросов простого покупателя 2021]</p>		
11	<p>Активный линк («Грамота.ру»)</p> <p><i>«Грамота.ру» – пространство с ответами на любые вопросы об орфографии и пунктуации</i> [ГОЛ 2022]</p> <p>Подготовила <u>Майя Кучерская</u> [Arzamas. «Укушетка» и «путимец» 2021]</p> <p>Подготовил <u>Александр Гришин</u> [Arzamas. Эдельвейс или папоротник? 2021]</p>	-	+/-
12	<p>Мем (Окей, бумер)</p> <p><i>Рингтоны в 2021 году? Окей, бумер</i> [НКРЯ]</p> <p><i>Безумно можно быть первым. Расхожий мем – строчка из трека рэпера Notie. Из-за абсурдности используется в качестве «добивки» или ответа на бессмысленную, псевдо-мудрую цитату</i> [РБК. Не агрись, думер! 2021]</p> <p><i>Оксфордский словарь опубликовал результаты первого голосования за слово года — им стало выражение goblin mode («режим гоблина»). Это ленивое, неопрятное и эгоистичное поведение</i> [РБК. Оксфордский</p>	+/-	+/-

<p>словарь назвал «режим гоблина» словом 2022 года 2022]</p> <p><i>Дизлайк не глядя</i> (англ. <i>dislike</i>) – мода на хейт пошла с YouTube, где у пользователей впервые появилась возможность безнаказанно демонстрировать негативное отношение к тому или иному блогеру [Lenta.ru Верните мой 2007-й 2017]</p> <p><i>Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в скуфа</i> [Lenta.ru Российские мужчины массово боятся превратиться в скуфов. Кто это такие и почему стать ими так страшно? 2023]</p> <p><i>В 1970-е годы Блэк попробовала себя как комедийная актриса, а с середины 1980-х по начало 2000-х, будучи хозяйкой двух шоу-программ <i>Blind Date</i> и Surprise Surprise была одной из самых популярных телеведущих страны</i> [Коммерсант. Скончалась британская певица и телеведущая Силла Блэк 2015]</p> <p><i>Большинство музыкальных эпизодов взяты из анимационного фильма 1989 года и менее эффекты, трогательны и эмоциональны в live-action (<i>Under the Sea</i> и <i>Kiss the Girl</i> здорово, весело и красиво поставлены, но их визуализация, скорее всего, заставит зрителей побыстрее сбежать домой, чтобы пересмотреть оригинальный мультфильм). Сплющенный Флаундер действительно</i></p>		
---	--	--

	<p>ужасает» [РБК. «Сплющенный Флаундер ужасает» 2023]</p> <p><i>И пока в глубине на экране высвечивается постер с афишей концерта новоявленной артистки, экраны на порталах слева и справа транслируют фейспалм элегантного Ставрогина (Александра Ребенок)</i> [Коммерсантъ. Бес взят 2020]</p>		
13	<p>Эмодикон (эмодзи) (; 😊)</p> <p><i>Дайте-ка угадаю 😊</i> [НКРЯ]</p>	-	+/-
14	<p>Никнейм (raxsu)</p> <p><i>Творческий никнейм: raxsu</i> [НКРЯ]</p>	+/-	+/-
15	<p>Варваризм (fake news)</p> <p><i>Ученые занимаются разработкой методов определения fake news</i> [РБК. «Люди не готовы к решениям и ошибкам нейросети» 2023]</p> <p><i>Осознанное потребление информации: как защитит себя от fake facts; Несколько лет назад появилось понятие deep fake; Например, журналист Bloomberg Maysy Kinsley, который имел профиль в LinkedIn и Twitter, на самом деле <u>не существовал</u>; инструкция fast fact-checking</i> [Theory&Practice. Осознанное потребление информации 2022]</p> <p><i>Все это – записи и съемки разных лет, находящиеся в свободном доступе на YouTube</i> [Arzamas. Идеальный телевизор 2015]</p>	-	+/-

	<p><i>Нивелировали усилия рестораторов и операторов торгцентров по привлечению посетителей на Halloween</i> [Коммерсантъ. Хоть всех святых выноси 2022]</p>		
Структурные средства			
16	<p>Транслит/Транскрипция (фейк-нюз, кулстори)</p> <p><i>Инструменты маркирования достоверной информации в качестве ответа на проблему «фейк-нюз»</i> [РБК. От первых смартфонов до «телепорта» 2022]</p> <p><i>Кулстори дня: На все мои заверения, что у меня есть планы 50/ 50, и если их и не будет, то мне есть чем заняться, мне ответили ЭТО ВАЖНЕЕ</i> [НКРЯ]</p> <p>Фактчек: 9 самых популярных легенд о Маяковском [Arzamas. Фактчек 2023]</p> <p><i>Потребители потеряли интерес к празднованию Хэллоуина</i> [Коммерсантъ. Хоть всех святых выноси 2022]</p> <p>Бинджвотчинг. <i>От английского binge watching, дословно – запойный просмотр. Чаще всего используется в контексте сериалов: когда происходящее на экране настолько увлекает, что вы буквально проглатываете серию за серией и сезон за сезоном</i> [РБК. Не агрись, думер! 2021]</p> <p>Войснуть. <i>Отправить голосовое сообщение (оно же – «голосовуха»</i></p>	+	-

	<p>и «гс») [РБК. Не агрись, думер! 2021]</p> <p>Думер, глумер, блумер. <i>Апатичный, депрессивный, склонный к саморазрушению, антисоциальный человек. Так же существуют глумер (просто грустный человек) и блумер (излишне жизнерадостный) [РБК. Не агрись, думер! 2021]</i></p> <p><i>Это совсем изи [НКРЯ]</i></p> <p><i>Потому что он мне ближе по вайбу [Афиша Daily. «Я чувачок, у которого получается» 2018]</i></p> <p><i>Западные корпорации давно практикуют майндфулнесс — «осознанную медитацию», суть которой заключается в умении успокоиться и погрузиться в момент [РБК. Прогресс вместо стресса: зачем в компаниях практикуют майндфулнесс 2019]</i></p>		
17	<p>Аббревиатура (ИМНО)</p> <p>ИМНО, единственные шансы на будущий международный статус сейчас имеют только несущие языки евросоюза АКА Французский и Немецкий [НКРЯ]</p> <p><i>В нашем случае размер квоты должен определяться степенью развития ОС [Коммерсантъ. Навстречу серверной «Авроре» 2022]</i></p> <p>Дноклы. Сокращенно от одноклассников [РБК. Не агрись, думер! 2021]</p>	+	-

	<p>RYTP (Russian YouTube Poop, РИТП). Смешные ролики в русском YouTube, созданные путем монтажа нескольких вирусных мемов видео [РБК. Не агрись, думер! 2021]</p> <p>«Первичная принадлежность любого творчества – все-таки человек. Помните хайп NFT? Это один из способов защиты любого изображения в интернете» [Коммерсантъ. Нейросетям понадобились адвокаты 2023]</p>		
18	<p>Интернет-частица (какбэ, нуок, го)</p> <p>«Нуок, лол», – говорит Билл Гейтс и распускает всех с пресс-конференции, о которой узнал пару минут назад [НКРЯ]</p> <p>А ведь достаточно только прочитать аннотацию к этим какбэ «факсимиле», и сразу вскрывается подлог [НКРЯ]</p> <p>А го со мной [НКРЯ]</p>	-	+/-
19	<p>Интернет-междометие (бугага, мимими, кек)</p> <p>Кек, она если и упала, то за счёт международных компаний, а не рядовых Ванек-пиратов [НКРЯ]; Кек (англ. kek) – своеобразный аналог LOL (ржу не могу), пришедший в русский язык из Кореи [Lenta.ru Верните мой 2007-й 2017]</p> <p>Ауф. Выражает одобрение и восхищение, синоним «вау». Часто употребляется в музыке, в том числе в треках рэпера Нурминского и рэпера Sqwoz Bab.</p>	-	+/-

	<p>«Ауф» вошло в топ новых русских слов по версии «Яндекса» за 2020 год [РБК. Не агрись, думер! 2021]</p> <p>Бугага как говорится :) [НКРЯ]</p> <p><i>А пока – пусть будет в доме. Он же такой – мимими!</i> [Огонек. Красавчик в доме 2015]</p> <p><i>Всем советую азазаза</i> [НКРЯ]</p>		
20	<p>Голофразис (ясчитаю)</p> <p>Ясчитаю что любящий человек поймет и примет эти мои пункты, не подлежащие обсуждению, как данность [НКРЯ]</p> <p>«тыжгуманитарий» – это симметричный ответ на «тыжпрограммист»:)))))) [НКРЯ]</p> <p>омагад, что за мадонна? [НКРЯ]</p>	-	+/-
Семантические средства			
21	<p>Негативатор (фейкометы)</p> <p><i>«Мы очень рады, что французская аудитория теперь сама узнает и сама увидит, какие мы “фейкометы” и какие мы «рупоры кремлевской пропаганды», или мы на самом деле единственный телеканал во Франции, который показывает им альтернативную точку зрения», – добавила она [Известия. Телеканал RT запустил вещание во Франции 2017]</i></p> <p>«...ограничить финансовые спекуляции и произвол монополий»; соцсети как новая среда жизни человека стали</p>	+/-	-

	<p><i>превращаться во всепоглощающие цифровые экосистемы; ликвидация образования для подчинения масс загнивающим (и потому не способным обосновать свою власть) глобальным монополиям; деградация (из-за краха образования) глобального и национального управления; это обеспечит глобальное доминирование цифровой фракции капитала, базирующегося в США и Англии, и помещение «золотых ста миллионов» в электронный концлагерь, а остальных — в агонизирующий «киберпанк»</i> [Известия. Выжить в жерновах истории 2022]</p> <p><i>All manner of antiglobalization movements have arisen: those of the Brexiteers, xenophobic nationalists, Trumpian populists, the antiglobalist left</i> [The New York Times. Globalization Is Over. The Global Culture Wars Have Begun 2022]</p> <p><i>Личинус. Негативно окрашенное слово по отношению к ребенку, пришедшее из сленга групп про «яжематерей». Образовано от слова «личинка»</i> [РБК. Не агрись, думер! 2021]</p>		
22	<p>Глорификатор (многополярный мир)</p> <p><i>Вот тут открывается основное понимание, что такое многополярный мир, про который сейчас так много разговоров</i> [РБК. Инвестидея:</p>	+/-	+

	<p>заработать на «золотых» токенах 2023]</p> <p><i>...для обеспечения общественной солидарности; главным приоритетом власти должно быть наращивание интеллектуальной производительности; этот разворот к созидательному преобразению России является условием нашего выживания [Известия. Выжить в жерновах истории 2022]</i></p> <p><i>People don't want to blend into a homogeneous global culture; they want to preserve their own kind; We in the democratic nations of the world are lucky enough to live in societies that have rules-based orders; This is not what we thought would happen in the golden age of globalization [The New York Times. Globalization Is Over. The Global Culture Wars Have Begun 2022]</i></p>		
23	<p>Аксиологический амбивалент (скрепы)</p> <p><i>Пуристы на Ямайке и вне ее относились к успехам Марли сдержанно: ушел от корней, растерял скрепы. Однако они ошибались [Известия. Принесший огонь 2020]</i></p> <p><i>Небывалая волна кризисов, в которой запуталось и потерялось современное человечество, – лишь внешнее проявление его глубочайшего и всестороннего перестроения [Известия. Выжить в жерновах истории 2022]</i></p>	+/-	+/-

	<p><i>Какой образ жизни и мыслей соответствует высоким либеральным стандартам; в основе этого пресловутого порядка лежат, конечно, не демократические ценности, а классический колониальный подход; западные демиурги стремятся решить за население, каким путем и в каком геополитическом направлении им двигаться [Известия. Реальная деколонизация 2022]</i></p> <p><i>Спрос, считают разработчики, обеспечат как пользователи кнопочных телефонов и «цифровые агностики» (по оценке авторов документа, 14,6 млн человек), так и владельцы иностранных смартфонов (95,3 млн человек) [Коммерсантъ. Навстречу серверной «Авроре» 2022]</i></p> <p><i>We called this process of convergence globalization; But globalization was also a political, social and moral process; It was sometimes assumed that as people “modernized,” they would become more bourgeois, consumerist, peaceful – just like us; After the Cold War, Western values came to dominate the world — through our movies, music, political conversation, social media [The New York Times. Globalization Is Over. The Global Culture Wars Have Begun 2022]</i></p>		
--	---	--	--